

ФИЛОСОФИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ЛИНГВИСТИКА

1

ТОМ 3
2012

ISSN 2219-9373

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Серия

«ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»

Научный журнал

ISSN 2219-9373

9 772219 937378 >

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный химико-технологический университет» (ФГБОУ ВПО «ИГХТУ»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Иванова Наталья Кирилловна (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор (Иваново);
Раскатова Елена Михайловна (зам. главного редактора) – доктор исторических наук, профессор (Иваново);
Барбетов Игорь Ильич (зам. главного редактора) – доцент (Иваново);
Мощева Светлана Васильевна (ответственный секретарь) – кандидат филологических наук, доцент (Иваново);

Будник Галина Анатольевна доктор исторических наук, профессор (Иваново);
Клейман Марк Борисович кандидат психологических наук, доцент (Иваново);
Кондаков Игорь Вадимович доктор философских наук, кандидат филологических наук профессор (Москва);
Котлова Татьяна Борисовна доктор исторических наук, профессор (Иваново);
Кривушин Иван Владимирович доктор исторических наук, профессор (Москва);
Кудряшова Татьяна Борисовна доктор философских наук, профессор (Иваново);
Масленникова Ольга Николаевна кандидат филологических наук, доцент (Иваново);
Миловзорова Мария Алексеевна кандидат филологических наук, доцент (Иваново);
Михеева Любовь Николаевна доктор филологических наук, профессор (Иваново);
Наумов Владимир Викторович доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Попова Мария Константиновна доктор филологических наук, профессор (Воронеж);
Рыженко Валентина Георгиевна доктор исторических наук, профессор (Омск).
Скрелин Павел Анатольевич доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Адрес редакции:

153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7
Email: gum-journal@isuct.ru

Компьютерный набор и верстка: И.Ю. Базлова

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-42275 от 08.10.2010 г.

Подписной индекс “Пресса России” – 41294

Издатель: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ»

<http://www.isuct.ru/e-publ/gum/>

Периодичность изданий журнала 4 выпуска в год

Подписано в печать 23.03.2012. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая. Тираж 120 экз.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВПО «ИГХТУ»
153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

© Изв. вузов. Гуманитарные науки, 2012

Содержание

История и культурология	5
Комиссаров В.В. Развитие кинофантастики и фантастической живописи в контексте истории советской интеллигенции.....	5
Докучаев Д.С. Homo regionalis: идентичность и границы жизненного мира российского человека.....	11
Философия	17
Куликов Д.В. Некоторые структуры обыденного мышления.....	17
Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Ипостаси ноосферной истории.....	21
Петряков Л.Д. Перцепция и интенция: образ ученого в СМИ и идеализированный объект науки.....	29
Филология и лингвистика	33
Шурыгина О.А. Ассоциативное поле эмоционального концепта «joy» в художественном и религиозном дискурсах (на материале английского языка).....	33
Черкасова А.А. Особенности использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе (на материале речей Б. Обамы в Каирском дискурсе 2009 и 2011 гг.).....	39
Денисов К.М. Словарь фонетических терминов как языковое и метаязыковое учебное пособие.....	48
Горюцкая Н.В. Эрос и Танатос в мортальной лирике Валерия Брюсова.....	54
Лелис Е.И. Роль лексической структуры художественного текста в экспликации подтекстовых смыслов (на материале рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой»).....	59
Методика преподавания	65
Кабанова Л.А. Поликультурное образование как средство подготовки молодежи к жизни и успешной деятельности в условиях многокультурного социума.....	65
Шепелев М.В. Способы активизации учебно-познавательной деятельности одаренных учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии.....	71
Рецензия	75
Кудряшова Т.Б. Образование в современном мире: научный подход.....	75
Contents	77
Abstracts	79
Список авторов	82
Правила для авторов	83
Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 2012 3 (1)	3

В.В. Комиссаров

РАЗВИТИЕ КИНОФАНТАСТИКИ И ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.К. Беляева
Email: cosh-kin@mail.ru

В статье рассматриваются формы участия советской интеллигенции 1920-1980-х гг. в развитии различных видов научной фантастики: кинофантастики и фантастической живописи; используется широкий круг источников, прежде всего, публикации в популярной периодике; для анализа явления применяется междисциплинарный подход и ретроспективный анализ.

Ключевые слова: интеллигенция, научная фантастика, научно-фантастическая живопись, фантастический кинематограф.

Научная фантастика пользовалась огромной популярностью как у советской интеллигенции, так и у других слоев населения. Научно-фантастическая литература стала заметным явлением духовной жизни общества. В записке отдела пропаганды ЦК КПСС «О недостатках в издании научно-фантастической литературы» от 5 марта 1966 г. приводились следующие данные: «Научно-фантастическую литературу в СССР издают около 20 издательств – центральных, республиканских, областных. Ее регулярно печатают более 50 журналов и газет, многие из которых выходят миллионными тиражами. Если с конца прошлого века (имеется в виду XIX век. – В.К.) до 1958 года в нашей стране (СССР. – В.К.) на русском языке было выпущено около 450 названий произведений фантастики, то с 1959 по 1965 год включительно только на русском языке было издано более 1200 научно-фантастических произведений, включая переиздания, общим тиражом около 140 миллионов экземпляров» [9, с. 90]. Исследователь советской фантастики А.Ф. Бритиков писал: «Только с 1963 г. выходит ежегодно более чем 80 фантастических произведений. Если учитывать переводы, эта цифра возрастает вдвое. В 1965 г. было зарегистрировано 315 публикаций. ...Эта обильная река течет в издательства центральные и областные, литературные и научно-технические ...» [4, с. 268-269].

Нельзя не заметить, что такая проблематика, как развитие научной фантастики в СССР,

лежит полностью в предметном поле интеллигентоведения. Фантастика создавалась интеллигенцией и ее основными потребителями также были преимущественно различные отряды интеллигенции. В современных гуманитарных науках существуют разнообразные подходы по поводу трактовки понятия «интеллигенция». В контексте данной статьи разумно использовать социологическое определение интеллигенции как группы людей, профессионально занимающихся умственным трудом, хотя нельзя не заметить, что у такого подхода есть много недостатков. Особо следует оговорить социально-политическую роль интеллигенции. Исследователь оппозиционного движения в послевоенном советском обществе А.В. Шубин отмечал: «В СССР роль среднего класса играли интеллигенция, специалисты и служащие среднего звена. Они не обладали властью, но их труд носил более творческий характер ... Они считали себя более компетентными, чем вышестоящие чиновники, что приводило к конфликтам, неудовлетворенности своей работой ...» [27, с. 33-34]. Он же писал и о значении фантастики в жизни советской интеллигенции: «Многие проблемы советского общества, мучившие его в настоящем, проистекали из того, что оно было устремлено в будущее. О будущем было положено думать идеологам ЦК КПСС. Но этому аппарату приходилось все время решать проблемы настоящего. Так что будущее оставалось на долю фантастов ...» [27, с. 326].

Но научная фантастика бытовала не только в рамках литературы, но и в других видах искусства. Прежде всего, речь должна идти о кино и живописи. Как будет показано ниже, и фантастическое кино, и фантастическая живопись получили в СССР заметное распространение и привлекли различных представителей интеллигенции. Конечно же, данные виды искусства подвергались пристальному изучению, которое, впрочем, редко выходило за рамки специфически искусствоведческих работ. Это особенно заметно на примере кинофантастики [6; 24; 25]. Из публикаций последнего десятилетия можно выделить статью Ольги Балла, посвященную социальным функциям кинофантастики в современном мире. В ней дается периодизация развития мирового фантастического кинематографа, включающая четыре этапа. Первый, начинающийся с фильма Ж. Мельеса «Полет на Луну» (1902 г.), охватывает период сказочной фантастики, не имеющей строгих традиций и правил. С 1907 г. отсчитывается второй период, который ознаменует собой начало собственно научной кинофантастики, когда происходит утверждение жанровых приемов и формируется набор сюжетов. Фильм С. Кубрика «Космическая одиссея» (1968 г.) дал жизнь третьему периоду, насыщенному штучными, авторскими работами с индивидуальным почерком режиссеров (в СССР это был А.А. Тарковский). И наконец, фильмы Дж. Лукаса («Звездные войны») и С. Спилберга («Ближние контакты третьего вида»), синхронно появившиеся в 1977 году, превратили кинофантастику в один из самых влиятельных видов массовой культуры и отразили характерные признаки четвертого периода [3, с. 37-38]. От себя добавим, что с фильмов Дж. Лукаса и С. Спилберга в мировом кинематографе начинается техническая революция, а именно широкое применение компьютерной графики. Несложно заметить, что и советская кинофантастика вполне укладывается в эту периодизацию лишь с той поправкой, что хронологически она зародилась в рамках второго периода, в 1920-е гг.

В СССР 1920-1930-х гг. фантастический кинематограф имел совершенно особое звучание. Во-первых, своей футуристической устремленностью он соответствовал духу официальной пропаганды; во-вторых, в силу известного утверждения Ленина кино стало важным элементом пропагандистской машины советского государства. Буквально на заре отечественного киноискусства появляются первые фантастические фильмы, например, экранизация «Аэлиты» А.Н. Толстого, осуществленная Я.А. Протазановым еще в 1924 г. В данной статье нет необходимости анализировать все кинофильмы данного жанра, для этого есть квалифицированные кино-

ведческие работы. Остановимся на нескольких примерах, касающихся интеллигентоведческой проблематики (формы участия интеллигенции, представительство различных ее групп и отрядов, мотивация интеллигентов).

В 1935 г. был снят один из первых советских фильмов, соответствовавших всем признакам жанра научной фантастики – «Космический рейс». Он был посвящен советской экспедиции на Луну, которая, по авторскому замыслу, должна состояться в 1946 г. Режиссером данной картины стал Василий Николаевич Журавлев. Его биография вполне соответствует многим социальным характеристикам представителей первого поколения советской интеллигенции. Выходец из семьи служащих, В.Н. Журавлев 15-летним гимназистом участвовал в Гражданской войне, затем учился в Государственном техникуме кинематографии (будущем ВГИКе). Он вполне усвоил энтузиазм, характерный для той эпохи. В 1924 г., будучи студентом, В.Н. Журавлев предложил Госкино свой сценарий «Завоевание Луны мистером Фоксом и мистером Троттом». И хотя большой игровой фильм сделать не удалось, этот киносценарий был реализован в виде анимационного фильма в жанре политической сатиры [8, с. 18-20]. Но режиссер не оставил свой замысел. Он совершенствовал сценарий и даже консультировался с К.Э. Циолковским. Основоположник космонавтики подошел к идее со всей серьезностью и предложил вполне обоснованный проект лунной экспедиции. Данный фильм примечателен еще и тем, что к его созданию были привлечены серьезные специалисты из различных сфер деятельности, впоследствии составившие славу советской науки и техники. Так, систему подвесок для съемок сцен «невесомости» спроектировал А.А. Микулин – будущий конструктор авиадвигателей, академик, Герой социалистического труда и четырежды лауреат сталинской премии; макет звездного неба создавался под руководством директора московского планетария К.Н. Шестовского; дизайн кабины космического корабля консультировал известный летчик, Герой Советского Союза (следующий после челюскинцев), а также один из организаторов авиационной науки и первый директор летно-исследовательского института М. М. Громов [8, с.21].

Примечательна и фигура главного художника «Космического рейса» Юрия Павловича Швеца. Он родился на Украине, в 1929 г. окончил Киевский художественный институт по отделу теории кино. Сначала Ю.П. Швец работал на киностудии «Украинфильм». Но в 1931 г. переехал в Москву, где стал весьма успешным и продуктивным кинохудожником, специализировался в основном на сказочных или фантастико-

приключенческих фильмах [15, с. 10-11, 21]. Вклад Ю.П. Швеца в создание «Космического рейса» был огромен. Именно он вместе с В.Н. Журавлевым ездил в Калугу к К.Э. Циолковскому, под руководством которого разработал эскизы космической ракеты, скафандров и другой фантастической техники. Но Ю.П. Швец помимо прочего внес свой вклад и зарождение научно-фантастической живописи как жанра.

В послевоенный период жанр кинофантастики в СССР развивался вполне благополучно. С середины 1950-х гг. на экраны периодически стали выходить успешные фантастические кинокартины: «Тайна двух океанов», «Планета бурь», «Человек-амфибия», «Петля Ориона» и многие другие. К жанру научной кинофантастики обращались метры отечественного кинематографа. Например, А.А. Тарковский экранизировал «Солярис» С. Лема, а затем сделал по сценарию братьев Стругацких фильм «Сталкер» (экранизация их повести «Пикник на обочине»). Причем, кинофантастика традиционно пользовалась поддержкой советской интеллигенции. Астрофизик (и пропагандист идеи существования внеземного разума) И.С. Шкловский вспоминал историю своего участия в создании «Соляриса» А.А. Тарковского: «Как-то раз мне позвонил мой хороший знакомый, литературный критик Лазарь Лазарев ... “Слушай ... надо выручать хорошего человека – Андрея Тарковского... Негодяи на Мосфильме пытаются его забодать. Возвысь свой голос и быстренько напиши положительную рецензию, что, мол, насчет звезд и прочего в этом роде там полный порядок!” – пишет И.С. Шкловский и продолжает. – Я также в восторге от творчества Тарковского ... через день после получения сценария я написал на него существенно положительную рецензию. По-видимому, она в ряду прочих средств поддержки помогла режиссеру отстоять свою работу» [26, с. 105-106].

По техническому уровню советский фантастический кинематограф вполне соответствовал мировым (то есть голливудским) стандартам. Качественными спецэффектами отличались фильмы Ричарда Николаевича Виктора: «Отроки во Вселенной», «Москва – Кассиопея», «Через тернии – к звездам». Сценарий последнего подготовил популярнейший советский фантаст Кир Булычев (И.В. Можейко), а авторский коллектив картины в 1982 г. был удостоен Государственной премии СССР. При съемках Р.Н. Виктор использовал большой арсенал специальных средств. Среди них и полноразмерный макет звездолета, и бассейн для имитации невесомости, и различные светофильтры для создания нужной цветовой гаммы [5, с. 26-28]. Некоторые приемы, созданные для кинофантастики, перекочевали в реалистические жанры. Например, оператор

Борис Тихонович Травкин специализировался именно на визуальных эффектах. Им был разработан метод комбинированной съемки ФОКАЖ, когда масштабный процесс моделируется в емкости с химикатами. Этот и другие спецэффекты Б.Т. Травкин применил в таких сказочных и фантастических фильмах, как «Вий», «Молчание доктора Ивенса», «Звездный инспектор», «Лунная радуга». Оператора привлекали для создания реалистических и героико-революционных картин «Красная площадь», «Сибириада», «Ленин в Париже». С помощью своего метода Б.Т. Травкин в лабораторных условиях воспроизвел и снял для фильма «Выбор цели» визуальную картину ядерного взрыва [13, с. 425]. Но к началу 1980-х гг. технический уровень отечественной кинофантастики начинает вызывать отдельные нарекания. Например, известный советский фантаст С.И. Павлов, по произведениям которого сняты фильмы «Акванавты» и «Лунная радуга», в 1981 г. сетовал в журнальном интервью: «Что же касается проблем кинофантастики, то все наши трудности, а их пока немало, связаны в основном с недостатком опыта; видимо, нам можно кое-чему поучиться у западной кинофантастики. Разумеется, в чисто техническом плане» [21, с. 19-20]. Хотя проблема была не только в техническом уровне. Упомянутая выше О. Балла отмечала изменение социальных функций фантастики в 1970-80-е гг. «Фантастика стала осваивать роль одного из важнейших – формообразующих – источников массовой культуры ... в число основных задач фантастики попала выработка надежных форм восприятия мира ... стереотипов, – пишет исследовательница. – Массовая же культура кинофантастику будто бы и ждала: слишком уж хорошо последняя работает на ее основные, традиционные задачи» [3, с. 38-39]. Советская кинофантастика также пыталась создавать и прививать социальные стереотипы, что было заметно, например, в фильмах Р.Н. Виктора, рассчитанных преимущественно на детско-юношескую аудиторию. Поэтому закат советской кинофантастики определялся системным кризисом советского общества, распадом советской модели мироустройства, переоценкой ценностей, а технические недостатки явились лишь первым симптомом, хотя и изначально воспринимались как временные трудности.

Другим популярным видом нереалистического искусства стала живопись. Выше мы уже упоминали художника-постановщика Ю.П. Швеца, стоявшего как у истоков отечественной кинофантастики, так и фантастической живописи. Некоторые из его полотен родились из эскизов к кинофильмам, другие явились оригинальными работами на космические или научно-фантастические сюжеты. Среди них

присутствуют работы с такими названиями как: «Луна. Океан Бурь. Проспект им. Гагарина. 1996» (1972 год), «Текущий ремонт. Звездная служба», «Космодром на Луне» [18, с. 40-42]. Другим основоположником фантастической живописи в СССР стал представитель, казалось бы, далекого от искусства отряда интеллигенции. Георгий Иосифович Покровский по своим социальным характеристикам был ярко выраженный «технар». Подобно В.Н. Журавлеву и Ю.П. Швецу, он вступил во взрослую жизнь в 1920-е гг., окончил Московский институт народного хозяйства, затем преподавал во многих элитных ВТУЗах: Московском высшем техническом училище, столичном инженерно-строительном институте, военно-инженерной и военно-воздушной академиях. Г.И. Покровский имел ученую степень доктора технических наук, воинское звание генерал-майора инженерной службы и свои исследовательские усилия направил на изучение физики взрыва. С помощью разработанной им технологии использования направленных взрывов в строительстве был возведен ряд плотин и ирригационных сооружений, за что ученый получил Государственную премию СССР и звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Но уже с 1930-х гг. Г.И. Покровский публиковал в популярной и молодежной печати свои статьи и очерки, которые, как правило, снабжал собственноручными рисунками и схемами [10, с. 20-21; 19, с. 48-49]. Обладая изрядными творческими способностями, он создал целый ряд полотен на фантастические, футуристические и космические сюжеты [1, с. 12-13].

Развитию фантастической живописи в СССР способствовал космонавт Алексей Леонов. Изначально он выступал в соавторстве с профессиональным художником Андреем Соколовым, впоследствии стал работать самостоятельно. Полотна А.А. Леонова демонстрировались на многих выставках как внутри страны, так и за рубежом. Первая специализированная выставка космической живописи «Художник в космосе» состоялась еще в 1965 году. На ней свои работы представили Г. Покровский, А. Леонов и А. Соколов. [17, с. 4]. А на Всеевропейском конгрессе научных фантастов «Еврокон», проходившем в Польше в 1976 г., за свои художественные работы А.А. Леонов был удостоен «Гран-при» [12, с. 18-19]. В 1970-е гг. в ряды художников влился еще один советский космонавт – Владимир Джанибеков. Распространение космических сюжетов в живописи вполне объяснимо бурным развитием космонавтики в 1960-1970-е гг. Художники, работавшие в этом жанре, в 1976 г. объединились в творческую группу «Интеркосмос». Она действовала вполне официально при Союзе художников СССР.

Заметный вклад в развитие фантастической живописи внес Геннадий Георгиевич Голобоков. Человек сложной судьбы, он еще в 16-летнем возрасте сломал позвоночник и всю жизнь был прикован к постели. Как вспоминали очевидцы, в силу своего недуга Г. Голобоков писал лежа на спине, поставив раму с холстом себе на грудь. Но ему удалось добиться значительного мастерства. С 1958 г. Г.Г. Голобоков стал участвовать во все-союзных выставках самодеятельных художников. Затем он закончил живописное отделение Заочного народного университета в Москве, а в 1967 г. стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства [2, с. 8-9]. Его картины на фантастические и космические сюжеты участвовали в различных выставках и конкурсах: на XXIV Международном астронавтическом конгрессе в Баку, на Всемирном форуме защитников мира в Москве, на выставках в Киеве, Горьком, Праге, Будапеште, Варшаве, Братиславе, Лиссабоне, Улан-Баторе и других городах [7, с. 45-47]. Другой группой художников, работавших в жанре фантастической живописи, стали оформители молодежных и юношеских научно-популярных изданий: А.Н. Побединский, Н.М. Кольчицкий, Роберт Авотин и другие, сотрудничавшие с редакциями журналов «Знание – сила», «Юный техник», «Техника – молодежи» [22, с. 16-17].

Большую роль в деле консолидации художников, работавших в жанрах космической, футуристической и фантастической живописи, сыграла редакция журнала «Техника – молодежи». С конца 1960-х гг. журнал проводил тематические конкурсы фантастических картин «Мир завтрашнего дня», «Мир 2000 года» и «Сибирь завтра». В феврале 1977 г. был объявлен новый конкурс «Время – Пространство – Человек». За три года на него было прислано свыше тысячи картин, в том числе и из-за границы, из них около 200 опубликованы в журнале «Техника – молодежи» и в других молодежных изданиях, а 500 полотен отобрано в фонд галереи фантастической и космической живописи. Первый этап конкурса завершился в 1980 г., 6 художников получили премии, которые имели денежное выражение от 50 до 150 рублей. Несколько десятков человек были награждены Почетными дипломами журнала. Посмертно таких дипломов удостоились упоминавшиеся выше Г.И. Покровский и Г.Г. Голобоков (оба скончались в 1978 г.) Также редакция журнала решила сделать конкурс постоянным с периодическим подведением итогов [11, с. 25]. В таком виде конкурс «Время – Пространство – Человек» просуществовал до конца советской эпохи. А в апреле 1980 г. Секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление о создании при редакции журнала «Техника – молодежи» постоянно действующей научно-фантастической

выставки «Время – Пространство – Человек». Выставка имела стационарную часть, которая находилась в журнальном корпусе издательства «Молодая гвардия» и насчитывала около 100 полотен. Также действовала передвижная часть экспозиции, которая за год после своего создания демонстрировалась в нескольких клубах и кинотеатрах Москвы, а также в музеях и выставочных павильонах Калининграда, Мурманска, Свердловска, Киева [21, с. 19-20].

Кроме этого, в СССР периодически устраивались выставки фантастической и космической живописи, приуроченные к различным знаменательным событиям. Например, в 1974 г., когда в Баку состоялся Международный астронавтический конгресс, Академия наук СССР обратилась к редакции «Техники – молодежи» с просьбой об организации тематической выставки «Космос завтрашнего дня». Для этой выставки были привлечены работы с уже упоминавшегося конкурса «Мир 2000 года». Открытие выставки прошло более чем официально, на церемонии выступили многочисленные «свадебные генералы». Тогда первый секретарь Союза художников СССР Т. Салахов торжественно провозгласил рождение нового жанра: «Выставка художников-фантастов стран социалистического содружества стала своеобразным открытием нового жанра в нашем изобразительном искусстве – жанра научно-фантастической живописи» [23, с. 35]. А в декабре 1977 – январе 1978 г. Московское отделение Союза художников СССР проводило Всесоюзную выставку, посвященную 20-летию запуска первого искусственного спутника Земли [15, с. 16-17]. Аналогичную выставку провели и в дни празднования 20-летия полета Ю.А. Гагарина в 1981 г. В июле 1983 г. редакция «Техники – молодежи» организовала еще более масштабное мероприятие, приуроченное к 50-летию собственного журнала, основанного в 1933 г. На выставке было представлено рекордное количество работ – около 500.

Следует заметить, что кинофантастика и фантастическая живопись заняли место и в деятельности клубов любителей фантастики (КЛФ), которые возникали в массовом порядке в различных регионах страны. КЛФ стали советским аналогом фэн-клубов, существовавших в США и западноевропейских странах. По своему социальному составу клубы объединяли, прежде всего, представителей массовых отрядов интеллигенции. Изначально КЛФ создавались именно как объединения любителей фантастической литературы, но затем в них стали возникать секции по кино и живописи. Например, семипалатинский КЛФ «Прогрессор» включал киноклуб для взрослых фэнов¹, а также детский киноклуб «Солнечный город». КЛФ «Альгаир» из Тирасполя

имел в своей структуре помимо литературного сектора музыки и кино и сектор живописи. Клуб «Фазтон» из Тбилиси организовал в начале 1980-х гг. республиканскую неделю научно-фантастического кино. А клуб «Контакт» из Горловки регулярно устраивал просмотры кинофантастики [16, с. 18-19]. Представителей КЛФ привлекли к организации упоминавшейся выставки «Время – Пространство – Человек» в 1983 г. Фэны из Харькова, Хабаровска, Сенгиля, Ростова-на-Дону, Горловки, Семипалатинска, Тбилиси, Волгограда, Свердловска принимали участие в комплектовании экспозиции и работали в качестве экскурсоводов [20, с. 10-11].

Таким образом, кинофантастика и фантастическая живопись заняли важное место в культурной жизни советского общества. И хотя эти виды искусства выросли из фантастической литературы, очень скоро они стали развиваться почти самостоятельно. Функционально кинофантастика и живопись решали задачи, схожие с фантастической литературой. Для некоторых интеллигентов это было формой самореализации личности. В других случаях увлечение фантастикой – способ ухода от действительности, что особенно присуще потребителям фантастического искусства в лице разнообразных групп фэнов. А иногда фантастическое кино и живопись использовались для преодоления цензурных запретов, идеологических барьеров, постановки и решения сложных морально-этических вопросов. Особо следует заметить, что и в кинофантастике и, особенно, в живописи проявили себя представители самых различных отрядов интеллигенции. Мы видим и профессиональных художников, и художников-оформителей, и кинохудожников, и блистательных любителей из числа ученых и инженерно-технических работников. Конечно, по своему охвату и массовости кинофантастика и фантастическая живопись уступали литературной форме этого жанра. Но среди любителей фантастики они заняли определенную нишу, в частности, в деятельности фэн-клубов (КЛФ).

Примечания

- 1 Фэн – традиционное самоназвание любителей фантастики, принятое в их среде.

Список использованной литературы

1. Алябьев В. Мечтой окрыляя науку // Техника – молодежи. 1979. № 10.
2. Алябьев В. Через тернии – к звездам! // Техника – молодежи. 1979. № 8.
3. Балла О. Все мы в матрице // Знание – сила. 2003. № 10.
4. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Ленинград: Издательство «Наука», 1970.

5. Джабер С. Секреты кинофантастики // Техника – молодежи. 1984. № 5.
6. Джабер С. Средства воплощения фантастики на экране. М.: 1990.
7. Дмитриев В. Пожизненное мужество таланта // Техника – молодежи. 1978. № 10.
8. Журавлев Н. «Космический рейс» – сказка моего детства // Техника – молодежи. 1987. № 10.
9. Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы // Знание – сила. 1993. № 7.
10. И вот – взрывы // Юный техник. 1970. № 8.
11. Итоги конкурса // Техника – молодежи. 1980. № 12.
12. Казанцев А. Вселенная в капле росы // Техника – молодежи. 1980. № 4.
13. Кино: энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986.
14. Кленов В. На подходах к жанру // Техника – молодежи. 1981. № 5.
15. Кленов В. Шаги в будущее // Техника – молодежи. 1978. № 5.
16. КЛФ рассказывают о себе // Техника – молодежи. 1983. № 1.
17. Леонов А. Над Черным морем // Техника – молодежи. 1966. № 5.
18. Ломакина И. Золотые яблоки и проспект Гагарина на Луне // Техника – молодежи. 1975. № 4.
19. Малиничев Г. Правда или сказка // Юный техник. 1966. № 3.
20. Праздник фантастики // Техника – молодежи. 1983. № 11.
21. Пухов М. Под космической радугой // Техника – молодежи. 1981. № 6.
22. Романенко М. Три пути в завтра // Техника – молодежи. 1980. № 10.
23. Салахов Т. Открытие нового жанра // Техника – молодежи. 1974. № 4.
24. Ханютин Ю. Реальность фантастического мира: проблемы западной кинофантастики. М.: Искусство, 1977.
25. Харитонов Е., Щербак-Жуков А. На экране – чудо. Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002 гг.). М., 2003.
26. Шкловский И.С. Эшелон. Невыдуманные рассказы. М.: Новости, 1991.
27. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.

Статья поступила 20.02.2012

Принята в печать 01.03.2012

Д.С. Докучаев

НОМО REGIONALIS¹: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАНИЦЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Пресс-центр Администрации города Иванова
Email: den-dokuchaev@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с региональной идентификацией современного российского человека. Анализируются понятия «регион» и «региональная идентичность» в контексте социально-философского знания. Автор пытается ответить на вопросы: каково значение региона в жизни современного россиянина? каковы границы этого пространства, как они задаются и определяются? каким образом можно интерпретировать понятие «идентичность» применительно к региональным социальным исследованиям?

Ключевые слова: регион, региональная идентичность, границы сообщества, регионализация пространства, «свои-чужие»

В современных условиях российского федерализма мы вынуждены сталкиваться с постоянными корректировками административно-территориального деления страны. Границы субъектов Российской Федерации постоянно меняются, уточняются; некогда существовавшие регионы исчезают с карты, появляются новые, происходит процесс политической трансформации пространства. На первый взгляд, административные преобразования преследуют цель повышения управляемости страной, но если присмотреться, то все эти начинания могут иметь негативные в плане идентичности последствия. Как справедливо отмечает Ю.М. Резник, «российский человек уже не знает, где начинается и заканчивается его жизненный мир – пространство реализации жизненных стратегий и программ» [9, с. 255]. Границы жизненного мира россиян постоянно сужаются, корректируются, вписываются в искусственные пространственные конструкции, формируемые политическими, экономическими, информационно-идеологическими и прочими структурами. Кроме этого на восприятие пространства в жизни общества и человека существенное влияние оказывают современные информационные и коммуникационные технологии. Десять-пятнадцать лет назад исследователи констатировали «ослабление чувства места». Энтони Гидденс писал, что новые возможности для взаимодействия с «отсутствующими другими» свели фактор пространства до нуля [3, с. 83].

Теперь мы видим, как представители локальных социумов успешно осваивают виртуальное пространство и создают в нем проекции социального и физического пространства региона, начинают взаимодействовать с «другими» благодаря новым средствам.

Все эти факторы являются предпосылками наблюдаемого сегодня роста интереса к проблеме региона не только в зарубежной, но и в отечественной науке. Региональные аспекты развития российского общества попали в центр внимания ученых в 90-е годы XX века, когда после распада Советского Союза процессы регионализации стали восприниматься угрожающими территориальной целостности новой России. Стране удалось избежать дезинтеграции, однако, территориальная диверсификация различных аспектов социальной сферы, политики, экономики, повседневности с тех пор значительно возросла. Этот процесс затронул и сознание: региональная идентичность стала занимать особое место в жизненном мире российского человека. В данной статье мы постараемся подробно остановиться на двух моментах, связанных с жизненным миром российского человека в регионе: его региональной идентичности и границах жизненного мира.

Для начала необходимо сказать несколько слов о понятии «регион». Сразу оговоримся, что «регион» нас интересует, прежде всего, как пространство коллективной идентичности че-

ловека. Но справедливости ради отметим, что регион – это специфическая, пространственно ограниченная единица. Регионы выделяются внутри какого-либо пространства, таким образом, всегда являются частью некоего целого. В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании понятия «регион» акцентируются разные основания. В этом плане нам близка мысль Н.С. Южалиной о том, что понятие региона имеет «внемасштабное и разномасштабное содержание, задаваемое типологически, а не классификационно... Это означает, что разнообразие регионов не ограничено и априорно не задано (не может быть сведено, например, к комбинаторике заранее известного числа... циклов). Следствием можно считать множественность и вариативность региональных образов, обладающих самобытностью индивида» [14, с. 173].

В широком смысле под регионом следует понимать *часть пространства, являющуюся гомогенной в заданных критериях и отличающуюся по этим критериям от других частей пространства в рамках определенного целого*. Если речь идет о регионе как пространстве коллективной идентичности человека, то мы предлагаем понимать под ним *часть социально освоенной территории, выделяемую на основании социально обусловленных отличий от других частей пространства и выступающую объектом отождествления (сопоставления) смыслоразличительного мира человека с ней и с социальной общностью, локализованной в этом пространстве*.

Регионы – это продукты человеческой деятельности, постоянно воспроизводимые в рамках этой деятельности. Под ними следует понимать символические универсумы, которые возникают «в процессе субъективной рефлексии, которая, будучи основана на социальной объективации, приводит к установлению определенных связей между значительными темами, укорененными в различных институтах. В рамках символического универсума можно просто жить, что обычно и делается. Хотя создание символического универсума предполагает теоретическую рефлексию со стороны кого-то (кому мир, и в частности институциональный порядок, кажутся проблематичными), каждый может жить в этом универсуме в естественной установке» [2, с. 171]. На наш взгляд, существование региональных сообществ является результатом, с одной стороны, объективации, конструирования и поддержания или подчеркивания различий в рамках социокультурных практик, а с другой стороны – целенаправленного распространения идеи единства с целью гомогенизации сообщества. И то и другое «кристаллизуется» в идентичности – осознании человеком своей принадлежности к определенной социальной группе

(личностная идентичность) и представлении человека о тождественности и целостности группы, к которой он себя приписывает (социальная идентичность). Именно поэтому можно считать, что идентичность – это, прежде всего, «продукт взаимосвязи общества и индивида, результат социального взаимодействия» [2, с. 281].

Человек идентифицирует себя с той или иной группой, исходя из различных оснований, будь то: пол, этнос, профессия, место проживания и т. д. Региональная идентичность лишь одна из многих идентификаций, наряду с национальной, этнической, культурной, профессиональной и т.д., совокупность которых и образует идентичность человека. Последняя в самом широком смысле может рассматриваться как «тождественность (соотнесенность) смыслоразличительного центра человека: (1) с социальным или культурным целым – группой, сообществом и их культурой («внешняя» – социальная, культурная и пр. – идентичность); (2) со своей самостью («внутренняя» идентичность или самоидентичность); (3) с Абсолютом и сферой трансцендентного (мета-, транс- или сверхидентичность)» [10, с. 17]. Конфигуративная модель идентичности, предложенная Ю.М. Резником и подразумевающая выделение трех уровней тождественности смыслоразличительного центра человека, требует некоторой конкретизации применительно к региональной идентичности. В первом приближении региональная идентичность может быть отнесена к первому уровню идентификации – соотнесенности с социальным или культурным целым – группой, сообществом и их культурой («внешняя» идентичность). Но при детальном рассмотрении в структуре региональной идентичности человека можно выделить все три уровня тождественности: «внешний», «внутренний» и «абсолютный».

«Внешняя» региональная идентичность подразумевает как осознание человеком своей принадлежности к территориальной социальной общности (личностный уровень), так и осознание человеком целостности и тождественности группы, к которой он относит себя (социальный уровень).

«Внутренняя» региональная идентичность подразумевает наличие в «самости» человека ее соотнесенности с *genius loci* региона – интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой.

Если два первых уровня фиксируются достаточно отчетливо, то третий требует прояснения. На наш взгляд, соотнесенность и тождественность с Абсолютом и сферой трансцендентного проявляется в структуре региональной идентичности человека в форме ментальных конструкций о «золотом веке» региона – некоем идеаль-

ном этапе развития территории, при котором личность реализует максимум своих способностей и интересов, на высоком уровне находятся материальные и духовные ценности. «Золотой век» региона может быть в прошлом, реже в настоящем, чаще в будущем.

Обычно мы имеем дело с двумя проявлениями региональной идентичности человека: «внешней» и «внутренней». Поэтому в дальнейшем будем акцентировать внимание только на этих двух уровнях. Региональная идентичность, таким образом, выступает как «процесс интерпретации региональной уникальности (отличительности), через которую целый регион становится институализированным в определенном сообществе» [4] и в сознании человека. Связь человека и места, является основополагающей в региональной идентичности человека. В работах Михаила Крылова, под региональной идентичностью понимается «системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [5]. Он также добавляет, что «в региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, "силы" идентичности, где уместен термин "местный патриотизм"» [5].

Региональную идентичность следует рассматривать как отношение, конструирующее реальность и конструируемое в социальном взаимодействии, имеющее групповой и индивидуальный уровни проявления [6, с. 13]. Поэтому можно говорить о том, что региональная идентичность человека имеет двуединую природу. Она проявляется и как «внешняя», и как «внутренняя». Онтологический статус региона как аналога «особого мира» определяет сущностную характеристику региональной идентичности, которая в широком смысле может быть сведена к осознанию человеком своей принадлежности к части Мира – региону. Эта сущностная характеристика проявляется, как мы уже отметили, в соотношении смысложизненного центра человека с социальным целым – региональным сообществом («внешняя» идентичность) и с *genius loci* региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность).

Процесс региональной идентификации предполагает конкретизацию пространственно-временных координат. Соотнесение смысложизненного мира человека с социальным целым – региональным сообществом, ощущение принадлежности к целостному «Мы» невозможно без образа родной земли. Территория в случае с региональной идентичностью приобретает исключительное значение для самосознания. Региональное сообщество «вырастает» из сформировавшего его ландшафта и продолжает

им обуславливаться через неявные и до конца еще не уясненные исследователями механизмы детерминации. Объяснить этот факт, скорее в поэтической форме, попытался Хосе Ортега-и-Гассет. Он писал, что «земля жизненно влияет на человека, лишь будучи местностью. Очертания земного угла, населенного родными ему знаками, и воздух над ним, сухой и влажный, густой и прозрачный, — вот великие ваятели человечества. Как вода капля за каплей обтачивает камень, так и земля лепит свою людскую породу ком за комом – иначе говоря, обычай за обычаем» [8, с. 212]. Но не только «земля лепит людскую породу», региональное сообщество также «осваивает» физическое пространство. Процесс освое-ния пространства – это процесс его означивания и надления смыслами, в какой-то мере процесс создания идеальной модели территории. Вслед за Михаилом Тимофеевым [12, с. 148] мы выделим два аспекта в означивании территории: 1) маркировку естественной природной среды без ее искусственного преобразования (что находит выражение в фольклоре, литературе, политической риторике и так далее); 2) создание артефактов, опредмечивание региональной идеи в камне и дереве, стекле и бетоне, бронзе и железе. Означивание родной земли, региональные образы, связанные с ней, находят свое отражение в многочисленных практиках репрезентации региона.

Анализ пространственно-временных координат региональной идентичности предполагает разговор о границах территориального сообщества и границах жизненного мира человека. Универсальность роли границ заключается в том, что они «маркируются, потому что сообщества взаимодействуют определенным образом с другими объектами, от которых они отличаются или хотели бы отличаться. Те способы, которыми они маркируются, зависят полностью от специфики рассматриваемого сообщества. Некоторые, подобно государственным или административным границам, могут быть установлены и охраняемы законом. Некоторые могут быть выражены физически горной цепью или морем. Некоторые могут быть расовыми, лингвистическими или религиозными. Но не все границы и не все компоненты любой границы являются так объективно очевидными. О них можно думать только как о существующих в умах наблюдателей. Граница может восприниматься разными способами не только людьми на противоположных ее сторонах, но также людьми на одной стороне границы» [15, p.19]. Существование маркеров границы дополняется использованием или неиспользованием их в процессе социального взаимодействия. Так, границы, принимаемые одними участниками социального взаимодействия,

могут быть незаметными для других. Кроме этого границы сообществ, в том числе региональных, не статичны, не задаются раз и навсегда, а наоборот постоянно меняются и уточняются. Критерии определения границ сообщества зависят как от исторического контекста, так и от позиционирования «Своих» и «Чужих» в пределах определенного физического пространства. Ф. Барт отмечал, что «граница – это результат не межкультурных различий, а сознательного действия группы, которая разделяет «свой» мир и «чужой». Эти границы объективируются в знаковой форме, а знаки и символы, в свою очередь, через уже имеющиеся значения или вновь приписываемые определяют сферу смыслов, в которой существует общество. Сообщество <...> обозначает свои границы с помощью маркеров – отличий, не обязательно объективных, но являющихся существенными в данный момент» [1, с. 10]. Проведение границ обусловлено процессом категоризации, под которым подразумевается группировка на «Своих» и на «Чужих», определение критериев включения/исключения «Своих» и «Чужих». С одной стороны, это процесс естественный, но с другой, управляемый и социально-конструируемый.

«Свои» и «Чужие», отношение между которыми составляет ядро коллективной идентичности, [11, с. 16-19; 6] – это на самом деле слишком абстрактные категории. Хотелось бы немного подробнее остановиться на том, как конструируется дихотомия «Свой» и «Чужой» применительно к региональной идентичности.

Сопоставление по принципу «Свой» – «Чужой» составляет основу любых проявлений социальной идентичности. Как выбор «Чужого» в качестве объекта для сравнения, так и отношение к «Чужому» (господство-подчинение, друг-враг, кооперация-конкуренция) задают структуру идентичности. Региональная идентичность человека в этом плане не является исключением, но ее природа более сложна: выбор значимого «Чужого» происходит одновременно на нескольких уровнях. Объектами для сопоставления могут служить как другие региональные системы, так и системы вышестоящего порядка, а также реальное и/или воображаемое прошлое, настоящее и будущее самого региона. Так «регион-центр» может выступать значимым «Чужим» для «региона-периферии». В российском федерализме это распространенное явление. Территория в России освоена неравномерно, так же неравномерно распределены хозяйственно-экономические отношения, финансовые, социальные ресурсы. «Регионы-центры», как отмечают В. Гельман и Т. Хопф, выполняют двойную роль. Они служат, с одной стороны, объектом противопоставления и отторжения, а с другой –

основным контрагентом во взаимодействии с окружающим регион миром [13, с. 17]. Позиция центра необязательно может находиться на одном уровне с региональными системами, зачастую центр маркируется в иной плоскости и может находиться на уровне систем вышестоящего порядка. В целом же идентификация регионов по отношению к Центру отражает дискурс универсального противостояния «центр – периферия», которое свойственно для конструирования региональной идентичности, например, в Европе. Центр – не единственный значимый «Чужой» в процессе региональной идентификации. В этом качестве чаще всего выступают другие региональные системы. Дифференциация на «Своих» и «Чужих» происходит, в том числе, посредством различения полей регионального пространства: исторического, политического, культурного и других. На этом уровне происходит конкретизация того, что может считаться «Своим», а что «Чужим» (или более или менее «Своим», или более или менее «Чужим»). Особое значение в процессе различения играет коммуникация внутри полей регионального пространства. Например, говоря о совместном прошлом регионов в рамках целой страны, в историческом поле может существовать одна и та же коммуникация. Только в одном регионе она будет иметь одно значение, а в другом регионе – иное. Амбивалентность относится главным образом к советскому периоду истории, в особенности – в республиках, где национальная политика не только служила препятствием на пути конструирования региональной идентичности в рамках этнического дискурса, но и сопровождалась массовыми репрессиями по этническому признаку, вплоть до исчезновения отдельных территориальных образований с карты страны. Предельным случаем здесь является Чечня, где почти вся история не только советского, но и досоветского периода предстает в негативном свете. Соответственно, те региональные социумы, которых период массовых сталинских репрессий не коснулся, будут маркироваться жителями Чечни скорее как «Чужие», а тех, кого коснулся – как менее «Чужие» или даже «Свои», как, например, в случае с Дагестаном.

С позиционированием «Своих» и «Чужих» тесно связан и еще один процесс, который имеет ключевое значение для установления границ жизненного мира человека в регионе и его идентичности. Речь идет о процессе регионализации пространства, под которым мы понимаем процесс присвоения ментальным и материальным артефактам, а также природным явлениям и объектам, региональных значений. Процесс регионализации пространства сопровождается преобразованием семантически инородной (чужеродной) номиносферы², гомогенизацией

пространства на этом уровне. В процессе означивания (наименования) материальный мир становится символически насыщенным, что обеспечивает ему социальную непрерывность, способствует формированию «коллективной памяти» и установлению контроля сообщества над пространством [16].

Границы жизненного мира «*homo regionalis*» в России формируются в процессе регионализации пространства, задаются позиционированием «Своих – Чужих», определяются «региональной уникальностью» или обозначаются искусственно. Рассмотрение всех этих сценариев – материал отдельного исследования, но с большей долей вероятности можно сказать, что идентификации «*homo regionalis*» зависят в России как от особенностей социального, культурного, исторического и др. своеобразия территории, так и от политического контекста, задаваемого федеральным центром. Ю.М. Резник справедливо замечает, что «пространство жизненного мира российских людей деформировано постоянным воздействием политических факторов, вторжением последствий политических разборок между «старыми» и «новыми» субъектами государственной власти» [9, с. 254]. Именно поэтому особенностью региональной идентичности российского человека является ее зависимость от политической повестки дня и «искусственная» многоуровневая «встроенность» в различные по своим основаниям региональные пространства. Так, для жителя Новосибирска значимой может быть его принадлежность как к Новосибирской области, как части страны, так и к Сибири. При этом Сибирь и Новосибирская область – это разные по своим основаниям регионы.

В качестве выводов еще раз отметим, что для современного российского человека региональная идентичность – одна из многих идентификаций, наряду с национальной, этнической, культурной, профессиональной и т.д. Она отчетливо проявляется на двух уровнях: личностном (соотнесение «самости» человека с «*genius loci*» региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальном (осознание человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия). Региональная идентичность российского человека, с одной стороны, локализует жизнь человека и общества в определенном пространстве, делает эту жизнь понятной, комфортной и безопасной в «своей» внутренней среде. С другой стороны, в процессе региональной идентификации в рамках российской государственной структуры

постоянно происходит сравнение «своей» части страны с «другими» частями, «своих» людей с «чужими». Вместе с этим принадлежность к части позволяет человеку и сообществу находиться в различных отношениях с более «значительным» социальным пространством всей страны, ощущать «свое место» в системе социальных отношений.

Примечания

1. Понятие «*homo regionalis*», или «человек региональный», используемое нами в данной работе, подчеркивает региональный аспект в исследовании проблем жизненного мира современного человека. Понятия «*homo localis*» и «*homo regionalis*» активно используются зарубежными учеными для акцентирования внимания на проблемном поле региона и территории в жизни человека. В отечественной науке понятие «*homo regionalis*» в таком значении используется у В.Н. Лексина. (Лексин В.М. Проблемное поле территориального развития в современной России//Центр и регионы в системе государственного управления: состояние и тренды. Материалы научного семинара. Вып. 4(34). М.: Научный эксперт, 2010, С. 5-28)
2. Номиносфера – понятие, предложенное М.Ю. Тимофеевым для обозначения части семиосферы, включающей важные для поддержания ее целостности имена.

Список использованной литературы

1. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Гидденс Э. Последствия модерна / Реф. Н.Л. Поляковой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / Под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995.
4. Курнаева Н.А., Рябов О.В. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_\\$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=.../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=.../content.jsp) (дата обращения: 08.04.2010).
5. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/krylovmp.pdf> (дата обращения: 14.01.2010).
6. Курнаева Н.А., Рябов О.В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/gusary-deneg-ne-berut.htm> (дата обращения: 20.03.2010).
7. Курнаева Н.А. Свои и Чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук. Иваново, 2006.

8. Ортега-и-Гассет Х. Эссе об Испании // Иностранная литература. 1993. № 4.
9. Резник Ю.М. Жизненный мир российских людей глазами современника // Личность. Культура. Общество. 2003, Спец. вып. 1-2.
10. Резник Ю.М. Образы человека как основания для постижения его идентичности (введение) // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV.
11. Рябов О.В. Национальная идентичность: Гендерный аспект (на материале русской историософии): автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. Иваново, 2000.
12. Тимофеев М.Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005.
13. Центр и региональные идентичности в России/ Под ред. Владимира Гельмана и Теда Хопфа. СПб.: Летний сад, 2003.
14. Южалина Н.С. Проблема региона как социокультурного пространства// Вестник ЮУрГУ №2, 2006. Серия «Социально-гуманитарные науки», Вып. 5.
15. Cohen A.P. The symbolic Construction of Community. London: Tavistock, 2001.
16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in its Place: (Canadian Identity). URL: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 03.08.2010).

Статья поступила 01.02.2012

Принята в печать 01.03.2012

Д.В. Куликов

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРЫ ОБЫДЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Ивановская государственная текстильная академия
Email: dichmail@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые эвристики обыденного сознания. Делается вывод о существовании обыденной рациональности как особого вида повседневного дискурса.

Ключевые слова: повседневность, обыденное сознание, обыденное мышление, типизация.

Феномен обыденного сознания в философском, культурологическом и социологическом дискурсах всегда трактовался крайне противоречиво. По отношению к обыденности и повседневности сложилась своеобразная герменевтика подозрения, которая, вероятно, коренится в идущем от классики противопоставлении эпистемы и доксы. Обыденность подозревали в поверхностности, противоречивости, наивности, невежестве, шарлатанстве, неискренности и сестрости. В марксизме обыденное сознание объявлялось низшим уровнем отражения реальности, который со временем должен быть полностью изжит и заменен научным мировоззрением. Обыденное сознание постоянно подвергали проверке на истинность, выискивая в повседневности мифы, предрассудки и «детские сказки». Попытки мыслить повседневность как сферу иррационального мы находим и у классиков социологии и философии обыденности "В повседневной жизни мы чрезвычайно редко действуем рационально... Мы даже не интерпретируем рационально окружающий нас мир, разве что при особых обстоятельствах...", – пишет А. Шюц [8]. Квинтэссенцию этого взгляда можно найти у П. и Б. Бергер: «вообще говоря, люди начинают размышлять лишь тогда, когда рутинная их жизни по той или иной причине прерывается чем-то, что они рассматривают в качестве проблемы... Предположительно, это восходит к тому простому и фундаментальному факту, что размышление мучительно и болезненно...» [1]. Далее мы попытаемся показать, что в повседневности есть место размышлению и творчеству, и скорее болезненной является рутинная, чем раздумье и размышление. Человек, находясь в повседневности, довольно много размышляет и далеко не всегда

ведет себя шаблонно. Нам представляется, что обыденное сознание не менее эвристично, чем эйдетические формы освоения действительности. Чтобы продемонстрировать это, рассмотрим повседневные эвристики пристальнее.

Эвристика по определению (от греч. *heurisko* «отыскиваю, открываю») – искусство изобретения; руководство к тому, как методическим путем находить новое. Эвристический – относящийся к изобретению, открыванию, а также служащий нахождению нового (новых идей, новых фактов); большими эвристическими ценностями являются *гипотезы* как вспомогательные средства для исследования. Эвристический метод в научном изложении состоит в изображении пути, на котором были найдены научные результаты, в противоположность систематическому изложению [9].

Со сменой парадигмы в ситуации пост-модерна открывается возможность по-новому взглянуть на повседневность с позиции ее не противопоставления абстрактно-логическому, мистическому, мифологическому, эстетическому и т.д. мышлению, а рядоположения с ними. Обыденное сознание нельзя напрямую сравнивать с научным или религиозным или с каким-либо другим эйдетическим опытом, поскольку у этих форм бытия разные основания.

Отличие обыденного сознания от иных форм опыта состоит в том, что повседневное сознание воспринимает мир наивно (буквально), как само собой разумеющееся, то есть стремится к восприятию чистого существования, отвлекаясь от процесса идеации, поисков скрытых сущностей и их отношений.

Как справедливо отмечает Т.Б. Кудряшова в работе [3], «...любой акт познания начинается с

момента, который метафорически называют «видением»... Это некий идиом, базовая установка, возникающая на основе прафеномена изначального впечатления, экспрессии, экстаза, появляющихся не столько на основе действия всех органов чувств одновременно, сколько как результат внутреннего восприятия состояния своего сознания и состояния мира, как интеллектуальная ситуация». На основе «видения» формируется некоторый гештальт, который по-разному бытует в разных языках познания. «Для обыденного познания это значение чаще всего становится буквальным: оно пополняется последующими дифференциациями восприятия, с их точными значениями, еще уточняется, модифицируется, но «здравый смысл» не позволяет сознанию уйти от первоначального значения слишком далеко и старается свести новые значения – к типичным языковым, социальным, а само восприятие обозначить как факт. Этому факту-выражению верят, им оперируют, его значение воспринимается как абсолютное».

Как было показано выше, буквальность не означает иррациональность. Как нам представляется, повседневное мышление не менее разумно в смысле целерационально (адаптивно), как и его эйдетические формы, различие их коренится не столько в познавательной установке, сколько в способах познания мира. Родовым отличием обыденного мышления от других форм является его принципиальная неполнота и граничность (недоинтериоризированность в терминах Т.Б. Кудряшовой); обыденность конституирует грань между гештальтом (как выражением пространственно-образного мышления) и абстрактным понятием (как средоточием знаково-символического освоения мира). При этом важно понимать, что обыденное мышление ближе всего к архаичным формам мышления, в частности, к мифомышлению, но им не является, так как представляет собой не законченный способ освоения реальности, а некоторый горизонт, в котором развиваются эйдетические формы смыслополагания.

Сознание, взятое само по себе, можно сравнить с ветром или речным потоком. Крайней формой такого состояния может быть полный синкретизм или чистый жизненный мир, выраженный формулой: «все есть все и все есть во всем». Островки внутри этого аналогового потока возникают благодаря аппроксимации, осуществляемой рефлексией абстрактно-логических форм мышления. Но у любой абстракции есть определенная граница (пуповина, соединяющая ее с синкретическим потоком сознания) – протенционно-ретенционный шлейф – то есть любое понятие можно представить формулой «не-А» «еще-не-А» «А» «уже не А» – «не-А». Это формула есть, по нашему мнению, формаль-

ное выражения действия большинства обыденных эвристик о-своения окружающего мира.

Нам представляется, что обыденное мышление, располагаясь в ближней области еще не достаточно разорванного синкретического потока сознания, описывается нечеткими понятиями-прототипами, которые являются в абстрактно-логическом мышлении границей строгих понятий. Например, в быту мы не говорим, «возьми 3 мг. соли», а говорим, «возьми щепотку соли», или вместо «поверни на 3 м. вправо» говорим «поверни немного вправо». Нечеткие множества впервые были тематизированы Л. Заде применительно к теории экспертных систем [2].

В формальной логике под понятием имеется ввиду ряд необходимых свойств объекта, в совокупности образующих достаточный набор; признаки, объединенные в класс, образуют содержание (интенционал) понятия, а объекты, к которым относится данное понятие – экстенционал. При этом каждое свойство, которое образует понятие, необходимо, а все они вместе достаточны для его определения.

Для объектов содержания обыденного знания так и не было выработано конвенционального термина. Чаще всего это содержание обозначается как предрассудки и стереотипы, социальные представления, имплицитные теории и ментальные репрезентации. Мы вслед за Д. Норманом будем пользоваться понятием «прототип» [4].

Прототип формируется вокруг прецедента – примера (нулевой ситуации) вокруг которой потом по аналогии формируются интенционал и экстенционал нечеткого понятия. Характерно, что дети примерно до 10 лет, выстраивая любую классификацию, ориентируются не на существенные признаки понятий, а на их прототипы. Прототип имеет выраженное ядро и периферию, при этом прототип не осознается как некоторая формальная схема, с которой соотносится реальность, а действует на уровне автоматизма. Примером прототипа могут послужить следующие высказывания: «лошадь – это спина, копыта, голова, хвост, седло и стремяна», «дом – это такая штука с окнами, дверью и балконом».

Очень часто носители обыденного сознания говорят, что понимают то или иное явление, но не могут объяснить, о чем идет речь. Эта ситуация, вероятно, знакома любому преподавателю, если настоять на необходимости объяснения, тогда в качестве одного чаще всего следует прецедентный прототип, похожий на описанные выше высказывания. Например: «Дворянин – это человек в треуголке, со шпагой и на лошади». Это свидетельствует о том, что обыденное и научное мышление развиваются в разных «естественных установках», то есть, как нам представляется,

научный метод и обыденное мышление реализуются на разных основаниях и имеют отличные методы или познавательные стратегии.

Исследуя обыденное познание и обыденное знание, важно понимать, что эти феномены функционируют вне рефлексивного поля, то есть существуют как неявное или личностное знание в терминологии М. Полани. Обыденное действие развивается как само собой разумеющееся (имплицитно), то есть механизмами его усвоения и передачи служат демонстрация, подражание, суггестия, подчинение и т.д. Доминируют контекстуальные (ситуативные) остенсивные и иные формы неявного определения. При этом надо понимать, что обыденное познание не имплицитно само по себе, как и научное познание оно имеет неявный или имплицитный горизонт и совершенно явные эксплицитные формы, конституирующие достаточно сложные повседневные дискурсы: например, народную (folk) науку, разнообразные сложные повседневные занятия (хобби): кулинарию, охоту, рыбалку, ремонт и создание бытовой утвари, собирательство грибов и т.д.

Нечеткие повседневные понятия-прототипы организованы в обыденном мышлении в некоторые виды умозаключений. В качестве примера таких специальных, свойственных прежде всего обыденному сознанию умозаключений, можно указать абдукцию и трансдукцию. Рассмотрим эти умозаключения внимательнее.

Абдукция – это вывод от случая к закономерности. Ч. Пирс определяет эту логическую операцию как «воображение возможности закономерности» и выводит ее формальную схему по аналогии с дедукцией, приводя следующий пример: «Результат: Эти бобы белые. (Гип.) правило: Все бобы в этом мешке белые. Случай: Эти бобы – из этого мешка» [10].

Применительно к научному познанию, феномен абдукции последовательно проанализирован У. Эко. В определенном смысле существование абдуктивного суждения делает возможным повседневность как суперпозицию неподлинностей, так как подобный эффект возникает на границах разнообразных рефлексивных регионов сознания, когда представители науки, например, судят об искусстве или художники о науке. Исследование абдуктивного суждения возможно на путях последовательной аналитики: образный, наукообразный, культурообразный, и т.д. Таким образом, исследование абдуктивного суждения в нашем случае может быть продуктивным путем для представления возможных вариантов категоризации (типизации), применяемым в повседневной жизни.

Как нам представляется, процесс обыденной категоризации развивается всегда путем абдуктивного построения некоторых нечетких множеств. При этом самым нечетким является

жизненный мир как воплощение полного синкретизма, где функция принадлежности стремится к бесконечности, а вторым полюсом выступает классическое бинарное множество.

Трансдукция представляет собой переход от частного к частному, минуя общее. Например: Мария – сестра Ольги; Ольга – сестра Инги; Следовательно: Мария сестра Инги.

Трансдуктивное суждение противоречит правилам формальной логики, которые утверждают, что если обе посылки частные, то из них нельзя сделать правильного логического вывода. Термин трансдукция был впервые введен В. Штерном [7]. В. Штерн пришел к выводу, что трансдуктивные умозаключения характерны для детей до 4 лет и делаются на основе сходства, различия или по аналогии.

Проблемой трансдукции также активно занимался Ж. Пиаже, который первым попытался дать объяснение трансдуктивной логике у детей. С точки зрения Ж. Пиаже ребенок в трансдукции не обобщает, потому что не может вычленить существенные связи вещей и явлений. В мышлении ребенка взрослыми еще не достаточно установлены культурные паттерны, которые позволяют правильно строить умозаключения. Развитие форм детского мышления является следствием его наполнения (увеличение кругозора). Поэтому появление более высоких видов умозаключений происходит вначале не по всему фронту интеллектуальной деятельности, а отдельными островками, в первую очередь там, где паттерны, установленные культурой, соприкасаются с внешним миром в опыте ребенка, и он может строить на основе своих знаний работающие модели, которые можно проверить на практике.

Когнитивный стиль обыденного сознания представляет собой совокупность форм обыденного мышления, основанного на нечеткой логике, абдуктивном и трансдуктивном суждении, и его результатов – социальных представлений, предрассудков и личностных установок. Изучение именно этих структур обыденного сознания, как нам представляется, может привести к формулировке его *differencia specifica* и вписыванию его в общую теорию форм опыта.

Как было показано Ж. Пиаже, мыслительные операции у детей развиваются от трансдукции путем раздвоения на операции конкретные, замкнутые на предмет, и операции абстрактные с генерализацией из общего спектра впечатлений абстрактных понятий. Сочетание нечеткой логики и трансдуктивных умозаключений формирует особый когнитивный стиль обыденного сознания, который, вероятно, можно вслед за К. Леви-Строссом определить как *бриколаж*. "Бриколер – непрофессионал, любитель, дилетант, человек, который сам, самостоятельно создает вещи из

подручных средств...". И далее: "Бриколер заранее не соотносит цель деятельности с вопросом о приспособлении к этой цели имеющихся средств деятельности; он просто пользуется тем, что есть вокруг него в наличии, в готовности" [5]. К. Леви-Строс мыслит бриколаж как промежуточный модус сознания между игрой и целеполагающей активностью человека [5].

При этом важно понимать, что обыденное сознание формирует целый мир, в котором функционируют как обыденная практика, так и множество обыденных теоретических дискурсов – фольклорная наука, наивное искусство, народная религиозность и т.д. Родовым признаком этих дискурсов служит опора на нечеткую логику и абдуктивные и трансдуктивные умозаключения.

Список использованной литературы

1. Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: биографический подход. // Личностно-ориентированная социология М.: Академический проспект, 2004. 608 с.

2. Заде Л.А. Тени нечетких множеств. // Проблемы передачи информации. 1966. Том II. Вып. 1. С. 37-44.
3. Кудряшова Т.Б. Онтология языков познания. Ч. 2. Иваново: ОАО Изд-во «Иваново», 2005. 272 с.
4. Норман Д. Память и научение. М.: Мир, 1985. 160 с.
5. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Наука, 1994.
7. Штерн В. Умственная одаренность: Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста. Пер. с нем. СПб.: Союз, 1997.
8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. / А. Шюц М., РОССПЭН, 2004. 1056 с.
9. Философский энциклопедический словарь. М., 2010 г.
10. Peirce Charles Sanders. 1931-1958. Collected Papers. Vol. 1-6, ed. Hartshorne, C. & P. Weiss. Vol. 7-8, ed. Burks, A. W. Cambridge, Mass.: Harvard Univ.

Статья поступила 07.12.2011

Принята в печать 17.01.2012

Г.С. Смирнов, Д.Г. Смирнов

ИПОСТАСИ НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

Ивановский государственный университет
Email: gssmirnov@mail.ru

В статье концепция ноосферной истории раскрывается через систему основных срезов целостного философского знания – онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию. Синтез универсально-семиотического, системно-синергетического и антропо-персоналистического подходов позволяет рассмотреть в качестве интегративного показателя ноосферной истории – совершенствование индивидуального и коллективного мирового разума.

Ключевые слова: ноосферная история, плеромная онтология истории, полигнозис истории, клионтос, клиоптимизм, личностно-деятельностная экзистенциальность, семиософия.

...я думаю, что ноосфера есть эмпирическое обобщение, которое должно выразиться в реальных формах.

В.И. Вернадский

XX век, в рамках которого произошло сразу две космо-мировоззренческие революции (эйнштейнианская и вернадскианская), меняет представление человечества о своем развитии – его организации, механизмах, масштабах, интенциональности. Рассматриваемый в контексте развития мирового духа и мирового разума, он предстает перед зрителем исторического процесса в качестве своеобразной точки бифуркации в сложных процессах самоорганизации истории.

Третье тысячелетие настойчиво предлагает человечеству переосмысление дальнейшего пути развития – ресурсы технократического освоения планеты заканчиваются. Техноразум, пестованный почти полтысячелетия, исчерпал свой экологический ресурс. Эпоха перехода биосферы в техносферу завершается – прежде всего, тем, что технопорядком освоена практически вся поверхность Земли, а, значит, эпоха, стартовавшая открытием Америки (1492 г.), пришла к своему закономерному финалу. Третьим тысячелетием открылась эпоха глобально-планетарной истории.

У этой новой истории – Big History – есть свои ипостаси: она может рассматриваться через контекст формирования мирового правительства, через антропологию акторов исторического действия, через совершенствования технобытия человечества, через демографическую эволюцию, через развертывание информационного или знаниевого пространства (третьего мира, по К. Попперу), через цивилизационный естествен-

ный отбор (А. Тойнби [52], Л.Н. Гумилев [17; 18]). Но она может быть представлена через своего рода интегративный показатель – через совершенствование (усложнение) мирового (коллективного и индивидуального) разума.

В этом случае можно говорить об особом измерении Большой истории – ноосферной истории. Эволюция разума во Вселенной предстает как история Ноосферы. Следует ли наряду с уже утвердившимися формами рефлексии Big History вводить еще один термин, пройдет ли термин «ноосферная история» проверку на «бритву Оккама»?

Действительно, планетарная масштабность представлена термином «глобальная история» («планетарная история»), общецивилизационная полнота задается понятием «всемирная (мировая) история», присутствие в онто-истории интеллекта «закрывается» историографическим феноменом «интеллектуальной истории». Когда все эти формы собираются вместе, начинает работать «универсальная история». Естественная «категориальная эволюция» свидетельствует об универсальном гносеологическом и эпистемологическом эклектизме.

Полигнозис истории – в форме «пусть цветут сто цветов» – предскажем, особенно применительно к постнеклассике в философии истории. Многогранность клиофилософского дискурса в историографическом плане – закономерна, но не в меньшей степени важна и «концептуальная полнота» одной идеи. Эта идея со времен Гер-

меса Трисмегиста, Платона, Христа, а, затем, и Г. В. Ф. Гегеля связана с тем, что главный и вечный двигатель истории – это эволюция человеческого сознания и человеческого разума. Так и проявляется, в конечном итоге, необходимость обсуждения феномена «ноосферной истории».

Приведем несколько аргументов в пользу целесообразности введения нового критерия в методологическом понимании истории. Первый – исторический. Ноосферный концепт истории отчетливо обозначил себя в XX веке. Именно в эпоху всеобщего человеческого безумия – в период мировых войн – проявилась «воля к разуму» [13, с. 113-120] (которая все время замещалась то «волей к власти», то «волей к inferно», то «волей к безумию»): мысль В. И. Вернадского о биосфере (1926 г.) [9] трансформировалась в мысль о пневмосфере П. А. Флоренского (1929 г.) [54, с. 272-293]; предопределила мысль Э. Ле Руа (1927 г.) [60] и П. Тейяра де Шардена о ноосфере [50; 51], вернувшуюся, в конечном итоге, обратно к В.И. Вернадскому (1938 г.) [12]. Так произошло вторжение ноосферной истории в клио-универсум. Развитие культуры на стыке Европы и Азии (европейства и евразийства) породило клио-ноосферный дискурс.

Онтология ноосферной истории

Онтология истории – не самая жгучая проблема в условиях субъективизации истории (в форме личностности, повседневности, самоидентичности, приватности, персоналистичности и т.д.). Онтология истории наиболее ярко проявлялась в географическом и экономическом детерминизме (что было характерно для философии истории и социальной философии XVIII–XIX веков), в XX веке отчетливо проявил себя космический (космо-планетарный) детерминизм, который в действительности предстает как индетерминизм (в поле понимания постнеклассики).

Космопланетарная онтология истории делает Big History по-настоящему фундированной – полидетерминизм практически превращается в *самодетерминизм*, в котором индетерминизм заключается не только в том, что мы не можем найти (определить) причину исторического процесса (она оказывается в сознании), но мы не можем и утвердиться в модели причинно-следственного характера «внешнего» исторического процесса. Причина оказывается «нематериальной», то есть приобретает статус виртуально-сознаниевой беспричинности (псевдопричинности). Мы не в состоянии указать на *причинение сознанием*, ибо спонтанность сознания может обнаружить истоки и в подсознании, и в сверхсознании, а не только (и не столько) в самом «собственно сознании» [24].

Клиопостнеклассика фактически растворяется не в факте (то есть эмпирической «вещи-в-

себе»), не в студиях текстуальности, и даже не в языке клиосознания (языковой пост-истории в отличие от текстовой пост-истории), а в самом клиосознании – родовой космо-планетарной укорененности человека в метаисторическом поле бытия, которое может быть названо «за-историей».

«His-story» (мужская история «косного вещества» – конкретный набор фактов с отсутствием диспозиции) весьма возможно превратится в «Her-story» (женскую историю «живого вещества» с естественной экзистенциальной бытийностью), а затем, и в «It-story» (в которой «it» имеет возможность превратиться в «id», то есть из «оно» превратиться в «Оно»), которая не становится онтоисторией только по причине необъемлемого универсального состояния любой истории (не важно какой – «истории», «Истории» или «ИСТОРИИ»).

«Клионтос» – история как сущее – в большой истории философии задается только Разумом, конкретная проявленность которого обозначается в искрах человеческого сознания. Распредмечивание и опредмечивание – это и есть взаимовыворачивание «исторической ленты Мёбиуса», в которой материальное предстает как вывернутое наизнанку идеальное. «Мате-реальное» корреспондирует с «идеа-реальным»: такая форма тождества бытия и мышления, свойственная Гегелю, по-своему протivotожественно истолковывалась в марксизме через категории «базис» и «надстройка», но в XX веке информационно-сознаниевое измерение заставляет усмотреть главную сущность – в историчности мысли (а, значит, мышления как ко-эко-процесса бытия и сознания как ко-эко-результатности). Причинность истории оказывается спрятанной в «промежутке» континуальности и дискретности сознания (и сознания человека, и сознания общества, и сознания человечества).

История очень часто делает «заступ» сознанием (как прыгун в длину) и эта попытка не засчитывается. Тогда, удрученное клиосознание находит в себе силы сделать (реализовать) вторую попытку. (Впрочем, опыт показывает, что у клиосубъекта может уже не оказаться второй попытки, ее будет делать кто-то другой, наблюдавший неудачу и осознавший осечку исторического действия.) Именно по этой причине следовало бы сказать, что главный астор (и актёр) истории – именно разумосознание; все остальное лишь «постпервотолчок», в силлогистике которого всегда разобраться (как кажется) намного легче.

Клиоонтология, присущая П. Тейяру де Шардену и В.И. Вернадскому, существенно отличны друг от друга. Условно их можно было бы обозначить как «клио-тео-онтология» и «клио-гео-онтология». При этом необходимо иметь

ввиду, что и та и другая – фундированные онтологии, хотя и по-разному фундированные.

Интересно проследить комплементарность выводов, *эмпирических обобщений* у П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Эта комплементарность в значительной степени предстает в русле принципа дополнительности: корпускулярная и волновая модели ноосферной истории позволяют в каких-то сюжетах сказать себе, что видимость понимания достигнута, а затем постараться подняться чуть выше, в высоком соприкосновении узревая *герметическую* онтологию разума.

Пирамидион High-story – это концепт, главный смысл, который определил для себя субъект (актёр) истории – человек, и за который он, по существу, отдает свою жизнь в форме «доживания» или «недоживания». В «high-story» – высокой истории – именно смысло-сознания и соревнуются в пускании мыльных клиопузырей, в выпуклых боках которых можно увидеть образы постреальности, всегда искаженной до неузнаваемости, но всегда проецируемой в модели обратной перспективы: это означает, что человек всегда вынужден смотреть на выпуклую поверхность, но всегда хочет себя представить внутри этого мыльного пузыря, чтобы стать центром мира, в котором, к сожалению, он уже не сможет увидеть то, что ему было дано видеть за его пределами

Плеромная онтология истории заставляет представить картину, нарисованную разноцветными зернышками (как это сейчас модно в искусстве). Бродить среди зернышек крайне интересно, каждый исторический факт – источник полноты, но увидеть, что эта картина представляет собой в целом, можно только «поднявшись над ней» и попытавшись схватить «единое-целое». И В.И. Вернадский, и П. Тейяр де Шарден схватили эту эмпирическую картину по-разному: у Вернадского это были биогеохимические принципы, у Тейяра – закон сложности и сознания. Но и в том и в другом случае эта картина оказалась ноосферной.

Разум мира рисует сам себя, чтобы в каждый следующий момент, увидев свое иное, сделать его более совершенным (красивым, истинным и добрым) и, каждый раз находя в созданном, повод для дальнейшего совершенствования.

Совершенствование мира и совершенствование разума (что фактически означает «самосовершенствование мира» и «самосовершенствование разума») – это и есть формула ноосферной истории в онтологической формулировке.

Полигнозис ноосферной истории

Второй философской ипостасью ноосферной истории является гносеология. Вытекающий из онтологического анализа *концепт разума* в

сложноисторической системе, которая может рассматриваться и как сверхсистема, в которой в действительности присутствует мета-концепт (то есть пока лишь интуитивно вычленяемый Разум с большой буквы или РАЗУМ большими буквами), не предполагает в силу своей всеобщности моно-методологии; даже ду-методологии (типа диалектического или исторического материализма, деизма или дуализма, субъективного или объективного идеализма и т.д.) не обеспечивают полноты голографической картины исторической реальности. Очевидно, для описания ноосферной истории помимо традиционных методологических кластеров, ставших своего рода джентльменским набором, следует искать не просто дуальности, а двойные и тройные дуальности в методологическом поле системы философских координат.

Таким четырехмерными методологическими формами, на наш взгляд, могут служить универсумно-семиотический и системно-синергетический подходы – своего рода две двойные спирали, кодирующие генетические структуры ноогенеза в форме ноосферной истории. Есть еще и третья пара методов, в которой ноосферная история приобретает «человеческое измерение» – это антропо-персоналистическая методология. Она не исключает традиционное субъектно-личностное измерение описания любого исторического процесса, имеющее место в формационном подходе и различных вариациях цивилизационного подхода; тем более в многообразных вариантах синтеза цивилизационно-формационного и формационно-цивилизационного подходов в теоретических моделях последних десятилетий. Существенно важно, что антропо-персоналистическая методология в своем философско-космическом выражении (в русле широкого понимания русского космизма) касается универсумно-семиотической методологии, что своеобразно закольцовывает триаду парных принципов в общий синтез ноосферно-универсумной методологии.

Заметим, что такого рода синкретическая методология не является выражением постмодернистских традиций в философии истории. Это попытка (и она может рассматриваться в ряду других теоретических синтетических дискурсов) построения своего рода «колокольни» методов, с которой звучит не какофония, а гармония – гармоническая ноосферная история.

Рассмотрим по-отдельности эти три методологические пары. Универсумно-семиотический взгляд на историю достаточно «древен», как взгляд языческо-эмпирический или космоиероглифический, но в теоретическом плане он начал формулироваться в древнегреческой традиции, а в классическом философском

выражении представлен трудами Ч.С. Пирса [37–38; 61; ср.: 47].

Суть его представляется в следующем. Универсальная линия в мировой философии всегда предполагала синтез противоположностей. В общем выражении – это попытка соединить атом и эйдос в философском дискурсе Аристотеля, Г. Лейбница, Н. О. Лосского, Х. Ортега-и-Гассета [44]. В этом плане ноосферно-универсумное видение мира в работах В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена – следующий значительный шаг в развитии универсумной линии. Само это видение родилось в значительной степени из естественнонаучных и естественноисторических исследований обоих ученых – прежде всего, из их геологических, палеонтологических и минералогических интересов. История человечества – есть своеобразное продолжение истории планеты, а духовная (ноосферная) эволюция и кристаллизация предстает как своеобразное продолжение геосферных эволюций и кристаллизаций.

Универсумно-семиотический подход применительно к ноосферному универсуму детально проанализирован в работах Д.Г. Смирнова [45; 46]. В неэксплицированном виде универсумная семиотика характерна и для российского космоисторического сознания, прежде всего, широких слоев населения страны, в частности – русского крестьянства. Обмен знаками от мыслей можно усмотреть в многообразной торговой деятельности, когда задуманная «вещь-как-знак» превращается в «вещь-как-предмет». Говорение знаками подарков между людьми – тоже из разряда универсумно-семиотического диалога. Это можно увидеть и в общении с природой: когда человек усматривает смысл в знаках природы и сам посылает природе некие знаки, в надежде, что она их воспринимает и, соответственно, прочитывает (в этом и проявляется универсумное мировоззрение).

Эта универсумно-семиотическая герменевтика просматривается в трудах Р. Барта [3], У. Эко [57; 58], А. Тарковского [49], П. Козьмо [25], Ошо [35] и многих других. В значительной степени вся русская литература, начиная со «Слова о полку Игореве», демонстрирует различные формы универсумно-семиотического диалога. Взгляд на исторический процесс через семиотические очки в силу этого может быть весьма продуктивен и в понятном, и в теоретическом планах [1, с. 426–444; 2, с. 3-13; 8; 26; 55].

Системно-синергетическая методология более изучена и апробирована. Прежде всего, в отечественной традиции она представлена работами Н.Н. Моисеева, который в значительной степени отталкивался от трудов В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Думается, что форму-

ла системно-синергетической методологии укладывается в «универсальный эволюционизм», характерный для философского мышления академика-математика Н.Н. Моисеева [31–33]. Очень существенно и то, что из сферы методологических построений он открыто вторгся в сферу современной ноосферной истории, о чем убедительно свидетельствуют его последние работы [29; 30, с. 77-79].

Не будет преувеличением сказать, что в классическом выражении системно-синергетический подход представлен в работах и самого В. И. Вернадского, в которых сферность (системность) и организованность (синергетичность) в значительной степени выражают идеи космического эволюционизма. Отметим, что как в творчестве В.И. Вернадского эволюционное сознание занимало очень важное место [34, с. 25-34], так для П. Тейяра де Шардена был характерен вселенский ноосферный эволюционизм [41].

Методология ноосферной истории была бы неполной без антропологического измерения. Стараясь превратить историю в науку, ученые делают акцент на онтологических, объективных, материалистических методах репрезентации. При этом главный персонаж истории – действующий человек – оказывается в тени больших материально-технических и социально-экономических факторов. Усиление антропо-персоналистического измерения ноосферной истории необходимо по причине того, что *индивидуальный разум человека* в его генетическом, культурологическом или лично-индивидуалистическом выражении может всегда выйти в масштаб универсума, обрести глобальность бытия. Важно отметить, что в творчестве П. Тейяра де Шардена ноосферно-универсумный подход предстает как философско-методологически подчиненный «феномену человека», то есть антропологической доминанте.

Рассмотрение ноосферной истории в ключе русской [22; 23; 27; 28; 59, с.187-205], немецкой [15, с. 37-51; 39, с. 96-151; 56] и американской [4–7] антропологии XX века позволяют достроить недостающие звенья методологической и когнитивной комплементарности в изучении человеческой эволюции разума.

Аксиология ноосферной истории

Аксиология ноосферной истории предстает, по крайней мере, в четырех срезах: религия, философия, наука и искусство. Так представлял себе полноту знания В.И. Вернадский [14].

Сам мыслитель наиболее подробно в научном плане рассмотрел аксиологическое измерение науки в ноосферной истории [11; 12]. Однако в его дневниковых записях, письмах и публицистических статьях ценностная сторона

лично-ноосферной и социально-ноосферной истории представлена не менее фундаментально и значительно более ярко в эмоционально-персоналистическом плане [10]. Таким образом, наследие В.И. Вернадского дает представление о том, что можно было бы назвать *лично-персоналистическая ноосферная история*. Он рассматривает процессы становления ноосферы в контексте развертывания науки как планетного явления (в этом проявляют себя онтологические и гносеологические аспекты ноосферной истории), вместе с тем это деятельность как мыслителя и человека опирается на аксиологию и этос науки: его система ценностей опиралась на аксиологическую тетраду «свобода, альтруизм, истина, сомнение».

Диалектика аксиологического среза социальной действительности раскрывается в категориях «мораль» и «нравственность» (по аналогии: часть – целое). Отождествление этих понятий в рамках философского дискурса выглядит не совсем оправдано. Современная этика стоит на позициях терминологического разведения названных категорий.

Мораль понимается как понятие, отражающее совокупность обычаев, традиций, поведенческих программ, соответствующих определенной семиосфере (определенному культурному хронотопу, фиксированному в пространстве и времени). Так, мы говорим о нравах (в противовес нравственности), или морали дворянства, купечества, духовенства, подчеркивая их изменчивость во времени и зависимость от культурного пространства. Таким образом, мораль может быть определена как модус конкретно-исторической социальной субстанции.

Нравственность (с формально логической точки зрения понятие абстрактное) – это атрибутивное свойство индивидуального и общественного сознания. В отличие от морали, нравственность существует в вездечности. Синхронно с ростом разума, сознания происходит разворачивание нравственности в формах морали, конкретно исторических формах материального бытия. Если принять этот тезис, то эволюция морали идет в направлении объективации, абстрагирования (отчуждения) от обстоятельств, условий внешней среды.

Мораль, исходя из данного определения, предполагает определенную оценочность (на предмет соответствия поведенческим нормам). Следование морали, как показывает практика, мотивировано. Эта мотивированность связана с феноменом воздаяния – наказания или поощрения: субъект поступает определенным образом в силу страха перед наказанием или по причине желания поощрения. Нравственность как данность лишена привязки к моменту воздаяния.

«Относись к другому так, как Ты хочешь, чтобы он относился к тебе». «Возлюби ближнего своего как самого себя». «Всегда относись к другому как к цели и никогда как к средству» («Мера поведения субъекта определяется мерой его соответствия окружающей среде»). Эти три исторические модели морали, соответственно относящиеся к античной, средневековой и истории нового времени, наглядно демонстрируют эволюцию понимания морали: от «условной морали» к «морали безусловной». В античной традиции определяющую роль играет принцип талиона (трактующий в широком смысле как принцип адекватной реакции), что предполагает сохранение любыми способами целостности личности. Средневековая модель морали, изначально закрепленная десятью заповедями, основывается либо на страхе перед божьей карой, либо на желании лучшей жизни после земной смерти, как главных регулятивных принципах поведения.

Философия Нового времени и последовавшая за ней философия XX века демонстрируют принципиально иной подход к самой постановке проблемы морального и нравственного. Предложенный И. Кантом императивистский подход предполагает следование субъекта безусловно моральному требованию, что находит свое воплощение в категорическом и экологическом императивах.

В рамках системного подхода отношение разумности задает свойство нравственности (истинно разумное с необходимостью нравственно). Обратим внимание, что категория нравственности носит объективированный характер – нравственность как бы отчуждена от человека, – это, если так можно выразиться, космический закон отношений между «телами». В конфуцианской (прагматической) традиции – это принцип «ли» (принцип ритуала), в кантовской (субъективно-идеалистической) интерпретации – это категорический императив, в моисеевской (социоприродной) трактовке – это экологический императив, определяющий отношения между организмом и его средой обитания сколь бы обширна она ни была.

Таким образом, аксиологическое измерение ноосферной истории может рассматриваться как эволюция императивов: от «золотого правила нравственности», к «кантовскому категорическому императиву», затем к «основному моральному отношению», к «экологическому императиву» и, наконец, собственно к «ноосферному императиву», который вбирает в себя предыдущие формы нравственной рефлексии по отношению ко все большему увеличению топологии мира, превращения человека в человечество, живущее в рамках космопланетарной размерности

бытия, что и обеспечивает, в свою очередь, эволюционные скачки сознания и разума.

Обратим внимание на то, что в этико-методологическом плане логика ноосферной истории утверждается через основное моральное отношение «общее благо – высшая цель, личное благо – конечная цель» (Г.Н. Гумницкий) [20; 21, с. 20-31].

Императивный подход к ноосферной истории подчеркивает ее основные траектории, но оставляет ощущение некоей схоластичности, которая есть повод более внимательно продумать древо ноосферной целе-рациональности. От корневой системы триады «истина – добро – красота» идет мощный аксиологический ствол, который и порождает «ветви» императивов, характерных для европейской ноосферной истории. Но было бы несправедливо, если бы в систему аксиологии ноосферной истории не вошли восточные типы целе-рациональности. Модусы «инь–ян», «дао–дэ–у-вей», «брахман–атман» – неотъемлемые формы ноосферной истории.

Аксиологический универсум глобальной ноосферной истории проистекает из общемирового философского процесса, и в этом смысле квинтэссенцией ноосферной истории человечества является именно философский процесс, который в значительной своей части нельзя отделить с одной стороны от религиозной, а с другой, от научной составляющей общего процесса перехода биосферы в ноосферу.

Философский синтез ноосферной истории при этом, конечно же, включает и меры «поу-ипостасности», каждая ипостась культуры – наука, философия, религия, искусство – имеют свое представительство в метадетерминации эволюции человеческого разума, то есть в ноосферной истории.

Праксиология ноосферной истории

В некоторых системах построения целостного философского знания раздел «праксиология» отсутствует в силу того, что считается уже отраженным в аксиологической ипостаси. В нашей статье мы принимаем точку зрения Г.Н. Гумницкого, который выделяет праксиологию в качестве самостоятельной и существенно значимой ипостаси философии [19].

Дело в том, что праксиология как она отчетливо предстает уже во второй половине XX века может рассматриваться как способ реализации ноосферных и антиноосферных процессов: локальное деяние человека в прежние века человеческой истории чаще всего оставалось локальным. Лишь царям и другим величественным персонам можно было претендовать на присутствие в глобальной (мировой) истории.

В современной инфо-истории личностно-деятельностная экзистенциальность в любой мо-

мент может стать глобальной бытийностью. Ноосферная праксиология предстает как неотъемлемая и самая трагическая часть ноосферной истории. В точке бифуркации ноосферной истории каждое деяние, от какой бы единицы глобальной истории оно ни исходило, приобретает способность к мультипликации. Современные «цветные формы» антропо-исторической деятельности – своего рода «крики и вопли» ноосферности – знаки того, что ноосферный метапраксис становится главной движущей силой ноосферной истории. Именно потому столь значимым оказываются «человеческий потенциал», «человеческие ресурсы», «человеческое качество» [36].

Предшествующее изложение праксиологии ноосферной истории требует некоторого разъяснения посредством примера. Это разъяснение может быть представлено через герметический принцип подобия: «что вверху, то и внизу», «что внизу, то и вверху». Формулой репрезентации ноосферной истории практически всегда являлась интеллигенция [42; 43, с. 3-21, 4-28].

Интеллигенция, в том виде, в котором она существовала в начале XX века и существует в начале нынешнего, реализует в своей жизнедеятельности экологический императив. Она являет собой своеобразную «социальную популяцию», автотрофную (субстанциальную) в своем социокультурном существовании. Она не мешает своей окружающей среде, а среда фактически не мешает ей. Именно такое, во многом уникальное, положение в социальном космосе (перефразируя М. Шелера) и позволяет интеллигенции, абстрагировавшись от конъюнктурной ткани истории, *почувствовать* те нити, которые составляют ее почти невидимый каркас – «нити разума», сплетающиеся в ноосферную историю.

Интеллигенция в ряду других социальных групп (страт) выделяется благодаря трем качествам, которые и позволяют ей претендовать на статус «паломника в будущее» (термин С. Г. Семеновой) мировой цивилизации. Во-первых, это автотрофный (субстанциальный) *способ бытия* интеллигенции, предполагающий существование «как бы самой по себе», но не как «если бы ничего не было». Во-вторых, это универсумно-семиотический *способ мышления (познания)*, позволяющий максимально абстрагироваться от реальной действительности, познать сущность вещей за их явленностью нам. Это эколого и нравственно сообразный *способ действия*, который характеризуется обостренным чувством ответственности за бытие (прошлое, настоящее и будущее; свое, других и мира в целом).

Интеллигенция в социокультурном дискурсе играет роль своеобразного врачевателя «футурошока» – феномена боязни будущего, зафиксированного А. Тоффлером [53]. В ее среде

глубоко осмысливаются перемены, происходящие в современном мире, где укон и меон; хаос и космос становятся почти не разделимы [40], возникают мировоззренческие системы и модели, позволяющие человеку адаптироваться к новой постоянно ускользающей реальности. Современное общество требует от семиотического субъекта принятия все более скорых автоматических «техногенных (инстинктивных) решений», совершенно не оставляя ему времени на «ноосферные раздумья».

Инстинкт – детище биосферы – представляет собой тысячами отработанный автоматический декодер для сигнала внешней среды. Абстрактное мышление усложняет путь прохождения сигнала от этапа чувственного восприятия до практического действия. Развившееся в формах восприятия от сигнала к символу, оно предстает как своеобразное торможение природного посыла, его раскрытие (замирание) во времени и, соответственно, в сознании.

Именно в таком «замершем времени» живет российская интеллигенция. Это ноосферное качество позволяет ей решать задачу формирования определенной, «нужной», «заданной» реальности – реальности ноосферы. При этом ноосфера понимается не только как идеальная социокультурная организация, но и как сфера коллективного разума и коллективного бес-сознательного, обеспечивающая коэволюцию индивида и его ближнего и дальнего космоса, ориентированная на созидание и гуманистические ценности.

Изучение личностных (научных, образовательных, религиозных, художественных, философских) семиотических программ позволит в полной мере спроецировать модель ноосферно-семиотической истории на реалии российской действительности, так как именно в ней представлены образцы конструирования общенаучной картины мира, которая «поможет нам построить будущее, хоть немного похожее на наши мечты» (Б. Шоу).

* * *

В герметической философской традиции принцип подобия утверждает: «то, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи» [16]. Феномен ноосферной истории в максимальной степени иллюстрирует этот принцип: человек в его материально-идеальной, духовно-телесной и корпускулярно-волновой природе («то, что находится внизу») соответствует развёртыванию разума в формах космопланетарного бытия, а ноосферная история («то, что пребывает сверху»), в свою очередь, соответствует тому человеческому качеству, человеческому

потенциалу (интенциональности и пассионарности), субъективному фактору, которые формируются в конкретно-исторических условиях перехода биосферы в ноосферу. Чудеса же Единой Вещи – еще один немаловажный повод для проговаривания шагов ноосферного развития и ноосферной истории.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения // Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 426–444.
2. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13
3. Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
4. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
5. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
6. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по антропологии. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
7. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
8. Бычков В.В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века. В 2 кн. М.: Культурная Революция, 2008. 816 с.
9. Вернадский В.И. Биосфера. Мысли и наброски. М.: Изд. дом «Ноосфера», 2001. 244 с.
10. Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. 456 с.
11. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
12. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
13. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.
14. Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 32–172.
15. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 37–51.
16. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев: Ирис; СПб.: Алетейя, 1998. 623 с.
17. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.
18. Гумилев Л. Н. Струна истории. М.: Айрис-пресс, 2011. 608 с.
19. Гумницкий Г. Н. О предмете философии. Иваново: Ивановский инженерно-строительный институт, 1992. 19 с.
20. Гумницкий Г.Н. Смысл жизни, счастье, мораль. М.: Знание, 1981. 64 с.

21. Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Понятие человечности в общей морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 20–31.
22. Иванов Вяч.Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: Курс лекций. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 196 с.
23. Иванов Вяч.Вс. Потом и опытом [сборник стихотворений, статей, эссе и переводов]. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 352 с.
24. Казначеев В.П., Трофимов А.В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
25. Коэльо П. На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. Киев: София; М.: ИД «София», 2003. 208 с.
26. Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. В 3-х т. СПб.: Издательство АРС, 2006.
27. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
28. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 416 с.
29. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.
30. Моисеев Н.Н. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать // Эксперт. 1998. № 24 (141). С. 77–79.
31. Моисеев Н.Н. Современный рационализм (Modern rationalism). М.: МГВП «КОКС», 1995. 376 с.
32. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
33. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
34. Назаров А.Г. Проблемы эволюции в произведениях В.И. Вернадского // Вестник РАЕН. 2003. Том 3. № 1. С. 25–34.
35. Ошо Книга мудрости: Беседы о «Семи принципах тренировки ума» Атиши. СПб.: ИГ «Весь», 2008. 624 с.
36. Печчеи А. Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985. 312 с.
37. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. 349 с.
38. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
39. Плёснер Х. Ступени органического и человек // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
40. Раков В. П. Меон и стиль. Иваново, 2010. 448 с.
41. Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с.
42. Смирнов Г.С. Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2007. 128 с.
43. Смирнов Г.С. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3–21, № 2. С. 4–28.
44. Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 1998. 244 с.
45. Смирнов Д.Г. Вселенная знаков: ноосфера versus семиосфера. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 243 с.
46. Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. 372 с.
47. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
48. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
49. Тарковский А. Ностальгия: Архивы и документы; воспоминания и статьи. М.: АСТ; Хранитель, 2008. 528 с.
50. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Изд-во «Ренессанс» ПС «ИВО-Сид», 1992. 311 с.
51. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
52. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001. 640 с.
53. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
54. Флоренский П.А. Письма П.А. Флоренского В.И. Вернадскому // Минувшее. Исторический альманах. 1986. № 1. С. 272–293.
55. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. В 2 т.
56. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
57. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.
58. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.
59. Ivanov Vyacheslav. Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester, Seattle and London: New Hampshire Institute of Politics at Saint Anselm College in association with University of Washington Press, 2002. P. 187–205.
60. Le Roy E. Les origines humaines et l'evolution de l'intelligence. Paris: Boivin, 1928. 375 p.
61. Peirce Ch. Collected papers. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931. Vol. 1. Principles of philosophy. 393 p.

Статья поступила 12.12.2011

Принята в печать 10.01.2012

Л.Д. Петряков

ПЕРЦЕПЦИЯ И ИНТЕНЦИЯ: ОБРАЗ УЧЕНОГО В СМИ И ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ НАУКИ

Ярославский государственный технический университет
Email: petryakovld@ystu.ru

В статье рассматривается проблема образа как формы мышления и средства познания мира. Образ представляет собой модель действительности: материальной (перцепции) и идеальной (интенции). Как один, так и другой вид образа может быть истинным (воспроизводящим существенные черты действительности), так и ложным, ошибочным. Тем не менее, обобщенный образ выступает абстрактной сущностью, невыразимой в понятии, но являющейся достаточной для практической деятельности людей.

Ключевые слова: образ, символ, мышление, миф, понятие, наука, воображение, разум.

Что есть образ по отношению к цели познания – истине? Образ свободы во Франции – молодая женщина с распущенными волосами и фригийский колпак. Образ справедливости – богиня Фемида с завязанными глазами и весами в руках. Объектом науки, как известно, являются не материальные предметы и явления, а понятия о них – идеализированные объекты. Образ, с одной стороны, является образом восприятия, организующим непосредственные данные органов чувств. С другой, как непонятная форма мышления, образ выражения опирается на иную, чем понятие, логику, т.е. последовательность представления значений. Понятие принадлежит к «линейной» логике, представляющей значения слов, терминов по одному, тогда как образ – эмоциональной логике, логике целых объектов и циклов их жизни. Таких как: взрослый и ребенок, богатый и бедный, жизнь и смерть, надежда и отчаяние. На циклической логике построены художественные произведения [6, с. 99], тогда как на линейной, формальной – научные работы. Проблема образа заключается в том, что он принадлежит сразу двум мирам: миру объективной действительности и миру чувственности, психики. Какой из этих миров первичен для образа? Какова его действительная природа?

Такие свойства образа, как предметность, константность делают его удобным для представления знаний объективного мира, полезным в процессе обучения этим знаниям. Тогда как возможность метафорического истолкования, использования образа в качестве символа, от-

крывают его человеческую и социальную сущность, имеющую опосредованное этим образом отношение к реальности объектов. При каких условиях предметный образ становится предметной метафорой?

К примеру, в современном обществе и даже в СМИ сложился образ ученого, далёкий не только от идеала человека науки, но и от образа среднего человека. «Рисунки ребят из разных стран мира имеют много общего: ученый – это, как правило, мужчина в белом халате, в очках, с бородой, со всклокоченной шевелюрой и безумным взглядом. Образ ученого в России, по словам профессора Андрея Юревича, зам. директора Института психологии РАН, сильно различается в разных социальных слоях. Среди обывателей, по опросам психологов, только 15% считают полезной фундаментальную науку, 45% – прикладную науку, а остальные не видят смысла ни в той, ни в другой. В рейтинге престижности профессий ученый – на одном из последних мест» [11]. Возможно, проблема в том, что ученых остальные граждане видят нечасто, а в ситуации новизны люди испытывают страх и сомнения, дополняя своими субъективными ощущениями объективное представление.

Термин «образ» понимают, как «форму отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления – понятия, суждения, концепции, теории. Образ объективен по своему источнику – отражаемому объекту и идеален

по способу (форме) своего существования» [4, с. 432]. Всегда ли образ объективен? Начнем с образов ощущений. Может ли человек вообразить красный цвет, если он его до этого никогда не видел? Кант отвечает на тот вопрос отрицательно: «Тот, кто из семи цветов никогда не видел красного, никогда не может иметь ощущение этого цвета...». «Сущность воображения – обслуживать и создавать образы, а образ не сводится к перцепциям, хотя он их здорово эксплуатирует. Любой человек, даже никогда не видевший красного цвета, всё равно воображает нечто, когда ему говорят о красном, и может думать, что это красное. Проблема в другом: насколько этот образ идентичен образу красного, включающему в себя те ощущения, когда человек действительно видит или видел красный цвет?» [5, с. 15].

Понятно, что образ представляет некую модель действительности: «Самое важное свойство образа состоит в отражении мира в процессе практического его созидания, то есть образ – это некая модель действительности, воссоздающая полученную из действительности информацию в новой сущности» [2, с. 73]. И дело скорее не в том, чтобы модель копировала действительность, а в том, чтобы воспроизводила существенные для нас свойства вещей и явлений. К примеру, если мы возьмем фрагмент из цифровой картинки и сильно его увеличим, то образ станет грубым и неточным состоящим из огромных по размеру деталей. В то же время человеческая память способна выделить, узнать одно из тысяч похожих человеческих лиц, даже если это не самый близкий для вас человек. Потому что она использует принцип, подобный фрактальному сжатию изображений. «В общем случае идея фрактального сжатия заключается в хранении не всего изображения в исходном его виде, а информации о его самоподобии, которой оказывается достаточно для восстановления исходного изображения. Благодаря этому огромная совокупность пикселей сводится к нескольким числам» [9, с. 56]. Способность человека воспринимать внешний мир в форме образов, позволяет ему распознавать объекты.

Но для того, чтобы распознать объект, отнести его по некоторым признакам к классу объектов, нужно иметь представление об этом классе. Можно предположить, вслед за И. Кантом априорное существование образов (прото-образов или их схем) у человека. Нейрофизиологи, опираясь на данные лингвистов, говорят о существовании своеобразного «алфавита» образов: «Слов, которые можно было бы изобразить в виде простенького рисунка... обиходных слов-понятий типа «птица», «чайник», «дом», «очки» в русском языке около тысячи» [7, с. 54]. Как писал И. Кант: «... Образ есть продукт эмпирической

способности продуктивного воображения, а схема чувственных понятий... есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения а priori; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначенных ими схем...» [8, с. 160]. Схемы могут быть развернуты сознанием “назад” в образы, проявляясь на “экране сознания”. Если в представлении, когда объекта нет “перед глазами” эти образы являются образами воспоминания, то при восприятии эти образы сливаются с реальными объектами. Следуя мысли И. Канта, можно сказать, что образ накладывается на схему чувственных понятий. При этом образ делает схему жизненной, наполняет ее неповторимыми деталями, а схема придает образу целостность и смысл. В определенных обстоятельствах образ может расслаиваться на схему и сумму чувственных впечатлений. Эта «сумма» превращается в бессмысленный для человека набор данных о внешнем мире, тогда как схема наполняется любым субъективным содержанием (страхом, чувством тревоги, разочарования и т.д.) и удаляется все дальше от реальности, становясь из инструмента внешнего восприятия в интенцию, орудие внутреннего чувства.

К основным свойствам образа восприятия относятся предметность, константность, целостность и категориальность. Предметность образа состоит в том, что набор входящих в его состав разнообразных ощущений мы связываем в единый, целостный образ и относим этот образ к конкретному предмету. Константность образа состоит в том, что даже при изменениях условий восприятия, он остается постоянным и позволяет узнавать соответствующий объект. Целостность восприятия это способность к созданию образа предмета на основе неполной информации: мы можем узнать буквы алфавита, ознакомившись только с некоторыми фрагментами этих букв. Категориальностью образа называют обозначение его определенным словом и отнесение к категории, которая соответствует данному слову как понятию. Если мы обозначили образ фигуры как треугольник, это значит, что мы включили предмет, соответствующий данному образу в множество треугольников. Материальный объект, проходя в познавательном отношении к нему стадии перцепции и интенции, может становиться идеализированным объектом научной теории или напротив, иллюзорным объектом с несуществующими свойствами, вводящим нас в заблуждение.

Иными, дополнительными свойствами будут обладать образы-интенции. Можно предположить, что подобно «алфавиту» перцептивных образов, служащих распознаванию материальных

объектов, наш разум создает еще один алфавит образов (и их схем) для распознавания интеллигибельных объектов, символизирующих явления социальной и нравственной реальности. Появление отдельных образов-интенций и их особенное истолкование отличает одну культуру и идеологию от любой другой. Можно привести примеры «облака» истолкований одного образа: от этимологического указания, звукового смысла, внешней наглядности образа до метафорического его толкования. К примеру: «смирение»: дохристианские – принуждение, тюрьма; мир, покой. Два смысла христианского образа смирения: восточный «моление о чаше» – покорность чужой воле (старших, государства) и западный: Иов – верность своим, личным убеждениям как покорность единственной, высшей воле. Образ-перцепция может соотноситься с образом-интенцией как причина и следствие: покорение – причина, покорность – следствие этого покорения, реакция на него, ставшая характерной для всех подобных случаев, как в физическом, так и в психологическом смысле.

Становясь символом, образ-интенция приобретает свойство условности, характерное для языкового знака. Но символический образ только опосредованно отнесен к действительности. Причем это двойная опосредованность: во-первых, образ-метафора, использующая образы материальных объектов для создания интеллигибельной, нематериальной реальности, а во-вторых, образ-знак, обозначающий, кодирующий этими условными объектами социальную действительность. Причем эти функции выполняет один и тот же образ. На языке образов-символов пишутся мифы, как древние, так и современные. Чтобы миф достиг своей цели, т.е. был понят так, как хотели его создатели, читатель (слушатель, зритель) мифа должен понять метафоричность его образов и в то же время не понять, для чего потребовалась эта метафоричность. Второй пласт условности должен оставаться скрытым, иначе цель – воздействие на чувственность, эмоции людей не будет достигнута. «Сказка – ложь...», правилом мифа является обман. Хотя такой «обман» только метод донесения информации до читателя (зрителя), сама информация при этом может быть истинной и полезной.

В художественном тексте автор, даже незаметно для себя может перейти от образов – перцепций к образам-символам, смешать рациональную, линейную последовательность мысли с эмоциональной, циклической логикой. А. Белый приходит к выводу, что для возникновения символа слово должно пройти несколько стадий: эпитета, сравнения и аллюзии, в результате чего возникает метафора – символ [3, с.140]. Образная система мифа не нуждается в большом количе-

стве символов. Для многих мифов достаточно одного, ключевого символа – «секрета», соединение с которым переводит любой из образов в новое состояние: оживляет умерших, открывает двери, наделяет животных человеческими качествами.

Если мы воспринимаем некоторый образ, мы считаем, что его объект существует в действительности, т.е. образ истинный. Но даже с восприятием визуальных образов случаются ошибки. «В процессе изучения бинокулярного зрения как функции анализатора, имеющего парный рецептор и парные мозговые центры, удалось выявить и описать особый вид зрительных образов, названных фантомными. Фантомный образ относится к категории образов, продуцируемых мозгом (визуализированных образов), и связывается с деятельностью эфферентной системы зрительного анализатора. В отличие от визуализированного образа фантомный формируется в процессе восприятия стимула и, наряду с перцептивным образом, является компонентом фузионного образа. Фантомный образ выявляется при изолированной стимуляции одной из двух корреспондирующих зон центрального и периферического зрения и локализуется в пространстве, принадлежащем второй (не стимулируемой) корреспондирующей зоне. Характерной особенностью фантомного образа является его неустойчивость к внешнему воздействию: движение дополнительного раздражителя в зоне видения фантомного образа вызывает его кратковременное исчезновение» [10, с.71]. Многие образы-интенции, создаваемые силой мышления и особенно, воображения, обладают свойствами фантомного образа, соединяющего свойства объекта со свойствами субъекта восприятия. Они могут вводить в заблуждение человека, замещая собой реальные образы и, таким образом, разрушать рациональность и осмысленность его действий людей.

Чтобы избежать обмана образами, следует перейти от образа как «меры неопределенности», грубого качественного наброска, к образу, наполненному конкретными деталями, как мере определенности: от того, чем не является данный предмет, к тому, чем он является, от номинального определения объекта к его реальному определению. К примеру, тот же образ ученых, каким он складывается у работников СМИ, пишущих о науке: По версии Елены Кокуриной из «Московских новостей», таких классов как минимум пять. «В первом – “ученый-чиновник”, который давно уже в большей степени администратор, нежели исследователь. Во второй класс отнесены “ученые-лекторы”. Третьи – “ученые-отшельники”. В четвертой группе – “энтузиасты”. И, наконец, “поп-ученые” (по аналогии с поп-звездами). В общении с журналистами

преследуют определенную цель: продвинуть свою область исследований». Но, по мнению заместителя директора Института психологии РАН, члена-корреспондента РАН Андрея Юревича, таких классификаций ученых существует немало, и подчас список составляет свыше 70 категорий» [11]. Классификации ученых это развитие изначального образа от общей схемы к деталям, путь от абстрактного к конкретному, который должен завершиться истинным знанием.

Тем не менее, «всякий символ есть образ и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ; но если категория образа предполагает предметное тождество самому себе, то категория символ делает акцент на другой стороне той же сути – на выхождении образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного» [1, с.155-161]. Этот смысл, нельзя выразить в логической формуле, а можно лишь пояснить, соотнеся его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий. Обобщенный образ – абстрактная сущность, невыразимая в понятии, но являющаяся необходимой и достаточной для практической деятельности человека.

Следовательно, человек способен конструировать два типа образов: образы-перцепции и образы-интенции, первые служат чувственной классификации предметов материальной действительности, а вторые стремятся к символическому выражению интеллигибельной реальности. Это две различные формы непонятного (образного) мышления, два типа знаков, обладающих разными свойствами. Вместе они составляют диалектическую пару: постоянство (перцепции) и изменения, развитие (интенции), позволяющую человеку строить долгосрочную стратегию поведения и, быть готовым изменить отдельные блоки этой стратегии в связи с изменением социальной или природной реальности.

ВЫВОДЫ

1. Образ – особый знак семантического метаязыка познания человека. Человек обладает

априорным «алфавитом» образов восприятия и способностью классифицировать материальные вещи и явления в соответствии с априорными образами.

2. Образ-интенция возникает как способ выражения перцепции, как реакция на нее. В этом качестве интенция приобретает знаковое свойство условности и является первичным обобщением образов восприятия.
3. Образы-интенции, в отличие от образов восприятия, образуют вторичный алфавит значимых для человека идеальных объектов, которые могут замещать собой реальные, имитировать или символизировать их.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е изд., испр. К.: Дух і Літера, 2001, с. 155-161.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
4. Бестужев-Лада И.В. Образ // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. Под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы и др. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989.
5. Борчиков С.А. Виртуальный образ творческого воображения // Воображение как познавательная способность. М., 2001. С. 14-30.
6. Греймас А.Ж. Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. Пер. с фр. / Предисл. К. Зильберберга. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 336 с.
7. Демидов В. Как мы видим то, что видим. М.: Изд-во «Знание», 1979. 208 с. (Наука и прогресс).
8. Кант И. Критика чистого разума/ Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2007.
9. Морозов А.Д. Введение в теорию фракталов – Москва-Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2002. С. 54-58.
10. Суворова В.В., Матова М.А. Фантомные образы бинокулярного зрения в системе межполушарных отношений // Вопросы психологии. 1982. №2.
11. Образ ученого. URL: <http://www.zn.ua/3000/3100/59439/> (дата обращения: 14.10.2011).

Статья поступила 12.11.2011

Принята в печать 01.03.2011

О.А. Шурыгина

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «JOY» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСАХ (на материале английского языка)

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Email: olga-saiko@mail.ru

В статье представлено исследование ассоциативного поля эмоционального концепта «joy» в художественном и религиозном дискурсах. Анализ языкового материала показывает, что в указанных типах дискурса действуют разные концептуальные системы. Радость в художественном дискурсе осмысливается как счастье-блаженство, удовольствие, веселье, ликование, восторг. Радость в религиозном дискурсе осмысливается и интерпретируется как Бог, вера, добродетель.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, художественный дискурс, религиозный дискурс, ассоциативное поле, кластер.

В центре внимания данного исследования находится ассоциативное поле концепта «joy», которое гораздо шире семантического и отражает деятельностный (коммуникативный) аспект языка, обеспечивающий говорящему возможность «присваивать» слова, то есть использовать общее слово для выражения своей мысли [2, с. 174].

При исследовании ассоциативного поля концепта «joy» мы обратились к принципу непрерывности, предложенному Р.И. Павиленисом, который позволяет построить структуру концептов в определенной концептуальной системе, в рамках которой каждый концепт понимается и интерпретируется при помощи других концептов, а также к теории К. Харди, смысл которой заключается в том, что концепты существуют в сознании в виде кластеров, каждый из которых представляет собой сеть взаимосвязанных концептов [5; 11].

Еще в середине 60-х гг. в работе Дж. Диза было предвосхищено обращение к идее кластерного принципа объединения значений. Им был обобщен и теоретически осмыслен обширный опыт экспериментальных исследований ассоциативного, а также категориального значения, которое проявляется при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантически или тематически связанные группы [9].

Р.И. Павиленис отмечает, что то, как интерпретируются рассматриваемые объекты, какой смысл им приписывается, обуславливает содержание интерпретирующих их концептов как части определенной концептуальной системы: каков «арсенал» содержащихся в системе концептов, таково и качество интерпретации. Соответственно, в той степени, в какой индивидуальная концептуальная система способна строить новые концепты, в той и только в той мере она интерпретирует новое, и в этой же мере оно является осмысленным для нее. Когда интерпретируется некоторый объект, нужна, в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации, определенная структура концептов, которая непосредственно или опосредованно соотносена с другими концептами системы. Языковое выражение может получить в концептуальной системе более одной интерпретации, то есть может интерпретироваться разными концептуальными структурами, различным образом связанными одна с другой, но содержащимися в одной и той же концептуальной системе. Последняя дает адекватную (с точки зрения носителя языка и интерпретационных возможностей его концептуальной системы) интерпретацию при наличии достаточного контекста, определяющего необходимый для интерпретации фрагмент (множество концептов) системы. Таким образом, система

может не только дать ряд интерпретаций языкового выражения, но и выбрать адекватную, соответствующую интуиции носителя языка интерпретацию, тем самым в определенной мере разрешая неоднозначность выражения [5, с. 207–208].

Действительно, данный тезис очень важен при исследовании и интерпретации эмоционального концепта «*joy*» в двух типах дискурса: художественном и религиозном, поскольку, очевидно, в них действуют разные концептуальные системы. Каждый человек, в принципе, обладает одинаковой способностью к формированию концептов, но концепты, формируемые им, зависят в определенной степени от его житейского и религиозного опыта. Другими словами, деление мира с помощью языка осуществляется путем наложения на мир концептуальной сетки (то есть путем выделения концептов) и ситуационной сетки (то есть путем выделения ситуаций) [6, с. 112], свойственных для того или иного типа дискурса.

Понятие ассоциативного значения сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова [1, с. 105].

Основываясь на вышеуказанных положениях, мы провели анализ ассоциативного поля концепта «*joy*» в художественном и религиозном дискурсах.

Анализ данных различных тезаурусов английского языка показал, что концепт «*joy*» в художественном дискурсе находится в ассоциативных отношениях с пятью концептуальными кластерами, каждый из которых назван нами по имени занимающего центральное место доминантного концепта: «*happiness*», «*pleasure*», «*gaiety*», «*rejoicing*», «*ecstasy*». Рассмотрим каждый из них.

К кластеру «*happiness*» мы относим такие концепты, как «*bliss*», «*felicity*», «*beatitude*», etc. Языковые единицы, объективирующие концепты данного кластера, выражают состояние полного, высшего, невозмутимого удовлетворения. Данное эмоциональное состояние можно испытывать, никак внешне не выражая своих чувств (за исключением искрящихся глаз и едва заметной улыбки на лице).

Большое количество примеров из англоязычной литературы репрезентируют эмоциональное состояние счастья-блаженства, казулируемое созерцанием окружающей природы. Природа часто является источником радости для людей. Например:

1. ... and on his rugged, good-looking face was a queer, yearning, yet happy look, as though he saw a promise of bliss in the spring sky, sniffed a coming happiness in the spring air... What was the matter with the fellow that he looked so happy? What was he waiting for with that smile on his lips and his eyes? [10];

2. The sun of early autumn was pleasant, and if at daybreak, when the shimmering dawn lent the neat fields the enchantment of a fairy tale, it was cold, the warmth later was very grateful. Kitty was filled by it with a sense of beatitude which she made no effort to resist [14, с. 226].

В (1) Сомс счастлив, улыбка застыла не только на его лице, но и в глазах. Ему радостно смотреть на весеннее небо, вдыхать аромат приближающегося счастья, парящего в весеннем воздухе. А Кити в примере (2) наслаждается красотами ранней осени. Именно осенний пейзаж дарует ей блаженство, которому она не в силах сопротивляться.

Состояние полного, высшего, невозмутимого удовлетворения может быть выражено при помощи фразеологических и паремических единиц, которые являются средствами выражения концептов данного кластера, например: *a fool's paradise, to be over the moon, to be flying high, to be in the seventh heaven, to be on cloud nine, to be (sitting) on top of the world, to live in Eden, etc.*

Языковые единицы, объективирующие концепты кластера «*pleasure*» («*delight*», «*gratification*», «*delectation*», etc.), выражают чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей:

3. Sounds and sweet air, that give delight and hurt not [16];

4. To our amazement and delight, Mother came out of the coma four days later and immediately asked for a screw-pound. When asked what a “screw-pound” was, she said a vodka and orange juice. With the exception of many of these eerie, funny “off-nesses,” she returned to full consciousness in decent shape. Her mouth remained crooked, as did many of the things she said, but nothing else was damaged and she was in good spirits [8].

В приведенных примерах удовольствие казулировано приятными ощущениями от пребывания на свежем воздухе, любовью к звукам природы, выздоровлением близкого человека.

Концепты данного кластера могут выражаться также при помощи следующих фразеологических единиц: *to make someone's day, to gather life's roses, to wish someone joy of a person / thing, to be as pleased as Punch, music to one's ears, to be in good spirits, to carry away, to do one's heart good, to enjoy oneself, etc.*

В кластер «*gaiety*» входят такие концепты, как «*hilarity*», «*festivity*», «*cheer*», «*exhilara-*

tion», «glee», «mirth», «merriment», «revelry», etc. Языковые единицы, актуализирующие данные концепты, выражают беззаботно-радостное настроение человека, проявляющееся в склонности к забавам, развлечениям, смеху. Например:

6. In the evenings there's dancing, smooth glittery dancing on a slippery floor. Induced hilarity: she can't avoid it [7];

7. But while she took her part in the conversation, if not with gaiety <...> at least with cheerfulness, Kitty observed her host [14, с. 238];

8. ... the crowd below her screeched and hooted with glee [15].

Веселье может быть выражено при помощи фразеологических сочетаний типа: *to have a rare time, to be in fine feather, as merry as a cricket, big time, to jump for joy, to leap for joy, one's feet went pita pat with joy, to dance for joy, to shout for joy, etc.*

Языковые единицы, актуализирующие концепты кластера «rejoicing» («exultation», «jubilation», «jubilation», etc.), выражают торжественно-восторженное эмоциональное состояние, испытываемое человеком. Ассоциативные связи концепта «joy» с концептами этого кластера свидетельствуют о том, что возвышенное состояние души, приподнятое настроение осмысливается как радость в результате успеха или победы над кем-либо / кем-либо:

9. The wide expanse on that gay and sunny morning filled the heart with exultation. The trim little rice-fields stretched as far as the eye could see and in many of them the blue-clad peasants with their buffaloes were working industriously. It was a peaceful and happy scene [14, с. 214].

В приведенном примере героя переполняет чувство радости. Он восторгается крестьянами, которые, несмотря на эпидемию холеры, господствующую в их селе, продолжают трудиться на рисовом поле. Иначе говоря, радость вызвана преодолением, «победой» над болезнью.

А в следующем примере радость-ликование вызвана «победой» над ненастьем в море:

10. When rough weather abates, and it becomes clear that you have survived the sky's attack and the sea's treachery, your jubilation is tempered by the rage that so much fresh water should fall directly into the sea and by the worry that it is the last rain you will ever see, that you will die of thirst before the next drops fall [13].

Ликование может быть выражено при помощи фразеологических сочетаний: *to walk / dance on air, to crow (over), to rejoice / warm the cockles of one's heart, etc.*

В кластер «ecstasy» входят такие концепты, как «elation», «rapture», «ravishment», «transport», etc. Языковые единицы, актуализирующие данные концепты, выражают иступленно-восторженное эмоциональное состояние и ис-

пытываемое человеком ощущение душевного подъема, восхищения. Ассоциативные связи концепта «joy» с концептами данного кластера выявляются в примерах, описывающих наивысшую степень эмоционального состояния радости людей, неспособных контролировать в некоторых ситуациях проявление пылких чувств. Например, в случае нахождения выхода из сложной ситуации:

11. ...and in a rush of fierce joy he realized he'd found something he could do without being taught – this was easy, this was wonderful [15].

Восторг, безудержная радость могут выражаться при помощи таких фразеологических единиц, как: *to burst with joy, one's joy overleaped all bounds, one cannot contain oneself for joy, to be beside oneself with joy, to be wild with joy, in the ecstasy of joy, in a transport of joy, etc.*

Анализ примеров, извлеченных из текстов Библии, показал, что концепт «joy» в рамках религиозного дискурса понимается и интерпретируется посредством ключевых концептов данного дискурса: «God», «faith», «virtue».

Связь концепта «joy» с концептом «God» отчетливо проявляется в Священном Писании. Радость показана как постоянная характерная черта отдельных верующих и собраний верующих людей. Радость – это отличительная особенность жизни, а не просто мимолетные эмоции. Радость берет начало в самом Боге и «течет от Него»:

12. But everyone else praised the Lord God All-Powerful because of the miracle that had kept the temple safe. A little while earlier, the temple was filled with fear and confusion, but now there was joy and happiness because the Lord had appeared [12, 2 Масс 3, 30];

13. At that same time, Jesus felt the joy that comes from the Holy Spirit... [12, Lk 10, 21].

Призыв радоваться вообще и Богу в частности не раз повторяется в Писании. Состояние «be glad» – это как бы посредник между субъектом, доставляющим это состояние, и тем объектом, на который это состояние может распространиться:

14. Tell the heavens and the earth to be glad and celebrate! And announce to the nations, “The LORD is King!” Command the ocean to roar with all of its creatures and the fields to rejoice with all of their crops. Then every tree in the forest will sing joyful songs to the LORD. He is coming to judge all people on earth [12, 1 Ch 16, 31–33], где субъектом, доставляющим радость, представлен Бог, а объектами, на которые распространяется эмоциональное состояние радости, являются небеса, земля, океан, поля, деревья и, конечно же, люди.

Многие ученые задаются вопросом: существует или не существует Бог? В наивно-реальном и примитивном смысле Бога нет, но Бог есть в высшем духовном смысле. Лейбниц

писал: «Философия, если отведасть ее слегка, уводит от Бога, если же глубоко зачерпнуть ее – приводит к нему» [4, с. 78]. Это надо понимать так, что идея Бога возникает при исследовании глубинных основ и причин мироздания. Реальность виртуального обусловлена его положением в системе. Как отмечает логик Р. Карнап, «быть реальным в научном смысле значит быть элементом системы» [3, с. 301]. Согласно данной точке зрения, Бог вполне реален и существует, но виртуальный и трансцендентный характер Божественного начала ведет к тому, что Бог постигается прежде всего путем интуиции и веры, а не путем мышления и логики.

Радость – это не отдельное или случайное последствие веры, но, скорее, неотъемлемая часть отношений с Богом. Полнота радости приходит тогда, когда в жизни человека есть глубокое осознание присутствия Божьего. О наличии ассоциативных связей концепта «*joy*» с ключевым концептом религиозного дискурса «*faith*» свидетельствует наличие примеров типа:

15. I call God as my witness that it was in order to spare you that I did not return to Corinth. Not that we lord it over your faith, but we work with you for your joy, because it is by faith you stand firm [12, 2 Co 1, 23–24];

16. Though you have not seen him, you love him, and though you do not see him now, but believe in him, you greatly rejoice with joy inexpressible and full of glory [12, 1 P 1, 8], – в словах апостола Петра, адресованных верующим, которые подвергались гонениям, выделяются два признака истинной веры в Бога: любовь к Христу и радость за Христа. Страдания верующих были ужасны, но их внутренние духовные радости превосходили мучения. Эти чувства придавали им силы и давали возможность страдать с радостью.

Еще на два факта, касающихся радости, обращает наше внимание апостол. Во-первых, на ее происхождение. Радость, по словам Петра, возникла как следствие веры: «*though you do not see him now, but believe in him, you greatly rejoice*». Во-вторых, он описывает природу этой радости: «*inexpressible and full of glory*». Петр говорит о невыразимой радости, которая очень сильно отличается от мирской. Она чиста, непорочна и божественна. Она невыразима и по своей силе: Бог обильно «поливает» ею страждущих. Эта радость наполняет сознание верующих чувством достоинства и светом божьей славы, а не возвращает, как многие мирские радости.

Таким образом, доктрина Петра учит следующему: истинная религия заключается в святых эмоциях. Описывая жизненные переживания, апостол выделяет в качестве основных эмоции любви и радости, которые свидетельствуют о духовном здоровье верующих.

Об ассоциативной связи эмоционального концепта «*joy*» с концептом «*virtue*» свидетельствует тот факт, что в религиозной доктрине радость рассматривается как добродетель:

17. But the fruit of the Spirit is love, joy, peace, longsuffering, kindness, goodness, faithfulness, gentleness, self-control. Against such there is no law [12, Ga 5, 22].

Здесь особого внимания, на наш взгляд, заслуживают псалом 84 «The Joy of Worship», своеобразный гимн радости, и послание апостола Павла к филиппийцам, которое по своему содержанию является посланием радости.

Библейский текст «Philippians» – это письмо, написанное апостолом Павлом в тюрьме. В нем он благодарит верующих Филиппии за то, что они помогают ему своими молитвами. И, несмотря на то, что Павел находится в тюрьме и знает, что скоро может погибнуть, его письмо наполнено радостью. Суть всего послания можно выразить в одной фразе: «Я все делаю с радостью, а радуетесь ли вы?»

Для апостола Павла радость в том, что люди проповедуют веру в Христа:

18. But that doesn't matter. All that matters is that people are telling about Christ, whether they are sincere or not. That is what makes me glad. I will keep on being glad, because I know that your prayers and the help that comes from the Spirit of Christ Jesus will keep me safe [12, Phil 1, 18].

Радость заключается в страданиях за Христа:

19. Your faith in the Lord and your service are like a sacrifice offered to him. And my own blood may have to be poured out with the sacrifice (*my own blood may have to be poured out with the sacrifice*: offerings of water or wine were sometimes poured out when animals were sacrificed on the altar). If this happens, I will be glad and rejoice with you. In the same way, you should be glad and rejoice with me [12, Phil 2, 17–18].

Радость – это и новости о близких людях, и христианское гостеприимство. Жизнь полна разлук, и для людей всегда радость, когда приходят новости от их любимых и родных, с которыми они на время расстались:

20. Now I am more eager than ever to send Epaphroditus back again. You will be glad to see him, and I won't have to worry any longer. Be sure to give him a cheerful welcome, just as people who serve the Lord deserve [12, Phil 2, 28–29].

Радость за тех, кто с Христом. Для человеческой природы характерно радоваться, когда мы находимся с человеком, которого любим, а тем более с Богом, который любит всех:

21. Finally, my dear friends, be glad that you belong to the Lord. It doesn't bother me to write the same things to you that I have written before. In fact, it is for your own good [12, Phil 3, 1];

22. Always be glad because of the Lord! I will say it again: Be glad [12, Phil 4, 4].

Для Павла радостью является и единодушное общение верующих. Нет мира и радости там, где разрушены человеческие взаимоотношения и царит вражда. Радость там, где людей связывает любовь друг к другу – в церкви, члены которой являются одним целым, потому что они – одно целое со своим Господом:

23. ... fulfil my joy by being like-minded, having the same love, being of one accord, of one mind [12, Phil 2, 2].

Все содержание псалма 84 «The Joy of Worship» пронизано светлым чувством радости, которое питает верующий к своему Создателю, хотя в самом тексте зафиксирован только один случай употребления лексемы с семантикой «радость»:

24. LORD God All-Powerful, your temple is so lovely! Deep in my heart I long for your temple and with all that I am I sing joyful songs to you [12, Ps 84, 2]. Люди посещают храм, молятся, поклоняются, отдают хвалу Богу с радостью. И даже тот факт, что они полностью зависимы от Бога, радует их.

Итак, на основании данных, полученных в результате проведенного анализа, мы пришли к выводу, что в художественном и религиозном дискурсах действуют разные концептуальные системы. Представим схематически ассоциативное поле концепта «joy» в двух типах дискурса.

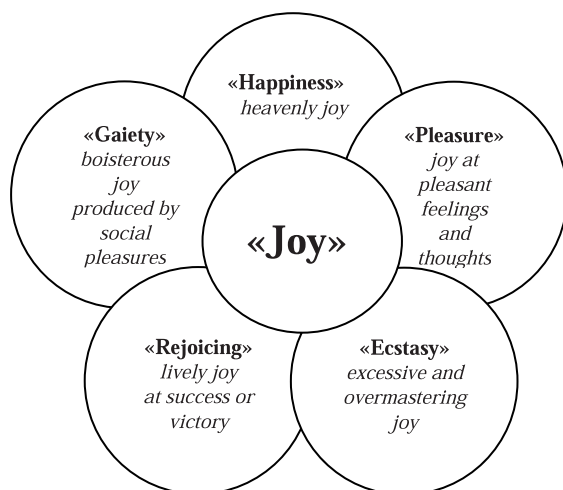

Рис. 1. Модель ассоциативного поля концепта «joy» в художественном дискурсе.

Рис. 1 свидетельствует о том, что между состояниями существует множество переходных явлений, диффузных зон, предполагающих наличие гибких размытых границ. Все положительные эмоциональные состояния имеют, по-

видимому, схожее концептуальное содержание, а различия между ними заключаются в интенсивности, наличии или отсутствии внешних проявлений, источнике эмоционального состояния радости.

Радость отличается многообразием оттенков. Спектр возможных эмоциональных состояний человека гораздо шире, нежели совокупность языковых средств, репрезентирующих данный концепт. Анализируя концепт «joy» с точки зрения интенсивности, глубины переживания и внешнего проявления чувства радости, можно сделать вывод, что состояния, выраженные лексемами, относящимися к таким кластерам, как «gaiety», «rejoicing», «ecstasy», имеют большую степень интенсивности и в гораздо большей мере требуют проявления в речи, поведении, действии, жесте или мимике, нежели состояния, выраженные лексемами, относящимися к кластерам «happiness» и «pleasure». Эмоциональные состояния, выраженные лексемами последних двух кластеров, вообще можно испытывать, никак внешне не выдавая своих чувств.

Необходимо отметить, что «каркас» концептосферы «joy» в художественном дискурсе составляют ключевые концепты: «happiness», «pleasure», «gaiety», «rejoicing», «ecstasy», каждый из которых является сложным по своей природе и способен образовывать собственную концептосферу.

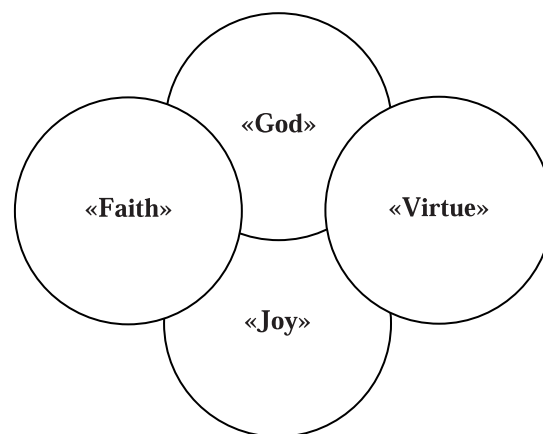

Рис. 2. Модель ассоциативного поля концепта «joy» в религиозном дискурсе.

Рис. 2 свидетельствует о том, что радость осмысливается и интерпретируется при помощи ключевых концептов религиозного дискурса: «God», «faith», «virtue», которые одновременно являются источником / причиной эмоционального состояния радости в данном дискурсе.

Список использованной литературы

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
3. Карнап Р. Значение и необходимость. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 382 с.
4. Лейбниц Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1982. 636 с.
5. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.
6. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
7. Atwood M. The Blind Assassin. URL: <http://www.gutenberg.net/> (дата обращения: 25.10. 2011).
8. Carroll J. After Silence. URL: <http://www.gutenberg.net/> (дата обращения: 25.10.2011).
9. Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore: The John Hopkins Press, 1965. 167 p.
10. Galsworthy J. The Man of Property. М. : Издательство «Менеджер», 2000. 384 с.
11. Hardy Ch. Networks of Meaning: A Bridge Between Mind and Matter. West Port, Conn. : Praeger, 1998. 217 p.
12. The Holy Bible. New International Version: Containing The Old Testament and The New Testament. USA: Bible Society, 1984. 923 p.
13. Martel Y. Life of Pi. URL: <http://www.gutenberg.net/> (дата обращения: 25.10. 2011).
14. Maugham W. S. The Painted Veil. 2-е изд. М. : Издательство «Менеджер», 1999. 272 с.
15. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. URL: <http://www.gutenberg.net/> (дата обращения: 25.10. 2011).
16. WRUD – Webster’s Revised Unabridged Dictionary (edition of 1828+1913). URL: <http://machaut.uchicago.edu/> (дата обращения: 30.06. 2011).

Статья поступила 15.11.2011

Принята в печать 25.12.2011

А.А. Черкасова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале речей Б.Обамы в Каирском дискурсе 2009 и 2011 гг.)

Ивановский государственный химико-технологический университет
Email: antonina-cherkasova@mail.ru

Рассмотрены некоторые особенности политического дискурса, в частности, специфика функционирования когнитивных метафор с ориентацией на «когнитивный интерфейс» и его функциональные возможности – манипуляционную, дискурс-формирующую и др. Проведен анализ когнитивных метафор в публицистических речах президента США Барака Обамы, произнесенных им в период конфликтной ситуации в Египте (январь-февраль 2011 г.) и во время дипломатических контактов с Египтом в 2009 г. Выявлены концептуальные метафоры, иллюстрирующие одну из важнейших особенностей политического текста – сокращение значения.

Ключевые слова: политический дискурс, когнитивная метафора, Барак Обама, концепт, речевая манипуляция.

Политический дискурс, стратегии и тактики его воздействия на общество привлекают внимание многих исследователей, в частности, следует отметить работы М.Л. Макарова, В.И. Карасика, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, А.Н. Баранова, Р.Ж. Шварценберг, В.З. Демьянкова, Э.В. Будаев, Ю.С. Степанова, М.В. Ильина, О.Ф. Русаковой, Д.А. Максимова, Е.В. Переверзева, З. Харрис, Т. Ван Дейка, Дж. Остина, Дж. Серля, Дж. Лакофф и М. Джонсона, Дж. Сейдела и др. По мнению большинства авторов, политическая коммуникация является особым типом организации социальных связей – как вербальных, так и образных, при которой происходят процессы передачи политически значимых сообщений внутри политических институтов и за их пределами [8; 9; 10]. Одним из неотъемлемых свойств политического дискурса является манипуляция – скрытое воздействием адресанта, при котором требуемое ему решение принимается адресатом воздействием «самостоятельно», без видимого нажима со стороны адресанта [11, с. 9-11]. Под термином «манипуляция» обычно понимают технологию управления поведением людей, скрытое духовное, психологическое воздействие. Манипуляция требует значительного мастерства и знаний,

т.к. она представляет собой «часть технологии власти» [3, с. 69-70]. Таким образом, манипуляция – это своего рода «убеждение», апеллирующее к самым глубоким основаниям человеческой психики посредством слова. По определению О.Н. Быковой [2, с. 99], речевое манипулирование представляет собой вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата на данный момент. В основе речевого манипулирования лежат психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определённых иллюзий или заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Вслед за О.Н. Быковой под речевым манипулированием мы понимаем отбор, а также использование особых языковых инструментов, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Как правило, речевое манипулирование предполагает такое воздействие на адресата, которое тот не осознает и воспринимает как часть объективной информации.

Часто речевое манипулирование осуществляется путем использования базовых концептов, на которых строится сознание того или иного социума. К таким концептам относятся и когнитивная метафора. Напомним, что в традиционном литературоведении под метафорой понимают особый механизм речи, при помощи которого выражение или слово, обозначающее определенный предмет или явление, используется для характеристики или наименования другого предмета или явления, которое является близким первому по каким-либо смысловым параметрам [1, с. 153-172].

С позиций когнитивной науки, метафора представляет собой средство, при помощи которого «человеческое сообщество способно понимать абстрактные понятия, представляющие систему внутреннего мира человека, и рассуждать о них» [7, с. 24]. Учитывая это, когнитивная метафора является важным фактором развития сознания человека: согласно Лакоффу и Джонсону, метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, проявляясь не только в языке, но также в мышлении и действии, т.е. «выступает той структурой, в которой согласованы наиболее фундаментальные культурные ценности» [14, с. 8]. Когнитивная метафора, применяемая в речи политика, способна привлекать и удерживать внимание человека, отпечатываться в сознании, доносить определенные смыслы на глубоком, почти бессознательном уровне; влиять на ассоциативное мышление, одновременно являясь его частью, а потому имеет весьма выраженный манипулятивный характер.

В условиях межгосударственных отношений борьба за власть часто дополняется борьбой за идеологическое воздействие, что требует более искусного использования особых речевых оборотов – политических метафор, которые были бы актуальны и понятны любому человеку в любой стране.

Цель настоящей статьи – проанализировать особенности употребления когнитивных метафор в речах действующего президента США Барака Обамы, обращенных к иноязычной аудитории. Объектом анализа служат публичные выступления Б. Обамы в рамках «революционного дискурса» на Ближнем Востоке в 2011 году и его некоторые речи 2009 года. Предметом выступает концептуализация внутренней социально-политической дискурсивной семантики президента, отражающей его демократическую платформу. Актуальность рассматриваемой в исследовании проблематики опирается на необходимость изучения манипуляционных свойств политического дискурса и публичной речи. Наша гипотеза состоит в том, что специфика революционного дискурса на Ближнем Востоке, пред-

ставленная в выступлениях президента США Б. Обамы, носит ярко выраженный целевой манипуляционный характер, проявляющийся через применение ряда метафорических концептов.

При рассмотрении когнитивных метафор мы основываемся на теории Дж. Лакофф и М. Джонсона, которые рассматривают метафорические понятия в тесной связи с повседневной понятийной системой человека. Понятийная система занимает центральные позиции в восприятии повседневной реальности, а потому формирующиеся в этой системе метафоры – явные и латентные, в значительной степени встраиваются в рутинность и отражают повседневный опыт человека [14, с. 8-11]. Когнитивная метафора позволяет осмыслить концепты, находящиеся по поверхностному значению максимально далеко от исходных (например, аллюзии жизненных ситуаций на сказки, факты истории, кино и др.). Когнитивная метафора способна интерпретировать одни концепты с опорой на другие, служащие эталоном, что позволяет один предмет увидеть через призму другого – позитивного или негативного.

Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизвестного объекта по аналогии с уже сложившейся индивидуальной системой понятий. Таким образом, в основе механизмов метафоризации лежит процесс человеку ассоциативное мышление: поиск сходств и различий между явлениями, устанавливающий тем самым личностные, внутренние смыслы, отражающие субъективное отношение к миру, собственное понимание тех или иных событий. Феномен метафоры, связанный с ее мыслительно-языковыми особенностями, в полной мере отражает и ее сущность как инструмента познания и интерпретации реальности. Метафора активно участвует в формировании личностной модели мира как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы источника при концептуализации новой сферы» [10, с. 36].

Исходя из этого, когнитивная метафора представляет собой, пожалуй, одно из самых результативных средств в формировании представления об окружающей действительности в сознании людей, путем мифологизации действительности в информационном пространстве, а как результат – и в сознании человека. Следовательно, функцию, которую несет на себе внутри дискурса когнитивная метафора, можно назвать «манипуляционной вуалью» [15, с. 138], т.е. изощренным способом утаивания реальных смыслов политического сообщения. Как следствие, происходит изменение внутренней и внешней семантики самого дискурса.

Политический дискурс является разновидностью институционального дискурса, в котором политик представляет не себя лично, а определенную организацию власти – правительство, оппозицию, или партию. Следовательно, политическая речь как продукт языкового творчества политика рассматривается через идеологическую платформу той партии, которую данный политик представляет, и является «статусно-ориентированной» [4, с. 145-146].

Известно, что президентский дискурс носит риторический характер и эффективность президентских обращений «напрямую зависит от используемых способов риторического воздействия на адресата» [8, с. 10]. Президентский дискурс эксплицируется в ценностном, когнитивном и поведенческом аспектах концептосферы языковой личности: президент говорит, с одной стороны, за свою партию и за страну в целом, т.е. выражает сознание и ментально-культурные основы государства и его политики, но в то же время президент выражает общечеловеческие концепты в межгосударственном общении (всеобщие категории, например – страх, война, религия, смерть, дети, власть, жизнь и др., и их языковые выражения, апеллирующие к внутренним психическим свойствам человека). Ценностная сторона является важнейшей составляющей любого концепта, а потому играет основную роль в существовании центральных концептов политической коммуникации. В президентском дискурсе эта особенность занимает немаловажные позиции, так как «статус лидера государства обязывает президента руководствоваться представлениями об общенациональных ценностях и базовыми концептами политического мира» [8, с. 16].

Дискурс Б. Обамы от имени демократической партии, осуществлявшийся в рамках революционных событий в Египте в январе-феврале 2011 года, был рассмотрен нами сквозь призму когнитивного концепта «а Него», в частности, «America as a Него», предложенного Дж. Лаккофф. Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что в президентском дискурсе Барака Обамы когнитивные концепты, которые выражаются с помощью метафоры и аллюзии, служат средством глубинного продвижения основных смысловых сообщений, которые можно объединить в несколько групп.

Выступления Б. Обамы, использованные при анализе, были разделены на две группы. Первая группа выступлений датируется июнем-августом 2009 года. В нее вошли речи, относящиеся к двум первым и единственным встречам Б. Обамы с президентом Египта Х. Мубараком с момента вступления Б. Обамы в должность президента США. Эти встречи имели место 4 июня 2009 г. в кабинете пресс-секретаря Египта

(Каир, Египет)¹, в университете Al-Azhar (Каир, Египет)², и 18 августа 2009 г. в Овальном кабинете Белого дома (Вашингтон, США)³.

Во вторую группу вошли выступления Б.Обамы за январь-февраль 2011 г., относящиеся к конфликту Египта. Выступления проходили 28 января 2011 г. в Парадной столовой Белого дома (Вашингтон, США)⁴, 1, 10 и 11 февраля 2011 г. в Большом фойе Белого дома (Вашингтон, США)^{5, 6, 7}, 4 февраля 2011 г. в Нью-Йоркской Публичной библиотеке (Нью-Йорк, США)⁸.

Обозначим некоторые важные моменты ситуации, сформировавшейся в Египте к январю-февралю 2011 года, которые, на наш взгляд, повлияли на усиление когнитивных свойств концептуальных метафор, использованных в указанном дискурсе Б. Обамы:

1) В век СМИ, Интернета когнитивный интерфейс многих стран сближается: совершенно разные общества имеют возможность в любой момент познакомиться и понять культурные интересы других. В данном случае имеется **общий когнитивный интерфейс**, созданный современными масс-медиа, глобализацией, транспортными возможностями, войной в Ираке, которая сконцентрировала внимание Ближнего Востока на США. Это когнитивное сближение представляет огромную возможность метафоре, как средству воздействия, расширить границы своего влияния.

2) **Ресурс** – молодое поколение республики Египет, находящееся в условиях жесткой безработицы и готовое к борьбе. Важно отметить, что в ближневосточном конфликте 2011 года активную, движущую роль сыграла образованная молодежь – открытое к восприятию поколение, стремящееся трансформировать собственный мир посредством поиска новых идеалов. История богата примерами, когда молодые люди стремились переделать мир революционным путем и активной гражданской позицией (наиболее современным и ярким примером является французская революция, именуемая «Красный май 1968 года», влияние которой на развитие и изменение социального и научного мировидения было изучено нами ранее⁹). Метаморфозы в сознании молодежи – процесс неоднородный, но базирующийся на нескольких общих позициях, сформулированных в работе выдающегося психолога, автора теории стадий психосоциального развития Э. Эриксона. Ученый акцентирует внимание на том, что для молодых людей основой сознания является идеология, и «ум молодого человека есть по существу ум моратория и идеологии – психологической стадии между моралью, уже усвоенной ребенком, и этикой, которую еще предстоит развить взрослому» [12, с. 249]. Именно идеология обращается к молодым людям, готовым пройти «процедуру

ратификации, участвуя в ритуалах и принимая символы веры и программы, которые в то же время определяют, что считать злым (порочным), сверхъестественным и враждебным» [12, с. 250]. Таким образом, в период юности каждый человек, так или иначе, переживает кризис, связанный с необходимостью самоопределения, в виде целой ветви социальных и личностных выборов и идентификаций.

3) **Лидер** – президент США Б. Обама и **Герой** – США, мощное, передовое, защищенное государство. В современном быстроразвивающемся мире, идеалом для молодых людей становится все, что воплощает прогресс, и все прогрессивное видится надежным и авторитетным. Лидер необходим там, где нужно вводить перемены, переходить от старого к новому, совершенствующемуся. Изменения и стресс, которые влечет за собой самостоятельная жизнь молодых людей, определяют необходимость поиска новых, собственных «идеалов» и «образцов», за которыми нужно следовать, и к которым нужно стремиться. В идеологии место «идеала» занимает лидер, герой соответствующий передовым требованиям, мыслящий в согласии с ними, человек «одной крови».

4) **Слово** – метафоры и аллюзии. Молодым людям необходимы слова, т.к. невротическое состояние, в котором находится большинство молодых людей в ситуации социальной неустойчивости, можно преодолеть посредством слова. Слово должно исходить от лидера и отвечать общим потребностям, успокаивать, поддерживать, создавать ощущение защищенности. Слово должно быть авторитетным, концептуальным и свободным. Кроме этого, слово должно быть ментально-понятным, то есть извлекаться из общего когнитивного интерфейса.

5) **Иллюзия свободы слова** – демократия. Иллюзия свободы слова и свободы его интерпретации в условиях современного прогрессивного мира играет роковую роль. Когнитивный интерфейс молодых людей в век СМИ представляет собой открытое к воздействию пространство. Падение значимости культурных традиций, обусловленное расширением поля доступной информации, а потому снижением влияния внутрикультурных и идеологических устоев, приводит молодое общество к состоянию «обнаженного сознания» перед средствами массового воздействия.

Известно, что Египет представляет собой государство с клановой экономической политикой, где власть и хорошие рабочие места в большинстве случаев передаются «из рук в руки». Важно отметить, что процент молодых людей в Египте составляет до 70% от общего числа населения [5, с. 34-35], а клановость предполагает

отсутствие перспектив развития и хорошего трудоустройства для молодого образованного населения, которое находится за рамками кланов. По данным СМИ, в Египте процент безработицы среди молодых людей с высшим образованием гораздо больше, чем у необразованного населения – отсюда и возникает тот знаменитый вопрос Красного Мая 1968 – «зачем учиться, если мы встаем к станку наравне с простыми рабочими?». Университеты – это скопления молодежи, молодежи эрудированной, образованной, имеющей доступ к библиотекам и Интернету, молодежи с несформированными идеалами, которой можно управлять, т.е. той самой, способной делать революции, как это и было на Западе в 60-е.

Каирский университет Аль-Азхар, в котором произносил свою речь президент США Барак Обама в 2009 году, является одним из старейших университетов в мире и самым престижным в Египте. Безработица к 2009 году уже стала неразрешимой проблемой для жителей и властей Египта, и студенты университета Аль-Азхар, готовившиеся к удручающему будущему, увидели пред собой президента самой сильной державы современности, который пытался убедить аудиторию в достижениях демократического общества, используя в своей речи богатые метафорические обороты.

Как мы уже говорили выше, метафоры, присутствующие в указанных выступлениях Б. Обамы, можно разделить на несколько концептуальных групп:

1) Первая группа концептов, она же самая обширная, непосредственно связана с категорией **«Мир» = «Все человечество»**.

Метафоризация взгляда на мир не как на собрание ресурсов, а как на общество людей, без акцента на существующие границы и различия, является концептуализацией понятия «общность» – «прогресс должен быть общим» / *«our progress must be shared»*, «мир, который мы разделяем» / *«that is the world we seek»*, «во множестве мы едины» / *«out of many, one»* [June 4, 2009]. Речи 2009 года изобиливали риторическими формами в рамках понятия *«we share»*¹⁰: разделять общие установки, потребности – *«these things we share»*, общие чаяния и нужды – *«all of us share common aspirations – to live in peace and security; to get an education and to work with dignity; to love our families, our communities, and our God»*, *«our common humanity»*, общие интересы – *«the interests we share as human beings»*, *«those are mutual interests»*, идеалы и равенство – *«we were founded upon the ideal that all are created equal»*, надежды и веру – *«the hope of all humanity»*, *«faith should bring us together»*, ответственность – *«the responsibility we have to one another as human beings»*, взаимозависимость –

«given *our interdependence*», борьбу – «*we must finally confront together*», права – «*these are not just American ideas; they are human rights*», «*the rights of all God's children are respected*», достижения – «*we can only achieve it together*», мир в целом «*all of us share this world*», «*to share this world in the 21st century*» и др. Важно заметить, что в речи 2009 года содержится призыв к общности не только общечеловеческих потребностей, но и политических взглядов, поскольку именно государственная политика во многом определяет перспективы развития населения той или иной страны. Этот призыв имеет большое значение, т.к. египетская аудитория, перед которой выступал Обама, относится к традиционному закрытому обществу с кардинально иной политической стратегией.

В дискурсе 2011 года данная метафора служит символом общенародной поддержки, взывая к внутренним эмоциям молодых людей, к необходимости быть защищенными, снова обращая внимание на главные надежды и потребности всех людей – «мы можем считаться частью человечества вообще» / «*we can be defined by the common humanity that we share*», «они поменяли свою страну, и тем самым изменили мир» / «*they changed their country, and in doing so changed the world*» [February 11, 2011].

А также «весь мир наблюдает» / «*the entire world is watching*» в значении «весь мир с вами», апелляция к общечеловеческим ценностям – «*we stand for universal values*», общечеловеческим правам – «*the people of Egypt have rights that are universal*», и тем действиям каждого, которые заслуживают уважения всего мира – «*we have seen young and old, rich and poor, Muslim and Christian join together, and earn the respect of the world through their non-violent calls for change*» и т.д.

Метафора «мир» = «все человечество» является очень важным концептом в указанном дискурсе Б. Обамы, что будет более подробно рассмотрено нами ниже.

Следующие концепты, которые были выделены нами, находятся в тесной взаимосвязи, одновременно дополняя друг друга и противореча друг другу.

1) Концепт «Колесо истории».

По своей сути темпоральная метафорика этого концепта связана с ориентационными метафорами – «вперед» = «хорошо \ прогресс», «на месте, назад» = «плохо \ регресс». Б.Обама в 2009 году называет ситуацию между мусульманами и Западом «кругом подозрений и раздоров» / «*cycle of suspicion and discord*» [June 4, 2009 / Al-Ahzar], говорит о том, что в новую эпоху необходимо выбраться из плена прошлых негативных отношений – *whatever we think of the past, we must*

not be prisoners of it» [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Также употреблялись риторика: «быть скованными прошлым» / «*to be bound by the past*», «в новую эпоху такой образ действий обречен на провал» / «*this new age such attitudes are self-defeating*» и др., где четко противопоставляется «старое», как «негативное» и «новое» как «позитивное».

Революционные события, происходящие в период января-февраля 2011 года, Б. Обама характеризует как «поворот колеса истории ошеломляющими темпами» / «*over the last few weeks, the wheel of history turned at a blinding pace*» [February 11, 2011]. «*The wheel*» / «колесо», согласно словарю В.К. Мюллера [6], может трактоваться как «колесо фортуны», «счастье / удача». Фактически здесь подразумевается и исход из замкнутого круга, и невероятная удача, и смена руководства, и быстрый шаг к развитию, свидетелями которых является Египетское молодое сообщество, т.к. вся ситуация в целом именуется президентом США «началом новой главы в истории» / «*borne witness to the beginning of a new chapter in the history*» [February 01, 2011] и «шагом вперед» / «*a pathway forward*» [February 04, 2011]. Обама часто использует глаголы движения (*to move, to change, to connect, to transform, to transit*), которые, по своей сути, эквивалентны метафоре «поворот колеса истории»: процесс перехода, трансформации – «*a orderly transition process that begins right now*», «*through thousands of years, Egypt has known many moments of transformation*», «человеческая цепь соединяет древнюю цивилизацию и обещания нового дня» / «*a human chain connecting a great and ancient civilization to the promise of a new day*», что объединяет концепты «мир» = «человечество» и «поворот колеса истории» как символ движения вперед, к «новому». Что интересно, сама революция, обозначенная как «поворот колеса истории», наделена в дискурсе президента положительными коннотациями, и это находит отражение в чувстве «сопереживания», передающегося, например, такой фразой, как «американский народ тронут этими событиями» / «*the American people are moved by these scenes*» и др.

Необходимо также заметить, что метафорика концепта «колесо истории» носит двойственный характер – с одной стороны, это рассмотрение революционных событий через призму позитивных изменений, берущих свои корни в глубокой и славной истории. Здесь четко прослеживаются аллюзии к библейским сюжетам об «Исходе Египетском» / «*a orderly transition process that begins right now*» [February 04, 2011]. Но, с другой стороны, этот переход осуществляется путем избавления от «оков прошлого» / «*going back to the old ways is not going to work*» [February 04, 2011], традиционности, как основы

сильного Египетского государства. Рассмотрим эту идею подробнее.

2) Концепт **«Египтяне – библейский народ»** является известной аллюзией на библейские сюжеты. Выступления Барака Обамы 2011 года в Египте богаты аллюзиями на историческую значимость Египетского государства и его народа. Б. Обама говорит о жителях Египта как о народе египетском / **«The people of Egypt»** [January 28, 2011], [February 04, 2011], [February 11, 2011] (не *Egyptians*, не *Egyptian people*), а также использует выражения, акцентирующие внимание на величии египтян – **«the greatness of the Egyptian people»**, как жителей и создателей могучей и древней цивилизации – **«a great and ancient civilization»**, **«the Egyptian people want a future that befits the heirs to a great and ancient civilization»**, которые способны самостоятельно решать и определять свое будущее – **«the Egyptian people can shape the future that they deserve»**, **«only the Egyptian people can do that»**, **«you will determine your own destiny»**, **«questions about Egypt future remain unanswered but the people of Egypt will find those answers»**, и др.

Важным аспектом человеческой коммуникации является феномен конгруэнтности, когда речь, наделенная когнитивными символами адресанта, способна вызывать схожие когнитивные символы у адресата помимо его воли. Например, аллюзии к негативному библейскому сюжету о «голоде египетском», через метафору **«hunger for change»** / **«изголодаться по переменам»** или **«жаждать перемен»** [February 11, 2011], в дискурсе Б. Обамы обретают положительные коннотации. Сходные коннотации приобретает и аллюзия на «Египетский исход» / **«Egypt's transition»** [February 11, 2011] – в дискурсе президента библейская кризисная ситуация и выход из нее на встречу лучшему будущему рассматривается через призму заслуг народа египетского, а никак не еврейского населения Египта, описанного в Ветхом Завете.

Сходная риторика наблюдалась и в речах 2009 года – Б. Обама называет Египет колыбелью «цивилизации» / **«the cradle of civilization»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar], где гармонично соединились прогресс и традиция / **«the harmony between tradition and progress»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Казалось бы, Египет рассматривается как воплощение идеального, величественного государства. Однако, как отмечает президент Обама в своей речи, в идеальном государстве не должно быть противостояния между традицией и развитием – **«need not be contradictions between development and tradition»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Обама отмечает, что мусульманские общины всегда стоят оппозиционно по отношению к инновациям и образованию / **«In ancient**

times and in our times, Muslim communities have been at the forefront of innovation and education» [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Из этого следует следующий концепт «Демократия» = «Прогресс».

3) Концепт **«Демократия» = «Прогресс»** относится также к ориентационным метафорам.

На примерах из речи президента Обамы можно выявить важную имплицитно выраженную логику. Оппозиция мусульманских общин к инновациям и их традиционность завуалировано преподносится как концепт **«традиция» = «регресс»**, подавление идей / **«suppressing ideas»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Сложно назвать США страной с фундаментальным традиционнокультурным слоем. Б. Обама в речи от 4 июня 2009 года открыто говорит о том, что Америка родилась в результате борьбы против империи, что фактически означает – против устоев и традиций (**«We were born out of revolution against an empire»**) [June 4, 2009 / Al-Ahzar]. Но при этом, столь же сложно отрицать высокое техническое и социальное развитие американского общества. Демократия преподносится Б. Обамой не как политическая система, а как свобода жить в согласии со своими жизненными потребностями / **«the freedom to live as you choose»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar], а также демократия это – «вера в других людей» / **«it's a faith in other people»**, «помощь людям жить своими мечтами» / **«helps people live their dreams»**, «образование и инновации как главная валюта 21 века» / **«education and innovation will be the currency of the 21st century»** и др. Президент США фактически говорит о демократии как о «мечте о возможностях» / **«the dream of opportunity»** – «многое было сделано, чтобы дать возможность афро-американцу с именем Барак Хуссейн Обама стать президентом» / **«much has been made of the fact that an African-American with the name Barack Hussein Obama could be elected President»** [June 4, 2009 / Al-Ahzar], а также представляет США как величайший источник прогресса – **«the United States has been one of the greatest sources of progress»**, основанного на зове разума, сердца и души – **«based upon the persuasion of the mind and the heart and the soul»** и т.д.

Безусловно, в ситуации жесткой безработицы среди молодого образованного населения Египта понятие «демократии» нашло отклик в сознании под концептом **«демократия» = «возможности»**.

В революционном дискурсе января-февраля 2011 года заявления 2009 года также получили свое отражение. Демократия, кроме вышеперечисленных концептуальных метафор, приняла одушевленное значение «опекун». Опекун помогает развиваться, заботится, направляет – все эти имплицитные значения находят отражение

в речах Б. Обамы: *«genuine democracy will carry the day»*, [February 11, 2011], *«greater freedom and greater opportunity and justice for the Egyptian people»*, *«all those who believe in the inevitability of human freedom»*, *«the right to peaceful assembly and association, the right to free speech, and the ability to determine their own destiny»* и т.д. Яркой иллюстрацией также служит пример, когда Б. Обама говорит от первого лица, показывая отношение египтян к этим событиям – *«we saw a young Egyptian say, «For the first time in my life, I really count. My voice is heard. Even though I'm only one person, this is the way real democracy works»»*, т.е. фактически президент США демонстрирует слушателям мнение от лица самого египетского народа о демократии как о явлении положительном (*«My voice is heard»*), и о традиции как о явлении отрицательном (*«For the first time in my life, I really count»*).

Важным моментом здесь является то, что в выступлениях 2011 года Обама говорит о временном континууме ситуации, употребляя концепт «будущее» – «ваше будущее в ваших руках» / *«Egypt has changed, and its future is in the hands of the people»*, [February 10, 2011], а также: «будущее Египта будет определено только египтянами» / *«the future of Egypt will be determined by the Egyptian people»*, «изменения, которые приведут к будущему» / *«change that leads to a future»*, «светлое будущее» / *«a bright future»*, «будущее, которое является более справедливым, более свободным, более надежным» / *«a future that is more just, more free, and more hopeful»*, «будущее, где все египетское общество воспользуется этой возможностью» / *«a future where all of Egyptian society seizes that opportunity»*, «те, кто стоит за лучшее будущее» / *«those who stand up for a better future»* и др. Согласно Дж. Лакофф, «будущее» является одной из имплицитных категорий, которые определяют прогрессивную культуру, прогрессивную форму правления, дают начало всем прогрессивным политическим курсам [13, с. 32-35], а потому демократия преподносится Б. Обамой исключительно как часть заветного позитивного будущего, которого так жаждала бунтующая молодежь Египта: *«this moment of turmoil turn into a moment of opportunity»* / «этот момент потрясений превратится в момент возможностей», *«concrete and unequivocal path toward genuine democracy»* / «конкретный и однозначный путь к подлинной демократии».

Таким образом, невзирая на кровопролития настоящего, президент акцентирует внимание на концептосфере будущего, противопоставляя его прошлому, а потому традиционности и регрессу. Фактически, теперь Б. Обама обращается к Египту не в противопоставлении Западу, как это было в речах 2009 года, а как к части своего

общества. Метафора «мы слышим ваши голоса» / *«We hear your voices»* [February 01, 2011], очень часто звучала в выступлениях Обамы в 2011 году. Так осуществляется перенос значений на общее пространство, т.к. голос кого-либо можно услышать только в определенном радиусе общей территории, общего языка. В целом, можно включить эти преобразования в концепт «Америка» = «Друг».

5) Концепт «Америка» = «Друг».

Несмотря на значительное количество войн и конфликтов, которые разгорались по инициативе США, это государство всегда позиционировало себя как партнер и друг. В случае с революцией в Египте в январе-феврале 2011 года, Америка и Демократия выступают через концепт «Герой», который ведет к «светлому будущему» = к «прогрессу». Когнитивная метафора, основанная на концептах «Герой» и «Друг», способна апеллировать к важным социальным потребностям молодых людей – иметь поддержку и единомышленников. В 2009 году Б. Обама говорил об общих проблемах, которые должны быть разрешены через партнерские и дружеские отношения / *«with the partnership of countries like Egypt, we think we can make progress»* [June 4, 2009 / Quba Palace], *«Our problems must be dealt with through partnership»* [August 18, 2009], *«all these things must be done in partnership»*, *«and so these are the kinds of partnerships that we want to continue to build»* и др. Но в силу различия политических, социальных и культурных систем Египта и США, концепт «мир» = «человечество» получает различные коннотации. Традиционное общество не может рассматриваться через общее в силу своей культурной самобытности, а потому изолированности. Б. Обама взывает к партнерству через концепт «мир» = «все человечество», тем самым акцентируя внимание на тех колоссальных различиях между государствами, которые существовали на тот момент. Естественно концептуальная метафора «Америка» = «Друг» могла стать реальностью для Египта, согласно вышеперечисленным логикам президента, только через изменения внутри традиционной закрытой системы.

В 2011 году переход осуществился, и базовый метафорический концепт *«America as a Hero»*, в полной мере вошел в сознание молодого населения Египта: «если они продолжат делать то, что делают, то найдут сильного друга и партнера в лице США» / *«as they do, they will continue to have a strong friend and partner in the United States of America»* [February 04, 2011], *«in these difficult times, I know that the Egyptian people will persevere, and they must know that they will continue to have a friend in the United States of America»*, *«a great country, and a long-time partner of the*

United States», «*the United States will continue to stand up for the rights of the Egyptian people*» и т.д.

В заключение отметим, что обнаруженные нами концептуальные метафоры, преобладающие в выступлениях президента Барака Обамы за указанные периоды, в полной мере отражают цели политики США. Сопоставительный анализ речей 2009 года и выступлений за январь-февраль 2011 года показал, что в дискурсе президента США доминируют общие метафорические концепты, которые вместе образуют общий когнитивный пласт концептов, логически связывающий указанные выступления 2009 и 2011 года между собой. Концепты, а также когнитивные метафоры и аллюзии, за счет которых, по нашему мнению, осуществляется политическое воздействие, обладают общим стратегическим интерфейсом, который выражен через концептуальные метафоры «America as a Hero», «мир» = «все человечество», «демократия» = «прогресс» и «традиция» = «регресс». Оппозиция базовых концептов «демократия» и «традиция», прослеживается во всех рассмотренных речах президента. Это позволяет нам говорить о внедрении в сознание аудитории негативных коннотаций относительно вековой, сложившейся культуры как причине регресса. Процесс внедрения негативных коннотаций концепта «традиция» базируется и на позиционировании «мира» как «все человечество». Концепт «мир» = «все человечество» апеллирует к приобщению Египта к стремительному прогрессу, который, однако, наблюдается лишь в передовых демократических государствах, таких как США. Таким образом, позитивный концепт «мир» = «все человечество», в реальности приобретает негативное значение. Б. Обама, безусловно, не отвергает культурные традиции как таковые, но, фактически, имплицитно отсеивает все те общества, которые являются носителями вековой политической традиции внутри собственного сознания. Молодому поколению вполне естественно стремиться к прогрессу, а потому и к преодолению всего того, что этому мешает. Следовательно, концепты, использованные президентом США в 2009 году, имплицитно вошли в поток объективной информации, а потому стали достоянием сознания молодого поколения Египта. События на Ближнем Востоке 2011 года являются ярким подтверждением того, как осуществляется манипуляция сознанием посредством употребления выверенных когнитивных концептов в политическом дискурсе. Таким образом, грамотно и целенаправленно употребленные когнитивные метафоры могут имплицитно влиять на процесс формирования необходимой

реакции, мнения, действия, ситуации в целом. Когнитивная метафора позволяет использовать наименьшие ресурсы для получения максимального эффекта воздействия на людей. Когнитивная сила метафоры часто используется при решении проблемных ситуаций: чем ближе кризисная ситуация, тем более насыщенной когнитивными концептами становится речь политиков, а свой смысл (наполнение идеологическими символами) выражения обретают исключительно внутри тех или иных идеологических отношений и являются результатом борьбы за власть, что мы и попытались доказать на примере сопоставительного анализа употребления концептуальных метафор в речах президента США Б.Обамы за 2009 и 2011 годы.

Примечания

1. June 4, 2009 Remarks by President Obama and President Hosni Mubarak of Egypt before Bilateral Meeting, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-president-hosni-mubarak-egypt-bilateral-meeting-6-4-09> (дата обращения: 17.01.2012).
2. June 4, 2009 Remarks by The President on a New Beginning, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (дата обращения: 20.01.2012).
3. August 18, 2009 Remarks by President Obama and President Mubarak of Egypt During Press Availability, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-president-mubarak-egypt-during-press-availability> (дата обращения: 20.01.2012).
4. January 28, 2011 Remarks by the President on the Situation in Egypt, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/28/remarks-president-situation-egypt> (дата обращения: 27.01.2012).
5. February 01, 2011 Remarks by the President on the Situation in Egypt, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/01/remarks-president-situation-egypt> (дата обращения: 17.01.2012).
7. February 10, 2011 Statement of President Barack Obama on Egypt, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/10/statement-president-barack-obama-egypt> (дата обращения: 25.01.2012).
8. February 11, 2011 Remarks by the President on Egypt, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/11/remarks-president-egypt> (дата обращения: 25.01.2012).
9. February 04, 2011 Remarks by President Obama and Prime Minister Stephen Harper of Canada in Joint Press Availability / Obama Briefing with Canada's Harper, Comments on Egypt, 2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/04/remarks-president-obama-and-prime-minister-stephen-harper-canada-joint-p> (дата обращения: 25.01.2012).

10. Агафонова А.А. Метаморфозы бунта 60-х и их влияние на развитие науки / *Фундаментальные науки – специалисту нового века: тезисы докладов VIII региональной студенческой конференции с международным участием*. Т. 2. Иваново, 19-21 апреля. 2010. Иваново: ИГХТУ, 2010. С. 55.
 13. Глагол «*to share*» является многозначным, и согласно словарю [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners International Student Edition. Oxford, 2002] может употребляться в значении «делать что-то в согласии с кем-либо» / «*to do something or to be responsible for something with someone else*», «иметь одинаковое мнение или чувства с кем-то еще» / «*to have the same opinion or feeling as someone else*» и др.
- Список использованной литературы**
1. Блэк М. Метафора // *Теория метафоры*. М., 1990.
 2. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения*. Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
 3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
 4. Керимов Р. Д. Функции концептуальной метафоры в немецком политическом дискурсе // *Грамматика. Семантика. Концептология: сборник научных трудов*. // Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово, 2005.
 5. Мамед-заде П. Египет: демографическая «бомба» тикает все слышнее // *Эхо планеты*. 2008. № 29, 30.
 6. Мюллер В.К. *Англо-русский словарь*. М., 2003.
 7. Пименова М.В. *Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека*. Кемерово, 1999.
 8. Спиридовский О.В. *Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Воронеж, 2006.
 9. Чудинов А.П. *Политическая лингвистика*. М., 2006. 256 с.
 10. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. С. 36.
 11. Шейнов В.П. *Пиар «белый» и «чёрный»: технология скрытого управления людьми*. М., 2005.
 12. Эриксон Э. *Детство и Общество*. Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Пер. Алексеева А.А. СПб., 2002.
 13. Lakoff G. Framing the Dems: How conservatives control political debate and how progressives can take it back. *The American Prospect*. 2003. № 14(8).
 14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live*. Chicago, 1980.
 15. Mihas E. Non-Literal Language in Political Discourse. *LSO Working Papers Linguistics 5: Proceedings of WIGL*. University of Wisconsin Milwaukee, 2005.

Статья поступила 07.02.2012

Принята в печать 21.02.2012

К.М. Денисов

СЛОВАРЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ЯЗЫКОВОЕ И МЕТАЯЗЫКОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Ивановский государственный университет
Email: bondin5@yahoo.com

В статье рассматривается инновационный проект словаря фонетических терминов, направленного на формирование, развитие и совершенствование языковых и метаязыковых компетенций потенциальных пользователей. Одной из главных целей создания данного справочника является повышение эффективности владения иноязычной звучащей речью.

Ключевые слова: словарь фонетических терминов, терминологическая система, пользователь, уровень языковой компетентности.

В настоящее время наблюдается рост интереса к терминологической компетенции в сфере лингвистики на совершенно ином, более высоком уровне познания. Этому весьма способствует небывалый расцвет лексикографии как самостоятельной науки в нашей стране и за ее пределами. Представления автора о принципах построения когнитивной и обучающей модели информативного терминологического справочника для широкого круга специалистов формировались в русле дискуссии ведущих отечественных и зарубежных лексикографов, терминоведов и лингвистов, занимающихся теорией и практикой LSP лексикографии. Основными причиной обращения к этой проблеме явилось отсутствие каких-либо стандартов в сфере фонетической терминологии и, как следствие этого, произвольный и непоследовательный, а значит, во многом несистемный характер отбора, трактовки и презентации входных единиц в соответствующих словарях.

В последнее время лексикографы ясно осознали, что удовлетворенность пользователей словарным продуктом зависит не только от качества словарного продукта, но и от умения читателя выбрать словарь и пользоваться им, а также от реалистичности ожиданий читателей. «Систематическое обучение студентов пользованию словарями пока не получило широкого распространения, а сами пользователи словарей нередко убеждены, что знания алфавита достаточно для работы с любым словарным продуктом. В целом приходится констатировать, что лексико-

графическая компетенция пользователей пока находится на невысоком уровне» [1, с. 135].

В этой связи перед лексикографами стоит ряд актуальных задач. С одной стороны – это разработка методов регистрации и учета зачастую быстро меняющихся нужд и требований читателя, а с другой стороны – это поиск прямых и косвенных путей просветительского воздействия на того же читателя с целью осознания им собственной познавательно-исследовательской мотивации и развития его лексикографической компетенции.

В своем монографическом труде, значительная часть которого посвящена проблематике социологического направления в современной лексикографии, И.С. Кудашев диагностирует пробелы в знаниях пользователей словарей:

- неосведомленность в том, какие есть словари, зачем они составлены, как ориентироваться в их богатстве и специализации;
- нереалистичность ожиданий, непонимание естественных ограничений словаря и антиномий лексикографии;
- отношение к словарю только как к арбитру, непонимание того, что словари выполняют не только нормативную функцию;
- отождествление языка и словаря;
- неправильное понимание лексикографических конвенций – помет, сокращений и т.д.;
- непонимание и неприятие инновационных решений лексикографов.

Автор предлагает следующий список умений, необходимых для формирования лекси-

кографической компетенции у пользователей большинства словарей:

- умение локализовать языковую проблему в контексте и при необходимости разбить ее на части;

- умение выбрать наиболее подходящий словарь или словари;

- умение привести отрезок текста в каноническую форму (или иную форму, принятую в словаре);

- умение определить, в каком томе и в какой части словаря следует искать нужную единицу;

- умение найти опорное слово для многокомпонентной единицы;

- умение найти нужную словарную статью;

- умение найти нужную единицу в теле статьи;

- умение извлечь необходимую информацию;

- умение интегрировать найденную единицу в текст [Там же, с. 135-136].

Понятие «перспектива пользователя» расширяет свои границы в отношении как к процессу создания новых и совершенствования уже существующих словарей, так и к процессу их утилитарного оборота. Должен развиваться сам словарь. Его архитектура вынуждена становиться более и более инновационной, привлекательной, комфортной, доступной, понятной и *перспективной* для читателя.

В связи со сказанным, становится актуальной необходимость исследовательского диалога с заинтересованными группами читателей посредством опроса этих групп в виде анкет и интервью, а также при помощи постоянного мониторинга и тестирования их действий, связанных с использованием справочной литературы. Отметим, прежде всего, важность этого диалога для самих лексикографов, для преодоления некоторой замкнутости их творческого пространства. Содержание самих инструментов опроса и мониторинга должно носить оценочную направленность, то есть выявлять параметры и условия использования того или иного справочника, уровень и степень владения навыками словарного чтения и т.п.

Эмпирические исследования прагматики словарного пользования и процесса *словарного обсуждения* (actual dictionary consultation) следует принимать за точку отсчета при создании и совершенствовании всей лексикографической продукции [4, с. 390]. Величина коэффициента потребительской перспективности каждого отдельного словаря зависит, по всей видимости, от функциональной состоятельности справочника, то есть степени того, насколько эффективно словарь справляется с поставленной прагматической задачей в различных условиях использования. Исходя из сказанного, следует предположить, что надлежащее структурное оформление и высокая полиграфическая репрезентативность

словаря являются производными от параметров его функциональности.

Информация, содержащаяся в мегаструктуре, макроструктуре и в микроструктуре терминологического словаря, интересна всем, начиная с эксперта в данной отрасли, заканчивая студентом, постигающим азы профессионального знания. По мнению Х.К. Миккельсена, вертикальное чтение макроструктуры словаря дает представление о когерентных связях системы понятий через взаимодействие ее лексических презентантов, а горизонтальное чтение концентрирует внимание пользователя на семантике и прагматике индивидуального термина, открывая ему возможность понимания текстов сотканых из компонентов специального языка-основы [6, с. 100].

Современные тенденции развития лексикографии указывают на необходимость создания LSP справочников нового поколения, которые представляют собой:

- 1) удобные и подробные навигационные инструменты в понятийном поле описываемой отрасли знания;

- 2) средства обучения владению метаязыком этой отрасли;

- 3) компактные и информационно достоверные специализированные учебные пособия для подготовки и совершенствования специалистов в данной отрасли.

Словарь фонетических терминов нового поколения (СФТ) отражает уровень развития и особенности фонетической понятийной системы, обладающей особым уровнем абстракции и сложности, что, в свою очередь, свидетельствует об особенностях самой предметной области знания.

Внешняя логико-понятийная схема фонетики выходит за рамки лингвистики, в которых остаются такие родственные ей дисциплины, как *фоносемантика* и *фоностилистика*. За последние три десятилетия наблюдается бурный рост таких междисциплинарных отраслей, как *социолингвистика* (и *социофонетика*, соответственно), *психолингвистика*, *математическая лингвистика* и других. Аспектуальный дуализм фонетики приводит ее к контактам со многими точными и гуманитарными науками. Фонетика востребована в ряде технологических областей, связанных с коммуникацией. *Экспериментальная фонетика* предполагает использование сложной звукоанализирующей и синтезирующей аппаратуры, построенной на базовых характеристиках человеческой речи. Проблема восприятия и порождения речи исследуется фонетистами совместно с психологами, физиологами, логопедами и неврологами. Математики, акустики и инженеры сотрудничают с фонетистами при создании и совершенствовании аппаратуры автоматического

распознавания и воспроизведения речевого сигнала. Создаются устройства автоматизированного перевода речи в печатный текст.

Изучение фонетики имеет образовательное и культурное значение для каждого, кто осознает важность полноценного владения языком и качественного уровня межличностного общения. Основным тезисом теории коммуникации является то, что звучащая речь, как первичная форма существования языка, – это неотъемлемая часть социума. Фонетика, таким образом, проникает во многие социальные сферы и, в свою очередь, не может обходиться без исследования социальных факторов общения. Лексикографическое описание предметной области фонетики в деталях наряду с логико-концептуальным моделированием ее понятийной сферы облегчает установление базовых системных связей в отражающей ее терминологии. Какие же композиционные инновации, привнесенные в структуру словаря фонетической терминологии, могут способствовать приближению фонетического знания к заинтересованному пользователю?

Выбор языков описания терминосистем универсального словаря фонетических терминов должен проводиться по билингвализованному сценарию. Это означает обязательное присутствие английского языка во всех ключевых компонентах его структуры при сохранении примата национального языка для целевой аудитории пользователей (в нашем случае – русского). «Естественной является направленность словаря от иностранного к родному для составителя языку, поскольку, в этом случае, составителю легче подобрать точное соответствие для термина в родном языке, чем в иностранном, не говоря уже о тех случаях, когда приходится создавать искусственные соответствия» [1, с. 76].

Лингводидактические установки выдвигают довольно жесткие требования к структуре словаря, который призван сочетать в себе энциклопедическую многосторонность описания и лаконичность позиционирования каждой входной единицы (ВЕ). Таким образом, словарная статья (*микроструктура словаря*) в СФТ должна содержать *входную единицу, дефиницию, уточнение определения, поле определяемого понятия, справку о происхождении и статусе ВЕ, оценку значимости термина, модель управления, данные о лексической сочетаемости, парадигматику, список источников и корпусных цитат*. Разберем лишь те пункты, которые практически не встречаются или освещены недостаточно в общеизвестных фонетических справочниках.

Уточнение определения происходит путем детального разъяснения сущности терминов, используемых в дефиниции (либо путем конкретизации их смысла, либо установления их связи с другими

терминами в словаре). Возможен также путь представления краткой методологической справки об использовании определяемого понятия в практике лингвистического анализа [2, с. 28].

Поле определяемого понятия (когнитивный аспект) комментирует вхождение данного понятия в состав более крупных (объемных) понятий, определяемых через него, равно как и взаимосвязи между собственными компонентами этого понятия. Обосновывается появление и введение того или иного определяемого в словаре понятия в концептуальной сфере фонетики и логико-понятийной системе ее соответствующего раздела. Приводятся ссылки на тестирование параметров надежности и обоснованности применения определяемого понятия в связи с фонетико-фонологическими сущностями, отраженными в нем (кваликативный и квантитативный подходы).

Справка о происхождении и статусе ВЕ содержит, прежде всего, указание на языковое или научное происхождение термина, а именно, композиционное объяснение внутренней формы иноязычного термина. Авторизованные термины, (созданные определенным направлением в фонетике, либо фонетической школой, либо автором), снабжаются соответствующей аттестационной справкой. Таким образом, создается краткий уточняющий теоретико-лингвистический контекст истории возникновения, развития и современного использования термина, резко снижающий возможность неверного позиционирования термина в системе фонетического знания и толкования прагматической сущности ВЕ в сфере специализированного дискурса.

Оценка значимости термина является, на наш взгляд, важным требованием к термину как входной единице словаря. Этот критерий включает оценку термина по всем уже приведенным в статье прагматическим параметрам специального наименования (внедренность, интернациональность, благозвучность и т.п.). Возрастает актуальность эмпирических исследований прагматики словарного пользования и результатов процесса *словарного обсуждения (actual dictionary consultation)*, которые следует принимать за точку отсчета при создании и совершенствовании всей лексикографической продукции. Представляется, что подобная оценка должна стать обязательным критерием при отборе и обработке ВЕ в терминологических словарях нового поколения, особенно в СФТ. Соответствующая справка, основанная на данных качественного (специальные наблюдения, экспертная оценка) и количественного (опросы, анкетирование пользователей, эксперимент) анализа, поможет представить не только прагматическую ценность термина в настоящее время, но и в определенной степени спрогнозировать его использование в будущем.

Модель управления представляет собой данные о семантической и синтаксической сочетаемости определяемого термина [5, с. 20]. К примеру, термин *system* (a well organized set) требует в английском языке либо предложной фразы с *of* + существительного во множественном числе, либо соответствующего отыменного прилагательного: *system of phonemes* (=phonemic system). Выражение * *system of a language*, таким образом, является фразой плохо составленной и лишенной смысла.

Данные о лексической сочетаемости определяемой ВЕ, проявляются через набор слов и сочетаний слов, фразеоматически связанных с ним и исполняющих в связи или в соположении с этой единицей некую специфическую смыслообразующую роль. К примеру, для *фонемы* характерно наличие (набор) аллофонов, в то время как аллофоны принадлежат фонеме; для аллофона свойственно предлагать свою фонему в определенных условиях: позиции (в слове, относительно словесного ударения), окружении и т.д.

Парадигматика термина рассматривается в трех аспектах отношений между терминами:

а) синонимические термины, перечисляемые в статье для упрощения сравнения сосуществующих терминосистем, хотя, предлагаемая модель словаря, направленная на дифференциацию, унификацию и стандартизацию существующей терминологии, дает обоснованное разрешение для одного лишь термина;

в) антонимические термины, обозначающие противоположные понятия;

с) гипонимические термины, обозначающие ближайшие по ассоциации понятия.

Список источников и корпусных цитат, как правило, является формально факультативным критерием словарей фонетической терминологии. Тем не менее, этот пункт напрямую связан с авторизацией происхождения и статусом определяемого термина и, поэтому, включение его в СФТ совершенно необходимо. Остается открытым вопрос о количественном соотношении и сочетаемости первичных и вторичных источников навигационной информации в словарях лингвистической терминологии [2, с. 30]. Возможно, при наличии первичных источников или сохранении их актуальности, необходимость в подтверждении статуса и смысла термина вторичные источники излишни.

Идеология нового словаря фонетических терминов предлагает следующие подходы к *макроструктуре*, то есть вертикальной аранжировке центральной части СФТ – словаря. Во-первых, словарь должен содержать самостоятельные разделы в соответствии с видами фонетики как автономными аспектами терминологического поля. Это позволит избежать пере-

груженности каждой отдельной горизонтальной терминологической статьи информацией об аспектной атрибуции термина. Во-вторых, построение словаря каждого отдельного раздела следует произвести в алфавитном порядке.

С одной стороны, алфавитный принцип построения макроструктуры специального словаря более удобен для осуществления многих прагматических задач, в частности, чтения, толкования или перевода специальных текстов. С другой стороны, структура словарного тела СФТ, построенная по этому принципу, станет менее информативной и менее системно стабильной, чем классическая в LSP терминологии структура системно-гнездового позиционирования, допускающая возможное проникновение в дефинитивную часть микроструктуры словаря «вирусов» полисемии и омонимии. На наш взгляд, этого можно избежать в том случае, если произвести аспектную специализацию макроструктуры, то есть разбиение словаря на самостоятельные разделы и подразделы в соответствии с аспектным делением фонетической концептосферы. В связи с этим, самым большим вызовом является создание словаря фонетических терминов, сочетающего показатель систематизированного информирования пользователя с высокими показателями функциональной эффективности.

Мегаструктура включает в себя обобщающую информацию о словаре, авторах, соавторах и источниках его создания. Традиционных элементами мегаструктуры, как известно, являются такие как: списки условных обозначений и сокращений, таблицы применяемой транскрипции и нотации, пояснительная записка, содержащая краткие комментарии методологии создания и пользования словарем, библиография и т.п. Вводная часть должна необходимо содержать детальное, ясное и, в то же время, компактное вербальное и графическое представление логико-понятийной системы описываемой терминологической области фонетики, демонстрирующее взаимодействие ее автономных частей и связи со смежными научными дисциплинами.

Примеры фонетических явлений представляют собой, пожалуй, самый трудоемкий и непростой в техническом плане пункт словарной статьи и словаря фонетической терминологии в целом, поэтому позволим остановиться на этом пункте подробнее. Представление столь многомерного и нелинейного ландшафта, как фонетическая концептосфера нельзя, по-видимому, ограничить лишь печатным невербальным семиотическим форматом [7, с. 19]. В рамках последнего находится целый арсенал средств, активно используемых или ожидающих своего использования в фонетической терминологии: рисунки, фотографии, символы, формулы, транскрипция,

графические фигуры, рентгенограммы, спектрограммы и т.п. Тем не менее, поскольку фонетика оперирует звучащим материалом, то для создания полноценного справочника по этой дисциплине совершенно необходимо полноценное звуковое приложение, созданное в лабораторных и полевых условиях при участии носителей описываемых языков и диалектов и помещенное на современные цифровые носители информации.

Примеры звучащей речи в качестве приложения к СФТ вместе с содержательной стороной самого справочника отражают универсальную трехуровневую модель изучения языка, актуальность которой многократно возрастает при обращении к проблеме усвоения иностранного языка. Известно, что овладение иноязычной звучащей речью представляется, пожалуй, самой основной и трудной компетенцией для человека, не являющегося носителем этого языка.

Преподаватели английского языка постоянно задаются вопросом о закономерностях выбора языковых форм и пределах этой языковой компетенции, констатируя наличие некоего «коридора» колебаний производимых норм, в пределах которого сохраняется единство и идентичность языка в процессе его постоянного развития.

Данные отклонения, тем не менее, не носят характера искажений у тех лиц, для которых рассматриваемый язык является родным (*внутренний круг пользователей*), но являются девиантными в речи представителей так называемого *внешнего круга пользователей*, то есть изучающих этот язык как иностранный. Как отмечает Д. Престон [8], исследования рамок вариативности английского языка уже достаточно долгое время и плодотворно ведутся по трем направлениям: взаимовлияние социальных факторов и лингвистических форм; взаимодействие собственно языковых форм и варьирование языковых форм в процессе развития языка. Назовем, вслед за Д. Престоном, эти три исследовательских объекта *тремя уровнями компетентности* и кратко рассмотрим их содержание.

На первом уровне исследования языка социокультурные факты и языковые формы приходят в непосредственное соприкосновение друг с другом. В результате контекстуализации коммуникативной интенции, подразумевающей обработку всей коммуникативно-прагматической информации, включающей информацию о собеседнике, говорящий обращается к языковым средствам реализации замысла общения. На первом уровне выбор приемлемой языковой формы определяется критерием социокультурного предпочтения. В этом случае реализуется так называемая *вариативная компетентность* говорящего (*variable linguistic competence*) посредством выбора одной, приемлемой для него, в силу этой компетентно-

сти, языковой формы для органичного воплощения конкретной коммуникативной задачи в предлагаемом социокультурном поле.

Иллюстрацией этому может послужить феномен наложения различных интонационных контуров на один и тот же вербальный контекст. Если, к примеру, произнесение фразы *Peter is having tea* отмечено постепенно нисходящей шкалой в сочетании с низким финальным падением тона – это ни что иное как констатация факта, но стоит поменять направление шкалы и диапазон терминального тона, сразу появляются нотки противопоставления – *Peter is having tea, but all the rest prefer coffee*. Замена же тембра на шепотную речь сигнализирует о предупреждении – *Peter is having tea. Don't bother him* – и так далее.

Отбор *лингвистических переменных* (*linguistic variables*) актуализируемой языковой формулы может быть более сложным, когда задействован целый комплекс языковых средств различных уровней языковой системы. Этот процесс порождает *стилистическую вариативность*. На первом уровне вариативной компетентности говорящие оперируют двумя или более языковыми формами из арсенала собственной *лингвистической компетентности*. Выбор в каждом конкретном случае одной из них напрямую зависит от уровня социокультурной компетентности говорящих и в достаточной степени определяется им.

Второй уровень компетентностного анализа, как уже отмечалось, включает влияние собственно языковых факторов друг на друга. Социокультурная сфера вовсе не порождает языкового разнообразия, а лишь использует потенциал, созданный в собственно лингвистическом поле (такие, к примеру, фонетические явления, как *редукция, ассимиляция, морфемный шов, пограничные сигналы* и т.п.).

Вариантные *модуляции лингвистической компетентности* не разрушают структурного единства языка, а являются адаптивными моделями его функционирования в различных условиях и в разнообразном окружении. Основным фактором «почкования» и роста числа вариантов и подвариантов языка является потенциал языковой системы. *Вариативная дисперсия* языка в различных пространствах (временном, физическом, географическом, социальном, психологическом) сохраняет причинно-следственную связь с источником распространения, а механизм расширения узального гиперфрейма может быть до конца понят только через постижение внутренней логики становления и развития его собственного строя.

На третьем уровне языковой компетентности язык предстает в развитии. Парадигмы лингвистических изменений соотносятся как с социокультурными или центробежными

(Уровень I), так и с внутрilingвистическими или центростремительными (Уровень II) силами. При этом задача третьего уровня, как представляется, состоит в том, чтобы снять избыточную имманентность в подходах к сущности языка и способах его преподавания. С психолингвистической точки зрения третий уровень вариативности использует понятие *слабых зон в использовании языка* (weaker areas of the grammar или weaker grammars). Хомский и Грегг отмечают, что слабые зоны – это по сути свидетельства неуверенности говорящего в соответствии своих речевых форм критериям естественности и истинности как основам *речевой компетентности* [3, с. 368].

Д. Престон вводит в оборот рассуждений о третьем уровне вариативности понятия *вернакулярного* (vernacular) и *поствернакулярного* (postvernacular) знания языка. Он заявляет, что естественной, первичной и до конца истинной формулой языка для его носителей является вернакулярная, которая вырабатывается с раннего детства в общении с родителями, домашними и другими детьми в речевых контекстах, относительно свободных от излишней формализации и клиширования. По мнению исследователя, все, что говорящие постигают в языке в поствернакулярный период, носит сугубо имитационный характер и используется ими как формальный, зачастую иронично воспринимаемый вариант их естественного языка, сосуществует наряду с ним как общепринятая парадигма обобщенной и усредненной коммуникативной реальности [8, с. 149].

Обучение английскому языку как иностранному происходит обычно на имитационно-моделирующей основе и воспроизводит алгоритмы вторичного языкового кода, свободного от огромного количества дополнительной, например, эмоционально-модальной, информации, которая передается только вернакулярным способом. Стратегии языкового поведения, усваиваемые при обучении, не включают тактики внутреннего самоконтроля, который блокируется необходимостью нормативного мониторинга произнесенного или написанного.

Таким образом, иноязычная речь не переходит в стадию идиолекта, а коммуникативные ситуации нешаблонного характера, в которых требуется поддержка со стороны первичной языковой модели, немедленно вызывают интерферирующее влияние родного языка, что приводит к коммуникативным ошибкам и появлению акцента.

В связи с перечисленными причинами перед специалистами встает двуединая задача: первое – это изучение факторов и закономерностей

варьирования в речи представителей внутреннего круга пользователей с учетом вариантной, диалектной, социолектной и иной полифонии в рамках *универсальной грамматики* родного языка (в широком, а не узкоаспектуальном смысле слова); второе – это исследование причин и пределов языковой вариативности в речи представителей внешнего круга пользователей в рамках *специфической грамматики* их дискурса как результата взаимодействия интерферирующих систем родного и неродного языков.

Второй, интерлингвистический аспект задачи, имеет как теоретическую, так и практическую направленность. Целью сравнительно-языковой вариативности является раскрытие механизмов повышения *иноязычной компетенции* у носителей языка. Создание эффективной модели преподавания иностранного языка, учитывающей национальную идентичность обучаемого субъекта, является интересным и трудным вызовом будущего мультикультурного мирового сообщества. Свою неограниченную лепту в это способен, на наш взгляд, внести словарь фонетических терминов нового поколения, билингвализованная лингводидактическая модель которого способна отразить как основные метаязыковые параметры логико-понятийной фонетической сферы, так и основные стадии обретения собственно языковой компетенции.

Список использованной литературы

1. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки, 2007. 443 с.
2. Crystal D. The Linguistic Identity of English-language Dictionaries of Linguistics // *Lexicographica* 13, 1997. P. 17-33.
3. Gregg K.R. The Variable Competence Model of SLA and Why It Isn't // *Applied Linguistics* 11, 1991. P. 364-83.
4. Hartmann R.R.K. European Dictionary Culture // *Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress*. Stuttgart, 2000. P. 385-391.
5. Mel'čuk I.A. *Towards a Language of Linguistics*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1982. 161 p.
6. Mikkelsen H.K. Towards the Ideal Special Language Translation Dictionary // *Hermes* 6. Tübingen, 1991. P. 91-109.
7. Picht H. Knowledge Representation in Terminology // *Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: материалы VI Международной школы-семинара*. Иваново, 2005. С. 15-23.
8. Preston D.R. A Variationist Perspective on Second Language Acquisition: Psycholinguistic Concerns // *Oxford Handbook of Applied Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 141-159.

Статья поступила 22.11.2011

Принята в печать 24.12.2011

Н.В. Горюцкая

ЭРОС И ТАНАТОС В МОРТАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Омский государственный педагогический университет
Email: gorutskaja@mail.ru

В статье рассматриваются причины возникновения интереса к теме смерти в творчестве Валерия Брюсова. Анализ лирических текстов позволяет сделать вывод, что в любовной поэзии Брюсов создает образ роковой женщины - femme fatale, которая ведет лирического героя к гибели. Только тандем Эроса и Танатоса дает поэту возможность проникнуть в тайны бытия.

Ключевые слова: эрос, танатос, смертоносная страсть, хтоническое существо, мортальная лирика.

Первые десятилетия XX века предоставили философам, поэтам и художникам в качестве объекта исследования новый тип человека, жить не желающего и изверившегося в жизненных ценностях [14]. Тема смерти стала своеобразным опознавательным знаком декадентских творений. В чем же коренятся причины столь пессимистического мировосприятия?

Одна из причин кроется в том, что в идейно-эстетическом плане русский символизм при своем зарождении опирался на завоевания европейской литературы, прежде всего французской. Воздействие эстетики «проклятых поэтов» на русскую поэзию особенно ярко чувствуется на первом этапе развития символизма, который австрийский исследователь А. Ханзен – Лёве определил как «бунтарский панэстетизм» или декадентство. Поэты 90-х годов (Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, А. Добролюбов, И. Коневский, В. Брюсов, И. Анненский) считали своими учителями французских символистов – Бодлера, Верлена, Рембо и Малларме, а также великого бельгийца Верхарна. Именно в их творчестве возникла та совершенно новая структура образа, которая определила своеобразие всего символистского движения.

Среди французских писателей, оказавших значительное влияние на русскую литературу рубежа веков, огромное значение имел автор «Цветов зла» – Шарль Бодлер. Американский исследователь русской символистской поэзии А. Ваннер писал, что «бегство из пошлости быта в «искусственный рай» странно-красивых миров,

элитарный индивидуализм, эротизм и «культ зла» казались тогда некоторым авторам, желающим найти новые пути в русской литературе, самыми привлекательными чертами творчества французского поэта» [12, с. 27]. Так К. Бальмонт закликает французского декадента:

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о, маг и чародей,
Чтоб я без ужаса быть мог среди людей!

[1, с. 188].

В поэзии Бодлера видят, прежде всего, ниспровержение морали, раскрепощение страстей и эстетический культ порока. Стихотворение «Падаль» – культ «извращенного и порочного», пристрастие к изображению отталкивающего, отвратительного, ужасного. Здесь поэт ставит под сомнение одну из составляющих категории Добра – Красоту. Во временном пространстве оказываются уравненными красота молодой женщины и разлагающийся труп:

Но вспомните: и вы, сразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим.

И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбное моление,
Добыча гробовых костей.

(перевод В. Левика) [5, с. 65]

«Прекрасное всегда и неизбежно двойственно, хотя произведенное им впечатление одно...», – говорит Бодлер [3, с. 285]. Он не приемлет одно-

значной оценки Красоты как ее принадлежности только миру божественному, миру Добра. Поэт с наслаждением наблюдает превращение «звезды его очей», «страсти его души», его «чистого ангела» в «гниющий труп». Только тлен может освободить возлюбленную от бремени телесности и конечности, присущие жизни, только через смерть она станет достойна его любви и обретет бессмертную красоту:

Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.

(перевод В. Левика) [5, с. 65]

Высший смысл «Падали» заключается в том, что «проведя свою подругу сквозь это своеобразное чистилище, поэт может поместить ее в область прекрасного – царство Смерти» [4, с. 138]. Таким образом, Смерть оказывается в эстетике Бодлера единственным проводником в бесконечность, в область божественного, к которому всеми силами стремиться Бодлер. Танатос выполняет функцию катарсиса.

Этическая позиция Бодлера манифестирует здесь своеобразие. В творчестве он видит возможность воплотить помимо реального мира еще и мир «невозможного», приблизиться к Истине, а значит и к Богу. В рамках художественного пространства Бодлеру оказалось доступно то, чего жизнь предложить не могла – перешагнуть границу Смерти, отгораживающую его от ворот божественного Рая. Г. Косиков считает, что Бодлер сознательно избирает для себя зло как «заманчивый объект исследования», определяя зло, знаящее само себя» – «менее ужасным» и «более близким к выздоровлению, нежели зло, ничего о себе не ведающее» [15, с. 17]. То есть поэт сознательно выбирает для себя Зло, его эстетизацию как единственный способ поставить его на службу Добру. Он продолжает поиски Добра на протяжении всех страниц своего поэтического сборника: свидетельство тому его ранние стихотворения («Воспарение», «Люблю тот век нагой...», «Sed non satiata» и др.). И, несмотря на то, что надежда обрести Истину с каждым новым стихотворением ослабевает, Бодлер идет до конца. Он, как Данте, проходит по спирали все круги Ада, т. е. все глубже погружаясь в недра Зла в надежде приблизиться к Идеалу: «<...> Он бьется в дьявольской сети, // Он шарит, весь опутан тиной, // Он ищет свет в норе змеиной, // Он путь пытается найти //<...>// Метафор много, мысль одна: // То судьбы, коим нет целенья, // И злое дело, нет сомнений, // Умеет делать Сатана <...>» (перевод В. Левика) [5, с. 104]. Но, достигнув окончательного дна, чуда не происходит. «Силовая линия, проходящая сквозь «Цветы Зла», ведет не от «сплина» к «идеалу», а, наоборот,

рот, от «идеала» к «сплину», от Бога – к Сатане» [15, с. 24]. Единственным выходом оказывается Смерть. «Идея смерти, которой завершаются «Цветы Зла», остается для поэта более реальной, чем идея бога» [16, с. 120].

Таким образом, цель Бодлера – сознательный путь к смерти, сознательный отказ от романтических идеалов, стремление испытать их земной сферой тления, умирания. Он делает это затем, что осознает нежизнеспособность идеалов, их исчерпанность и пустоту. Смерть оказывается для него неким очищением, погребением отжившего. Альтернативы Смерти нет, отсюда необходимость ее эстетизации. Неслучайно свою измену романтическому идеализму он назвал «священной проституцией души». Идеал тоже, как и все на земле, подвержен смерти, тлению (идеальное у Бодлера наделено признаками плоти).

Отклики на поэзию Бодлера можно найти и в творчестве Валерия Брюсова. Если в начале своей литературной деятельности – в 1890-е годы – Брюсов проявляет интерес, прежде всего, к истинным символистам: Верлену, Рембо и Малларме, то произошедший переворот в начале 1900-ых связан с именем Бодлера. Перемещение интереса от Верлена к Бодлеру как считают исследователи Ю. Солодуб и Г. Храповицкая [19] совпадает со сменой этапов в творческом развитии Брюсова. В начале века Брюсов обращается к поэзии Бодлера, переводит «Экзотический аромат», «Непокорный», «Привидение», «Вечерние сумерки», «Авель и Каин» и «Красоту», сыгравшую ключевую роль в эстетике вождя русского символизма.

Культе смерти в лирике Валерия Брюсова обнаруживаются разнообразные связи с любовной тематикой. Как заметил историк литературы Л. Пумпянский, Брюсов «изъял любовь» [17] из сферы жизни, она у него «на полях за Летою, на асфоделевых лугах». Поэт влюблен в «испускаемое эротизмом обжигающее дыхание» [2, с.308]. При этом очевидно, что чем тлетворнее это дыхание, чем больше в нем «вевания смерти», тем оно очаровательнее для поэта:

Тело женское! – в мехах,
В шерсти, в шарфах, в царстве снега
Ты лишь безобразный прах.[9, с. 175]

Брюсовский герой, так же как и герой Бодлера, стремится постичь тайны бытия. И такую возможность он обнаруживает в женском начале. Исследователь немецкого романтизма В. Жирмунский отмечал, что еще романтики сделали чувственность основой своей мистики любви, а это означает, что они наделили чувственность святостью, которой обладает в их представлении Любовь как чувство бесконечного. В любви для романтиков заключена святость и таинство

человеческой души. Вместе с любовью к женщине открываются миры иные [13]. Таким образом, Женщина оказывается носителем божественного начала. Именно, через любовь к ней осуществляется познание мистических глубинных сущностей мира.

Эти мысли о любви, о женской сущности оказались близки мистицизму символистов XX века и составили эстетическую основу их творчества. В 1896 году философ Василий Розанов подметил, что «беспорное и понятное» в содержании символизма – это его «общее тяготение к эротизму». Он писал: «Эрос не одет здесь более поэзией, не затуманен, не скрыт; весь смысл, вся красота, все бесконечные муки и радости, из которых исходит акт любви <...> – все это здесь отброшено» [18, с. 205, 206]. Эротическое начало в творческой рецепции «старших» символистов становится одной из наиболее ярких сфер выявления декадентского в поэзии рубежа веков. И в этом несомненная заслуга эстетики французских «проклятых» поэтов.

По словам Н. Бердяева, «в падшем мире происходит космическая борьба мужского и женского принципов, мужской и женский принцип ищет не только соединения, но они и постоянно борются друг с другом как смертельные враги» [6, с. 68]. Тютчевский образ любви как «рокового поединка» в реальности эротического бытия превращается у Брюсова в дуэль между любящими существами, обреченными на смертоносную страсть:

Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!
<...>

Но, под тем же таинственным звоном,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно – и все
Будет кончено стоном» [9, с. 73].

В статье «О теме любви у Брюсова» К. Чуковский пишет: «Страсть, по Брюсову, это мука и боль. <...> И если он зовет женщину на «страстное ложе», он зовет ее к страданию и ужасу. Любовные объятия изображаются им как самая жестокая казнь. Страсть для него не только мука, но и некое сражение, роковой поединок двух душ <...>. Все свои мысли об Эросе он пытается высказать якобы от имени любовника, который в тот миг обнимает любимую женщину» [22, с. 50-51].

Интересно в этом плане рассмотреть образ ночи, который пройдет через все творчество поэта. Так ночь для него это время любви, «священного безумия»:

В ночной полумгле, в атмосфере
Пьянящих, томящихся духов,

Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерий.

И вот я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцаньем прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.

Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом,
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолго дремотой.[9, с. 65]

Уже в этом стихотворении вырисовывается ночной «пейзаж», эта «пьянящая» атмосфера полумглы, полусна. Причем в большинстве случаев ночной «пейзаж» – это активный компонент «любовной» лирики В. Брюсова. Здесь было бы уместно вспомнить стихотворение «Ожидание» из цикла «Криптомерии»:

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближение дальней бури...[9, с. 66]

Этот поэтический «пейзаж» соответствует ожиданию героя, его встречи со Смертью. Здесь страсть оказывается той «точкой», где земной мир прикасается к иным бытиям», становится «дверью в них» [8, с. 117]:

...И рука, сдавив навагу,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова...[9, с. 67]

Мрак, темнота, ночь окутывают героиню брюсовских стихов. Она буквально овевана дыханием ночи, является ее порождением. Брюсов «рисует» ее портрет:

В ярком венке из пурпурного мака,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мрака...
Облик лица ее грубо красив.

Серьги по золоту блещут рубином,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишью пещер и пустынностью скал.

[9, с. 338]

Важно сказать о такой особенности, которую заметил еще В. Розанов, что в «сюжетах», любимых у «старших» символистов, «умерло лицо, имя, прошлое человека и его будущее» [18, с. 208]. Действительно, мы не найдем конкретных имен, не увидим индивидуальных лиц любимых. Так, у Ф. Сологуба это обобщенный образ Недотыкомки; З. Гиппиус называет свою героиню Она и т.д. И у Брюсова Женщина – это женщина вообще. Непременным атрибутом брюсовской героини становится Луна. («Пурпур бледнеющих губ», «Жреце Луны», «Медая», и

др.). Брюсов не только облакает героиню в «лунные одежды», но называет ее именем богини мрака, ночных видений и чародейств Гекатой. Как отмечает А. Тахо-Годи, в образе богини греческой мифологии «переплетаются хтонически-демонические черты доолимпийского божества, связующего два мира – живой и мертвый» [20, с. 143]. С луной также связан культ Диониса – вечно умирающего и вечно воскрешающего бога. По мысли М. Элиаде, луна есть воплощение «высшего престижа плодородия, периодического рождения, неисчерпаемости жизни» [23, с. 308], что символизирует непосредственное слияние Эроса и Танатоса.

Мотив вина неизменно присутствует в мортальной лирике Брюсова. Вино – вакхический символ, связанный с Дионисом, намекающий на эротизм, а также символизирует его божественную кровь, т. е. прямо отсылает к размышлению и Смерти и Возрождению. Следует также учесть, что вино – это еще и «метафора брака» (О. Фрейденберг): вино пьется при брачном обряде, также как и при жертвоприношении. О. Фрейденберг подчеркивает «единство образов жертвоприношения, пьянства, блуда и спасения», соединяющихся в мотиве вина [21, с. 85]. Надо отметить, что у Брюсова вино не только размывает границы между Злом и Добром, но и соотносится с ядом, отравой, которыми наделена возлюбленная:

Ты – женщина, ты ведьмовский напиток!
Он жжет огнем едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

[9, с. 338]

Лирическая героиня – хтоническое существо – часто отождествляется с Аидом, с царством смерти, против которого бессилён лирический герой.

Исследуя природу женской и мужской любви, Н. Бердяев приходит к выводу: «Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви» [7, с. 138]. Так в брюсовской любовной поэзии возникает образ Женщины как *femme fatale*, которая «есть воплощение вневременного и стереотипного образа дьяволицы» [11, с. 31]. Холодность женщины, ее лунность, ее демонизм вызывает к жизни мотивы жестокости, зла, звериной дикости:

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С когтями львицы, с телом сухопарым...

[10, с. 21]

Брюсов подчеркивает жестокость своей героини, имеющей власть над поэтом, функция которой амбивалентна. Она может как возвысить, так и уничтожить героя: «Милый, близ-

кий! Жаль тебя! // Я гублю как дух могильный,
// Убиваю я, любя» [9, с. 151]. Для Брюсова Любовь и Смерть уравниваются. Поэт изображает губительную силу Эроса, которая сжигает влюбленного:

О да! Я – темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек... [9, с. 187]

Любить, – говорит Жорж Батай, – значит любить умирать [2]. Размышляя о животном начале в человеке, Ж. Батай выдвигает концепцию, суть которой в «рождении чувства смерти» как момента перехода от животного к человеку. Более того, именно способность осознавать свою смертность, делает возможным отличие животной сексуальности и человеческого эротизма: «Животному, обезьяне, чувственность которой ожесточается, неведом эротизм... как раз постольку, поскольку ей недостает знания смерти. И, напротив, из-за того, что мы люди, из-за того, что мы живем в тревожном ожидании смерти, мы и знаем ожесточенное, отчаянное, буйное насилие эротизма» [2, с. 278]. Следуя логике размышлений Батая, *позиция Брюсова – это позиция человека, изначально вынужденного противостоять Эросу и как следствие обреченного на вечные страдания*. Для брюсовского героя характерна *неисчерпаемость страданий*, ибо они соединены со смертью глубинным образом.

Список использованной литературы

1. Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1969. 712 с.
2. Батай Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб: Мифрил, 1994. С. 269-308.
3. Бодлер Ш. Об искусстве: пер. с франц. Н. Стояровой и Л. Липман. М.: Искусство, 1986. 422 с.
4. Бодлер Ш. Падаль // Иностранная литература. 2000, № 9. С. 131-139.
5. Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. М.: Высшая школа, 1993. 511 с.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
7. Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. 158 с.
8. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
9. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 1.
10. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 3.
11. Буле О. Заметки о споре между *la brune* и *la blonde* в эпоху романтизма // Концепция и смысл: сб. статей / Под ред. А.Б. Муратова, П.Е. Бухаркина. СПб: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 28-47.
12. Ваннер А. Бодлер в русской культуре конца XIX-начала XX века // Русская литература XX века:

- исследования американских ученых. СПб: СПбГУ, 1993. С. 24-45.
13. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб: Аксиома, 1996. 664 с.
 14. Исупов К. Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106-115.
 15. Косиков Г.К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. М.: Высшая школа, 1993. С. 5-40.
 16. Обломиевский Д.Д. Французский символизм. М.: Издательство «Наука», 1973. 304 с.
 17. Пумпянский Л.В. Памяти В.Я. Брюсова // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собр. трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 530-537.
 18. Розанов В.В. Мысли о литературе М.: Современник, 1989. С. 204-216.
 19. Солодуб Ю.П., Храповицкая Г.Н. Перевод «Красоты» Бодлера как отражение нового этапа в творческом развитии В. Брюсова // Брюсовские чтения 1983 г. Ереван, 1985. С. 352-363.
 20. Тахо-Годи А.А. Геката // Мифологический словарь/Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 143.
 21. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Наука, 1978. 606 с.
 22. Чуковский К.И. Валерий Брюсов // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 6 т-х. М.: Художественная литература, 1966. Т. 1. С. 48-65.
 23. Элиаде М. Трактат по истории религии. СПб: Алетейя, 1999. 320 с.

Статья поступила 06.12.2011

Принята в печать 28.12.2011

Е.И. Лелис

РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ЭКСПЛИКАЦИИ ПОДТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ (на материале рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой»)

Удмуртский государственный университет
Email: elena-lelis@mail.ru

Рассмотрена роль лексической структуры художественного текста в экспликации подтекста в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой». Показано, что эстетически значимые, тематические, ключевые и идеослова являются основой для развития словообразов – стимулов формирования подтекстовых смыслов.

Ключевые слова: лексическая структура художественного текста, эстетически значимое слово, тематическое слово, ключевое слово, идеослово, словообраз, подтекст.

В лингвистике сегодня реализуются три основных подхода к пониманию подтекста – семантический, формальный и коммуникативно-прагматический. Придерживаясь традиционной – семантической концепции подтекста, мы считаем, что разные подходы дают возможность осмыслить его сложность и многомерность. Опыт изучения подтекста приводит нас к следующему определению этого феномена: *подтекст* – часть семантической структуры текста, реализующая выводные скрытые смыслы, которые актуализируются в сознании воспринимающего текст как целое.

В иерархии языковых уровней как репрезентантов подтекстового слоя семантической структуры художественного текста лексическая структура играет определяющую роль. По справедливому замечанию В.В. Степановой, эта структура – «отправная точка в характеристике лингвистической структуры текста, поскольку слово, функционируя в тексте как словоформа, обладает способностью интегрировать морфологические, семантические, прагматические, коммуникативные свойства» [3, с. 12]. Толчком к этой интеграции служат семантические возможности слова, значение которого из общезыкового в художественном тексте превращается в индивидуальное, потенциально образное.

Эстетические свойства слова зависят от многих лингвистических и экстралингвистических факторов: от его способности обога-

щать свою смысловую структуру, приобретать эмоционально-оценочные компоненты значения, занимать «сильные позиции» в тексте, эксплицировать разные «голоса» в полифонии художественного текста и т. д. Эти эстетические свойства слова, опосредованные интенцией автора, определяют характер системных отношений между компонентами лексической структуры художественного текста, которые по-разному проявляют себя в процессе экспликации подтекстовых смыслов.

Выявление системных связей между компонентами лексической структуры художественного текста приводит к установлению иерархии входящих в нее единиц: *эстетически значимое слово – тематическое слово – ключевое слово – идеослово – словообраз*.

Эстетически значимые слова – компоненты лексической структуры художественного текста, которые характеризуются приращениями смысла благодаря системным отношениям внутри эстетического целого. Такие слова характеризуются смысловой и эмоционально-экспрессивной многоплановостью, открытостью, что делает их не механической суммой смыслов, а качественно новыми эмоционально-смысловыми единицами текста.

Сегодня большинство исследователей склоняется к мысли о том, что «все слова в подлинно художественном тексте «эстетически значимы», выполняют «образную функцию», «не могут

быть выброшены из текста или заменены другими без изменения смысла целого» [1, с. 124].

Уже на этой ступени лексической структуры текста не возникает полной тождественности смыслов, актуализируемых автором и читателем, что по мере развертывания текста становится материальной базой для формирования его выводных скрытых смыслов – подтекста.

Тематические слова – компоненты лексической структуры художественного текста, вербальные экспликанты его мотивно-тематической системы, в семантике которых в обобщенном виде репрезентированы предмет изображения и ценностная установка автора.

Ключевые слова – компоненты лексической структуры художественного текста, аккумуляторы его эмоционально-смыслового содержания, обладающие большой семантической емкостью и коннотативной значимостью и проявляющие свои эстетические свойства через композиционную расстановку в тексте.

Каждый художественный текст обладает своей неповторимой системой ключевых слов, в которую входят слова-ключи и слова-соключи.

Слова-ключи – опорные композиционно-смысловые лексические единицы текста, представляющие собой динамически пульсирующие центры смыслового обобщения и репрезентированные в наиболее значимых сюжетно-композиционных фрагментах текста.

Слова-соключи – компоненты лексической структуры художественного текста, фокусирующие его эмоционально-оценочное содержание. Слова-соключи репрезентированы в лингвистическом контексте употребления слов-ключей, функционально направлены на обогащение их смысловой структуры эмоционально-оценочными компонентами значения.

Идеослова – компоненты лексической структуры художественного текста, вербальные экспликанты главной авторской мысли. Системные связи идеослов обуславливают структурно-смысловую целостность художественного текста.

Словообразы – компоненты лексической структуры художественного текста, стимулы формирования подтекстового уровня его семантической структуры, обладающие обобщенной смысловой и композиционной значимостью и устанавливающие ассоциативно-смысловые переключки текстуального и интертекстуального, лингвистического и экстралингвистического характера.

Без системы тематических, ключевых и идеослов невозможно эстетическое функционирование словообразов: тематические слова определяют смысловые границы предмета изображения; ключевые слова через расстановку в синтагма-

тической композиционной плоскости текста векторно направляют мысль читателя; идеослова являются содержательно емким идентификатором интенции автора. Вся лексическая структура текста приводит к аккумуляции в словообразов смысловой и эмоционально-оценочной энергии подтекстового плана, которая реализуется в масштабе текста и даже выходя за его пределы.

Способность словообраза быть экспликатором подтекстовых смыслов заложена в его семантической структуре, создающей вокруг себя, по мысли Б.А. Ларина, «смысловое эхо», актуализируемое в сознании воспринимающего текст поле близких и далеких ассоциаций. В иерархии лексической структуры художественного текста словообразы проявляют себя как единицы высшей степени смыслового обобщения, обладающие наибольшим зарядом индивидуально-авторских значений. Это наделяет их особой функциональной значимостью в процессе извлечения подтекста.

Формула «Чехов – мастер подтекста» – одна из аксиом филологического знания, но наблюдения над поэтикой чеховского подтекста показывают недостаточную глубину его научного осмысления.

А.П. Чехов был первым писателем, кто осознал, что читатель не только воссоздает и реконструирует авторский замысел, но создает и реконструирует смысл заново. Доверие к читателю, мастерское владение словом, точность архитектурного построения текста определили не только лаконичность его произведений, но глубину и многосмысленность их подтекстового уровня.

Во многом эти качества повестей и рассказов позднего Чехова определяются смысловой гибкостью компонентов их лексических структур, ведущей к потенциальной возможности тематических, ключевых и идеослов принимать на себя роль словообразов.

Рассмотрим, как компоненты лексической структуры рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» проявляют себя в качестве стимулов формирования подтекстовых смыслов. Их смысловое и структурно-композиционное прораствание в подтекст мы рассматриваем в *синтагматической плоскости* развертывания текста – от названия, через их реализацию в наиболее значимых сюжетно-композиционных фрагментах текста и в концовке (финале), который в идиостилевой системе А.П. Чехова практически всегда играет роль такого элемента семантической структуры текста, который делает ее принципиально открытой для разной степени глубины прочтения.

Возможен и другой путь исследования – в *парадигматике* текста (оставшийся за рамками настоящей публикации), предполагающий

изучение процесса формирования подтекстовых смыслов в речевой структуре текста как полифонического явления.

«Дама с собачкой» – один из самых сложных для работы с подтекстом рассказов А.П. Чехова, несмотря на прозрачность и лаконичность его сюжетно-композиционного строения. За внешней простотой кроется сложность и глубина художественной мысли, краткость продуцирует семантическую емкость, основанную на сочетании вербализованных и невербализованных смыслов.

Ни в одном из предыдущих произведений писателя возрождающая сила любви не выступала столь торжественно, убедительно и трепетно. Любовь предстает здесь не только как великое таинство, но и как мера духовности. В любовном сюжете художника привлекает не столько возникновение страсти и ее развитие, сколько пробуждение человека к новому взгляду на смысл собственной жизни, на мир, на людей.

Второй сюжетный мотив – ощущение невыносимой, тюремной тесноты пошлого, бескрылого мира, который безжалостно подавляет человека, его свободу, волю, его живое влечение к настоящему, истинному счастью. В этом мире властвуют посредственность и безликость, заменяя живое человеческое общение ритуалом благообразного приличия.

Следуя своему излюбленному приему, А.П. Чехов расставил не только идейные, но и языковые акценты. Две сюжетные линии соотносятся с двумя тематическими словами – *любовь* и *обыденность*, двумя идеословами – *явная* и *тайная* жизнь, двумя группами ключевых слов – опорными звеньями композиции. Все эти компоненты лексической структуры рассказа проявляют способность к эмоционально-смысловому обогащению и аккумуляции подтекстовых смыслов по мере развертывания текста.

Так, идеослова появляются лишь в посткульминационном пространстве произведения, когда оба героя – и Анна Сергеевна, и Гуров осознают для себя необходимость *тайной* жизни. Как идейно-опорные, эти ретроэстетические фокусы произведения превращаются в образы-символы. А.П. Чехов накладывает на их общезыковые значения индивидуально-авторские.

Общезыковые значения: «явный» – «не скрываемый, открытый» [2, с. 1195]; «тайный» – «составляющий тайну для других, не известный другим, не явный, не открытый» [2, с. 1030].

Индивидуально-авторские значения этих словообразов рождаются в содержательной сфере произведения и соотносятся А.П. Чеховым с этическими понятиями: для Гурова и Анны Сергеевны *явное* – полное «условной правды и условного обмана», т. е. «лицемерное, пошлое, бездуховное»;

тайное – «самое важное, интересное, искреннее, то, что составляет «зерно жизни»».

А.П. Чехов обновляет языковые значения слов, но при этом их общая семантическая и стилистическая природа не разрушается. *Явный* и *тайный* являются языковыми антонимами, и это свойство полярности значений использует А.П. Чехов в реализации их обобщенно-эстетического употребления.

О Гурове говорится:

«У него были две жизни: одна *явная*, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная *условной правды* и *условного обмана*, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая – протекавшая *тайно*. И по какому-то странному стечению обстоятельств, может быть, случайному, все, что было для него *важно, интересно, необходимо*, в чем он *был искренен и не обманывал себя*, что составляло *зерно* его *жизни*, происходило *тайно* для других, все же, что было его *ложью*, его *оболочкой*, в которую он *прятался*, чтобы *скрыть правду*, как, например, его *служба в банке, споры в клубе*, его «*низшая раса*», *хождение с женой на юбилей*, – все это *явно*» (здесь и далее в тексте курсив наш – Е.Л.) [4, с. 141].

(Словообразы *явная* – *тайная* жизнь выделены жирным курсивом и подчеркиванием; слова-ключи – жирным курсивом, слова-сочлужи – курсивом.)

Словообразы *явная* – *тайная* (жизнь) – основа развития широкого эмотивно-содержательного плана текста, включающего идейно-тематический пласт. Их семантическое обогащение, эстетическая трансформация происходят в тесной связи со всей образной системой произведения. В результате языковая номинативность уступает место смысловому обобщению, реализующемуся в текстовом и подтекстовом пространстве.

Благодаря смысловым наращиваниям тематических, ключевых и идеослов, превращающих их в словообразы, любовная тема инициирует у читателя размышления гораздо более широкого плана – психологического, морально-этического, философского, аксиологического характера. Авторская идеомысль о человеческом счастье через призму подтекстовых смысловых и структурно-композиционных связей текста реализуется как интенция видеть в одной системе координат вместе со способностью любить – чувство человеческого достоинства, внутреннюю силу и чистоту.

Развитию смыслового «корневища» словообразов способствуют слова-ключи и сочлужи, не только репрезентированные в лингвистическом контексте, но и рассредоточенные по всему тексту. Остановимся на двух из них, обогащающих семантику словообразов *явная* жизнь, *лакей* и *серый*.

Впервые образ мужа Анны Сергеевны, которого она «обозвала лакеем», появляется в ее восприятии:

«Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он *лакей!* Я не знаю, что он делает там, где служит, а знаю только, что он *лакей!*» [4, с. 132].

Актуализировано переносное значение слова *лакей* – «о раболепном приспешнике, подхалиме» [2, с. 404]. А.П. Чехов использует лексический повтор как выразительный прием экспликации этого значения, важного в идейно-художественном плане. Данный прием будет способствовать раскрытию и обобщенно-символического образа лакея.

Показательно, что Анна Сергеевна даже не может объяснить, чем занимается ее муж на службе. Это характеризует их отношения. В тексте есть и другие доказательства того, что Анна Сергеевна и ее муж живут совершенно разной жизнью: «У него, *кажется*, дед был немец, но сам он православный...» [4, с. 133].

С другой стороны, такой способ изображения мужа-лакея можно расценивать и как сознательно выбранную форму для воплощения авторской мысли о распространности этого человеческого типа. Чинопочитание, подобострастие, лакейство – характерная форма существования людей в той жизни, которая обозначена как *явная*. Вот почему образ мужа-лакея трансформируется в обобщенный образ, который получает содержательно-оценочную конкретизацию в кульминации произведения – сцене встречи Анны Сергеевны и Гурова в театре:

«Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенями, очень высокый, *сутулый*; он *при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся*. Вероятно, это был муж, которого она тогда, в Ялте, в порыве горького чувства, *обозвала лакеем*. И в самом деле, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было *что-то лакейски-скромное*, улыбался он *сладко*, и в петлице у него блестел *какой-то* ученый значок, *точно лакейский номер*» [4, с. 139].

Портрет мужа Анны Сергеевны превращается в его обличительную маску, реализованную тремя однокоренными словами: *лакей, лакейски-скромное, лакейский* (номер). Но не только с помощью морфологического повтора А.П. Чехов раскрывает этот образ. В контексте много оценочных слов и выражений: Анна Сергеевна презрительно *обозвала* (не назвала) мужа лакеем («обозвать» – «дать кому-чему-н. обидное название») [2, с. 551].

Все мелочи поведения и детали внешности говорят о лакействе этого человека: то, что он *постоянно кланялся*, его *сладкая* – притворно-

нужная, умильная улыбка. Лакейство мужа Анны Сергеевны ассоциативно накладывает отпечаток на, казалось бы, совершенно нейтральные детали его портрета – фигуру, бакены, лысину.

Сравнение ученого значка с лакейским номером – опосредованная оценка. Этим приемом А.П. Чехов привносит в значение слова *лакей* обобщенно-эстетический смысл, на основе которого возникает образ-символ. Духовно убогий, не имеющий собственного «я», муж-лакей характеризуется в этом фрагменте текста через восприятие Гурова. Грамматическая модальность слов-соклучей (*вероятно, казалось*) оценочно воспроизводит обезличенный образ. Лексико-семантическая неопределенность (*что-то, какой-то*) метонимически акцентирует его обобщенность: вместо *лиц* Анна Сергеевна и Гуров видят только *мундиры*: они шли по театру, «и *мелькали* у них перед глазами *какие-то* люди в *судейских, учительских и удельных мундирах*, и все *со значками*» [4, с. 140]. Конкретизируемые рядом однородных членов разнообразности мундиров гиперболизируют метонимическую замену (вместо *лиц* – *мундиры*), доводя словообраз *лакей* до гротескно-саркастического масштаба.

Ассоциативно-смысловыми связями объединены в идейно-художественном контексте многофункциональные компоненты лексической структуры текста *явная* жизнь и *лакей*. Они скреплены общими семами ‘посредственный, убогий, пустой’, возникающими в точке пересечения содержательно-смысловой и эмоционально-оценочной подтекстовой плоскости семантической структуры текста. Эта сема эксплицирована и в ключе *серый*, который противопоставляет *явную* жизнь мечте героев о *новой, прекрасной* жизни:

«Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома *тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями*.

«*От такого забора убежишь,*» – думал Гуров, поглядывая то на окно, то на *забор*» [4, с. 138].

«Он ходил и *все больше ненавидел серый забор*, и уже думал *с раздражением*, что Анна Сергеевна забыла о нем и, может быть, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины, которая *вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор*» [4, с. 138].

Серая от пыли чернильница на столе в гостиной, *пол, обтянутый серым солдатским сукном, серое, точно больничное одеяло* – все в этом провинциальном городе навевает *скуку* (слово-ключ I главы рассказа), говорит об отсутствии жизненных красок, самой жизни. Слово-ключ *серый* в значении ‘посредственный, ничем

не замечательный, ограниченный и ограничивающий' ассоциативно-подтекстово возникает и в сцене встречи героев в театре:

«Вошла и Анна Сергеевна. <...> Она, потерявшаяся в провинциальной (=серой – Е.Л.) толпе, эта маленькая женщина <...> наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого (=серого – Е.Л.) оркестра, дрянных обывательских (=серых – Е.Л.) скрипок он думал о том, как она хороша. Думал и мечтал» [4, с. 139]. Вероятно, именно в этот момент «дама с собачкой» в восприятии Гурова окончательно превратилась в Анну Сергеевну – его любовь: единственное и неповторимое заслонило обезличенное.

Гуров старается вырваться из плена того, что обобщенно называл явной жизнью. Он мечтает, стремится к лучшему, светлому, к *новой, прекрасной* жизни. Его оскорбят обычные слова об осетрине с душком, брошенные ему партнером по игре в Докторском клубе в ответ на его искреннее признание: «Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!» [4, с. 137]. Он удивится, когда поймает себя на том, что эти, на первый взгляд, безобидные слова покажутся ему *унизительными, нечистыми*.

Идейно-образная выразительность этого сюжетно значимого эпизода возникает благодаря использованию А.П. Чеховым приема, суть которого заключается в том, что возникающее у Гурова чувство не связано непосредственно с изображаемым предметом. Без выделения абзаца после описания реакции Гурова на слова об осетрине с душком следуют размышления героя о *куцей, бескрылой (=серой)* жизни. Оттолкнувшись от предметного, вещного, в герое растет пока еще неясное ощущение никчемности, пустоты привычной жизни:

«Какие дикие нравы, какие лица! Что за *бестолковые* ночи, *какие* *неинтересные, незаметные* дни! *Неистовая* игра в карты, *обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают* на свою долю *лучшую* часть времени, *лучшие* силы, и в конце концов остается *какая-то* *куцая, бескрылая* жизнь, *какая-то* *чепуха*, и уйти и бежать *нельзя*, точно сидишь в *сумасшедшем доме или в арестантских ротах!*» [4, с. 137].

Ключ серый уходит в подтекст, имплицитно иррадируя вокруг себя зоны эмоционально-оценочной напряженности. Эпитеты *куцая* и *бескрылая* приобретают особый смысл в контрасте с *новой, прекрасной* жизнью, с идеей постоянного совершенства. В явной жизни – *скука*, апатия, нравственное разложение. За *новой, прекрасной* жизнью, той, которая пока остается тайной, – будущее, как в это верит герой.

Весь приведенный контекст пронизан со- ключами, благодаря которым этот отрезок текста превращается в один из самых эмоционально напряженных. Словосочетания *бестолковые* *ночи, неинтересные (незаметные) дни* конкретизируют тему *скуки*, получая дополнительное контекстуальное разъяснение: *неистовая* игра в карты (яркий оценочный эпитет), *обжорство* (стилистически сниженное слово), выражение *разговоры все об одном*, повторенное дважды, которое превращается в неделимую смысловую единицу. И далее: *ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают* – стилистически сниженное слово, подтекстово вызывающее интертекстуальные ассоциации с образом-символом *хищника*, нашедшим воплощение в таких рассказах и повестях, как «Володя большой и Володя маленький», «Супруга», «В овраге», «Ариадна», «Анна на шее» и др. Они «отхватывают» *лучшую* часть времени, *лучшие* силы (повтор оценочного эпитета, обозначающего высшую степень положительного качества). И обобщение, итог: «...в конце концов остается *какая-то чепуха*», от которой «...и уйти, и бежать *нельзя*, точно сидишь в *сумасшедшем доме или в арестантских ротах*» (сравнение, подчеркивающее ненормальное, нездоровое душевное состояние человека в явной жизни и направленное на эмоционально-смысловые ассоциации с образами-символами «Палаты № 6», «Случай из практики», «В родном углу», «Невесты» и др.).

Чеховские эпитеты, метонимия, метафоры и сравнения выразительно и емко вербализуют эмотивный подтекст, наслаивающийся на содержательно-смысловой подтекстовый уровень семантической структуры текста. Сталкивая внешнее и внутреннее, предметно-вещное и эмоционально-психологическое, они провоцируют их взаимопроникновение. В сознании читателя возникает содержательно и эмотивно емкий образ явной жизни, от которой хотели бы избавиться главные герои.

В сложно организованной лексической структуре рассказа авторская мысль подтекстово реализуется через открытость семантической структуры тематических, ключевых и идеослов в их лексическом окружении. Они взаимно обогащают смысловую сферу друг друга, в пространстве художественного целого легко переходят с одного уровня смыслового обобщения на другой и устанавливают многовекторные эмоционально-смысловые связи с лексическими структурами других чеховских произведений. Это позволяет рассматривать извлечение подтекста в качестве динамического процесса и считать цепочку: *эстетически значимое слово – тематическое слово – ключевое слово – идеослово – словообраз – идея* вектором для экспликации разных видов подтекста, структурирующим мен-

тальный лексикон писателя и его индивидуальный образ мира, который всегда присутствует в тексте вербально опосредованно, подтекстово.

Список использованной литературы

1. Григорьев В.П. Поэтика слова (на материале русской советской поэзии) / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1979. 343 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс; Мир и образование, 2007. 1200 с.
3. Степанова В.В. Слово в тексте: из лекций по функциональной лексикологии / В.В. Степанова. СПб.: Наука; САГА, 2006. 272 с.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения: в 18 т. / А.П. Чехов. Т. 10. М.: Наука, 496 с.

Статья поступила 05.11.2012

Принята в печать 12.01.2012

Л.А. Кабанова

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОДГОТОВКИ МОЛОДЁЖИ К ЖИЗНИ И УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОКУЛЬТУРНОГО СОЦИУМА

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. ак. Д.К. Беляева

Email: llasma@mail.ru.

Статья посвящена роли поликультурного образования в современных условиях. Рассматриваются концептуальные и исторические основы, цели, функции, содержание и технологии этого важного компонента образования. Особое внимание уделяется диалоговому подходу в обучении и воспитании.

Ключевые слова: поликультурализм, межкультурная коммуникация, этнос, полиэтническая среда, мобильность, глобализация, межкультурный диалог, толерантность, социокультурная идентификация личности.

В настоящее время в мировом образовательном сообществе возникает и широко обсуждается новая система ценностей и целей образования, возрождается концепция личности, основанная на идеях природосообразности, культуросообразности и индивидуально-личностного развития. Появляются новые парадигмы образования, в которых педагогическая действительность отражается с помощью нового языка науки. В научный оборот входят такие понятия, как образовательное пространство и образовательный регион, поликультурная образовательная среда, образовательные технологии, поликультурная педагогика и другие [3; 6].

Поликультурная педагогика – сравнительно молодая отрасль научного знания. Феномен поликультурности стал предметом особых исследований в мировой педагогике с 60-х годов XIX века. Зарубежной педагогической наукой накоплен солидный научный фонд по поликультурализму. Российские учёные к разработке поликультурной педагогики приступили сравнительно недавно – в 90-е годы XX века. Поэтому можно сказать, что отечественная поликультурная педагогика находится в стадии становления.

Кроме понятия «поликультурное воспитание» используются и другие понятия: кросскультурное образование, межкультурное образование, интеркультурное образование, двукультурное образование и т.д. Международная энциклопедия образования рассматривает поликультурное образование как важную часть

современного образования, способствующую усвоению знаний о других культурах, уяснению общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодёжи в духе уважения инокультурных систем [12].

Идеи поликультурного образования не являются продуктом только современной эпохи. Они имеют глубокие исторические корни. Идея подготовки молодёжи к жизни в условиях многокультурной среды впервые была выдвинута Я.А. Коменским. Ключевой фигурой педагогической системы Коменского является учитель. Реализация поликультурного образования актуализирует необходимость подготовки учителя как посредника между культурами разных народов, организатора межкультурной коммуникации. Великий мыслитель показал, что в системе универсального образования ведущая роль принадлежит языкам – носителям культуры. Важнейшей целью образования и воспитания, по мнению Коменского, является формирование гражданина мира, осознающего свою ответственность за судьбу всего человечества, а эффективным средством его формирования выступает пансофизм – обобщение всех добытых в ходе развития цивилизаций знаний – позволяющий показать вклад всех народов в развитие цивилизации [7].

Большой интерес для понимания роли поликультурного образования в становлении личности представляют идеи П.Ф. Каптерева о

взаимосвязи национального и общечеловеческого в педагогике. По Каптереву, педагогическая деятельность первоначально осуществляется на основе национального идеала, а затем трансформируется в деятельность по достижению общечеловеческого идеала [1].

Таким образом, рассматривая развитие мирового историко-педагогического процесса, становится очевидно, что на всех этапах человеческого общества проблема воспитания у молодёжи гуманного, уважительного отношения ко всем людям, независимо от культурной, социальной, национальной принадлежности, занимала значительное место в наследии многих выдающихся педагогов.

Сегодня также не возникает сомнений в актуальности поликультурного образования, его достойном месте в теории и практике воспитания подрастающих поколений, необходимости активной разработки и уточнения целей, задач, функций, содержания, технологий этого важного компонента образования отечественными специалистами.

Мир сегодня объединён заботой о воспитании гражданина всей планеты. Все страны объединяет понимание, что современное образование должно стать международным. То есть университетское образование приобретает черты поликультурного образования. Оно развивает способность оценивать явления с позиции другого человека, разных культур, иной социально-экономической формации. Создаётся поликультурная среда, предполагающая свободу культурного самоопределения будущего специалиста и обогащения его личности.

Возникает острая социальная потребность в организации целенаправленной работы по формированию поликультурной личности, сочетающей в себе системные знания в области различных культур, стремление и готовность к межкультурному диалогу. Этот социальный заказ эпохи настоятельно требует освоения подрастающим поколением общечеловеческих ценностей, приобщения к культуре других народов, сохранения многовековых традиций.

Современная социокультурная ситуация требует от молодого человека способностей включаться в систему социальных отношений, которая характеризуется многообразием этнических общностей и повышением интенсивности их взаимодействий. Поликультурное образование призвано подготовить подрастающее поколение к продуктивной созидательной жизнедеятельности.

Важной социально-политической детерминантой развития поликультурного образования является стремление многих стран интегрироваться в мировое социально-культурное и образовательное пространство, сохранив при этом

национальное своеобразие. Интеграционные процессы способствуют превращению Европы в многоязычное пространство, в котором различные языки имеют равные права. С открытием границ между государствами усиливается мобильность людей, их мотивация к изучению иностранных языков, стремление к установлению и развитию контактов с зарубежными странами. Наряду с этим усиливается проблема сохранения национально-культурного своеобразия [6;8, с. 3].

Межкультурное взаимодействие стран и народов открывает перспективы разрешения глобальных проблем, определяя актуальность поликультурного образования в российской и мировой педагогической практике. Многонациональное население Земли, большинства государств и регионов планеты, интенсификация экономических, политических и культурных отношений народов протекает в поликультурной среде, усиливая связи людей разных культур, национальностей и конфессий.

Стратегия поликультурного образования выдвигается как антитеза монокультурным образовательным традициям. Каждая имеет свои плюсы и минусы. Но оптимальная образовательная стратегия возможна лишь при условии соединения принципов монокультурности и поликультурности, их взаимной коррекции и равновесия. Такой стратегией является диалог. Только диалог делает осуществимым соединение идеалов безусловной ценности личности и общечеловеческого солидаризма. Поэтому суперцель современного образования можно определить как воспитание диалогического человека, способного воспринимать и создавать мир в гармонии его многообразия [5].

Диалогическое познание действительности начинается с признания того, что мир полифоничен и многогранен, что существует множество истин, среди которых следует найти те, которые помогают понять себя, осознать необходимость согласовывать свои интересы и ценности с потребностями и установками других людей на основе принципов демократии, справедливости, терпимости к различиям между людьми в обычаях, вероисповеданиях.

Учебный диалог помогает понять, что человеческая цивилизация представляет сложную систему, функционирующую на основе взаимосвязи различных культур. Диалог носителей различных культур в многокультурном образовательном пространстве позволяет осознать необходимость руководствоваться в своей деятельности гуманными мотивами. К сожалению, в современном учебно-воспитательном процессе доминируют монологические технологии. А между тем диалоговый подход целесообразно

использовать также и в организации досуговой деятельности. Основными формами этой деятельности могут быть: клубы интернациональной дружбы; фестивали культур; дни дружбы, экспедиции, экскурсии, походы, вечера, посвящённые выдающимся представителям литературы, искусства, науки; театральные постановки сказок, былин; конкурсы на лучшего знатока народных обычаев, национальной кухни, традиционных ремёсел.

Поликультурное образование – это процесс, в ходе которого происходит усвоение подрастающим поколением этнической, общенациональной и мировой культуры, его духовное обогащение и развитие планетарного мировоззрения, формирование готовности и умения жить в многокультурной полиэтнической среде. Становление личности включает этап накопления знаний, чувств, эмоций, вызванных переживаемыми событиями и явлениями. Эти знания и чувства становятся приобретённым лингво-культурным опытом и источником установления связей индивида с миром и самим собой. Этот опыт позволяет принимать значительность каждой культуры, предполагает взгляд на иноязычную культуру не как на чужую, а как иную, и разрушает бытующие негативные мифы о «чужой» культуре. В результате становления личности происходят активные качественные преобразования внутреннего мира обучающегося, приводящие к новому способу жизнедеятельности – творческой самореализации в образовании. Опыт показывает, что перестроить национальное мышление зачастую значительно труднее, чем выучить те или иные лингвистические формы. Поэтому изучение иностранного языка может быть более результативным при определении особенностей национального мировоззрения и специфики культуры страны изучаемого языка. Именно человек воспринимает и осознаёт мир посредством органов чувств, создаёт на этой основе представления о мире. Затем он рационально осмысливает их в понятиях, суждениях и умозаключениях [10, с. 22; 11].

В настоящее время современные подходы к обучению иностранным языкам всё больший акцент ставят на неразрывность обучения языку и культуре. Социокультурный подход в образовании предполагает обучение межкультурному иноязычному общению. Обучение в рамках этого подхода, по нашему мнению, должно идти в русле диалога культур с опорой на культуроведческие и лингвострановедческие знания учащихся. Главными целями становятся при этом не только формирование иноязычной языковой личности, но и осознание учащимися себя, своей жизненной позиции, этнических корней, развитие их мировосприятия и миропонимания. Кроме этого, сопоставление элементов культуры другой страны

со знанием родной культуры даёт возможность получить подтверждение идеи многообразия культур, уяснить особенности культурных проявлений, принять эти особенности как данность, учитывать их во взаимоотношениях с носителями других культур, испытывать чувство уважения к культурным достижениям другого народа, сопричастность к его проблемам и трудностям, стремление к культурному сотрудничеству с зарубежными странами. Вместе с тем необходимо помочь учащимся выработать невосприимчивость к худшим образцам зарубежной культуры, которая насаждает бездуховность, цинизм, жестокость, меркантилизм.

Одним из главных способов организации поликультурного воспитания является соответствующее изучение тех или иных учебных дисциплин. Идеологи поликультурализма полагают, что наличие поликультурного компонента в учебных дисциплинах позволяет решать двойную задачу: стимулировать интерес обучаемых к новому знанию и одновременно предлагать различные точки зрения на окружающий мир [2; 4].

Ведущим при этом остаётся двуязычное и многоязычное обучение (родной язык, язык доминирующего этноса, иностранные языки). В связи с этим особое внимание следует уделять культурологической направленности филологического образования. Учёные справедливо утверждают, что изучение иностранных языков не только служит общению, но и позволяет приобщаться к различным способам мышления, чувствования, поведения, иным человеческим ценностям.

Безусловно, что поликультурное воспитание многодисциплинарно. Помимо языков, при его реализации изучается широкий спектр дисциплин гуманитарного, эстетического, естественно-научного циклов. Необходимо преподавать литературу, историю и обществоведение, давая при этом непредвзятые оценки, избегая как евроцентристского, так и восточно-центристского подхода. В курс литературы надо включать изучение шедевров разных мировых цивилизаций.

Одной из задач поликультурного образования является формирование личности, способной не только использовать уже известные в культуре нормы деятельности при вступлении в поликультурный диалог, но и вырабатывать новые, адекватные поликультурной реальности. Развитие этой способности тесно связано с формированием поликультурного мышления.

Первым шагом к формированию поликультурного мышления является овладение основами мыслительной деятельности, но не только операционно в результате многократного повторения.

Прежде всего необходима организация осознания учащимися внутренней структуры мыслительной деятельности. Одним из условий понимания и ценностного осмысления иного является способность реконструировать ценностные основания представителей иной культуры, то есть способность реконструировать мыслительные операции участников диалога. Для разработки технологий реконструкции могут быть привлечены исследования философии (герменевтика), эстетики, теории искусства и т.д., то есть те научные области, которые подразумевают проблематику понимания «иного», его сути и ценностных оснований. В теоретических педагогических исследованиях сегодня ставятся вопросы использования достижений общественных наук в области понимания «иного», выделяются проблемы формирования герменевтически ориентированного типа образования, которое готовит учащихся к восприятию инаковости, настраивает на переживание и сопереживание. Понимающее образование открывает мир человеку, а человека миру, не срывая все покровы насильно и разом, а показывая смыслы, давая их почувствовать [3; 5].

Формирование поликультурного мышления учащихся предполагает введение специфических мыслительных операций и способность учащихся реконструировать свою мыслительную деятельность, что является необходимой предпосылкой к пониманию ценностных оснований участников диалога и их мотивов, которые во многом определяются традициями, обычаями, социокультурными установками.

Диалог между представителями различных культур возможен при существовании некоторых общих оснований, которые являются необходимым условием не только самого процесса диалога, но и взаимопонимания между его участниками. Иначе говоря, необходима «площадка согласования» ценностных и иных оснований, мотивов, целей и т.д. Нельзя забывать, что ценности культуры не только объединяют, но и разделяют. Следует выделить возможные сферы взаимодействия, которые не насыщены противоречивыми ценностями, и, наоборот, определить сферы культуры, в которых участники диалога ещё не готовы идти путём согласования, что не является обычной практикой.

Следовательно, одной из задач поликультурного образования является обучение учащихся технологиям реконструкции ценностей культурных общностей, участвующих в диалоге, которые не только объединяют, но и разъединяют, что влияет на направленность развития диалога культур.

Определение общих для участников диалога оснований может быть организовано не толь-

ко на глубоко лежащих в культурной традиции ценностях, но и на вновь приобретённых, которые не противоречат национально-культурной традиции, а развивают или дополняют её. Неизбежность усвоения элементов иных культур сегодня является реальностью, но вместе с тем содержит в себе опасность внутренних и внешних конфликтов национальной личности.

Роль учителя в данном случае значительна. Именно он, организуя на занятии целенаправленное освоение «иного», вводит критерии его ценностного освоения, а, следовательно, оснащает учащегося инструментом ценностного выбора. Отсюда следует, что реализация поликультурного образования выдвигает необходимость подготовки учителя как посредника между культурами различных народов, организатора межкультурной коммуникации. Очевидно, что важными компонентами педагогического образования в условиях многокультурного мира должны стать:

- знание учителем задач, основных идей, понятий поликультурного образования;
- культурологические, этноисторические, этнопсихологические знания, позволяющие осознать многообразие современного мира и специфику культурных проявлений, обеспечить понимание важности культурного плюрализма для личности и общества;
- умения организовать педагогический процесс как диалог носителей различных культур.

Исходя из вышеизложенного, одной из задач поликультурного образования является: организация самостоятельного, целенаправленного, критериального освоения элементов других культур, при котором происходит развитие национально-культурных ценностей личности, способов её деятельности, мотивов, установок и т.д.

Не вызывает сомнения тот факт, что подобные формы деятельности в рамках диалога культур не могут не сказываться на личностном развитии учащегося. Поликультурное образование расширяет количество включаемых личностью в сферу восприятия явлений, требует особых форм мыслительной деятельности, влияет на деятельность учащегося через изменение или коррекцию мотивов, ценностей. Мир во всём его многообразии может быть раскрыт перед личностью. Чем большее количество явлений культуры окружает учащегося, тем шире потенциальные условия их освоения. Перед организаторами учебного процесса встаёт задача создания возможности межкультурного диалога, что подразумевает организацию встреч в учебном заведении и за его пределами с представителями иных социокультурных общностей, а также знакомство с проявлениями иных культур во всём их многообразии.

Поликультурное образование предоставляет учащимся возможность ознакомиться с многообразием современного мира, что определяет диалогический характер обучения, когда личность, с помощью учителя или без, вступает в непосредственный или опосредованный диалог с явлениями другой культуры. Это могут быть произведения искусства, литература, представители иной социокультурной среды с особенностями их быта, одежды, пищи и т.д. Коммуникация становится неизбежной. Поликультурное образование предоставляет учащимся набор инструментов, с помощью которых он сможет участвовать в коммуникации, налаживать её и осознанно управлять ею. Поликультурное воспитание – это одновременно приобретение знаний и соответствующее воспитание, передача более точной и совершенной информации при уважении к группам меньшинств, преодолении предрассудков и поощрении терпимости, улучшении академических достижений учащихся из меньшинств, содействии достижению идеалов демократии и плюрализма [5; 9].

Поликультурное воспитание фокусируется на нескольких педагогических принципах:

- воспитание человеческого достоинства и высоких нравственных качеств;
- воспитание для сосуществования социальных групп различных рас, религий, этносов и пр.;
- воспитание толерантности, готовности к взаимному сотрудничеству.

Основной функцией поликультурного воспитания является, прежде всего, устранение противоречия между системами и нормами воспитания и обучения доминирующих наций, с одной стороны, и этнических меньшинств – с другой. Предполагается взаимная адаптация этнических групп, отказ этнического большинства от культурного диктата.

К числу функций поликультурного воспитания можно отнести:

- глубокое и всестороннее овладение культурой своего народа;
- формирование представлений о многообразии культур и их взаимосвязи;
- осознание важности культурного многообразия для самореализации личности;
- воспитание позитивного отношения к культурным различиям;
- развитие умений и навыков взаимодействия носителей разных культур на основе толерантности и взаимопонимания.

Поликультурное воспитание преследует 3 группы целей, которые можно обозначить понятиями «плюрализм» (уважение и сохранение культурного многообразия), «равенство» (поддержка равных прав на образование и воспи-

тание) и «объединение» (формирование в духе общенациональных политических, экономических, духовных ценностей).

Ключевые цели поликультурного воспитания многоступенчаты. Так, при воспитании уважения к иным культурам толерантность лишь начало приобщения к другим культурам. За этим должны следовать понимание, уважение и, наконец, активная солидарность. Далее получают признание основанные на понимании особенностей различных культур такие понятия, как взаимодействие, взаимозависимость, взаимообмен.

Итак, поликультурное воспитание надо рассматривать как часть педагогических усилий, обеспечивающих культурно-социальную идентификацию личности, открытую иным культурам, национальностям, расам, верованиям.

Содержание поликультурного воспитания строится, таким образом, вокруг четырёх ориентиров: социокультурной идентификации личности; освоения системы понятий и представлений о поликультурной среде; воспитания положительного отношения к расширенному культурному окружению; развития навыков социального общения.

Важно, чтобы содержание поликультурного образования отвечало следующим критериям:

- отражение в учебном материале гуманистических идей;
- характеристика уникальных самобытных черт в культурах народов мира;
- раскрытие в культурах народов общих элементов традиций, позволяющих жить в мире и согласии;
- приобщение учащихся к мировой культуре, раскрытие процесса глобализации, взаимозависимости стран и народов в современных условиях.

Суммируя сказанное о функциях, целях, содержании поликультурного воспитания, можно утверждать, что оно предназначено для создания педагогически благоприятного взаимообогащения малой и доминирующей культур, в результате чего происходит становление и самоопределение личности. Поликультурное образование в своей сущности обращено к здравому смыслу, к человеческой природе, к демократическим ценностям и приоритетам правового, гражданского общества. Оно формирует компетентного человека в межнациональном общении. Специалист с высшим образованием должен обладать развитым пониманием и чувством уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, убеждений и верований. Все эти качества являются неотъемлемой характеристикой человека будущего.

Процесс развития поликультурности личности целесообразно, на наш взгляд, осуществ-

влять в 3 этапа, в каждом из которых есть свои цели, средства и ожидаемые результаты, так как именно это необходимо для системного процесса любой деятельности.

Первый этап – *мотивационный*. Его цель – создать положительный эмоциональный настрой на такие общечеловеческие ценности, как терпимость, обычаи и традиции разных народов, вероисповедание, права человека и т.д. Это поможет создать определённый настрой и скорректировать работу в соответствии с особенностями аудитории, что составит результат данного этапа.

Второй этап – *познавательный*. Цель этого этапа определяется следующими направлениями и задачами: знакомство молодёжи с общечеловеческими ценностями, критическое анализирование молодёжью материалов из СМИ, показывающих реальные этнические процессы и рассмотрение возможных путей их решения с точки зрения общечеловеческих ценностей, развитие способности ценить исторический опыт, экономические, культурные, социальные и другие традиции; направление молодёжи на выработку у себя качеств, необходимых для положительного взаимодействия с лицами различных национальностей. Средствами достижения этих целей будут являться общечеловеческие ценности, включённые в учебный и воспитательный процессы. В результате у учащейся молодёжи должно быть сформировано осознанное отношение к данной проблеме, уважительное отношение к разным этносам и религиям, умение общаться с людьми различных вероисповеданий.

Третий этап – *заключительный*. Его цель – обобщение полученных результатов и программирование дальнейших действий.

Поликультурное образование студентов постепенно становится целью высших учебных заведений России. Речь идёт о подготовке дипломированных специалистов, способных к успешной деятельности, в том числе в условиях культурного многообразия, обладающих навыками гуманного межнационального и межкультурного общения.

Решение задач поликультурного образования требует, в первую очередь, широкого использования активных методов обучения и воспитания. Ведущее место в них занимают творческо-поисковая деятельность учащихся, дискуссии, групповая и индивидуальная самостоятельная работа, разработка проектов, ролевые игры, тренинги, в ходе которых учащийся

приобретает опыт решения проблем, связанных с особенностями взаимодействия в поликультурной среде, и которые направлены на формирование культуры общения. В этом случае учащийся становится субъектом учебно-воспитательного процесса, который строится при конструировании непосредственного опыта. Это активизирует его познавательную, эмоциональную и волевую сферу.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что поликультурная педагогика может быть оценена и как неременный инструмент выхода из кризиса воспитания и образования, способствующий гармонизации отношений представителей различных цивилизаций и культур.

Важно накапливать и распространять передовой опыт реализации поликультурного образования и исследовать теоретические и практические аспекты рассматриваемой проблемы.

Список использованной литературы

1. Антология гуманной педагогики. Каптерев / Сост. П. Лебедев. М., 2001.
2. Бондаревская Е.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. М., 1999.
3. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб.: Питер, 2008.
4. Борисенков В.П. Вызовы современной эпохи и приоритетные задачи педагогической науки // Педагогика. 2004. № 1.
5. Давыдов В.В. Развивающее обучение. М., 2006.
6. Джурицкий А.Н. Педагогика в многонациональном мире. М., 2010.
7. Коменский Я.А. Педагогическое наследие. М., 1987.
8. Кузьмин М.Н. Образование в условиях полиэтнической и поликультурной России // Педагогика. 1999. № 6.
9. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. № 4.
10. Шевченко Н.И. Система интегрированного обучения межкультурному речевому общению // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку. Вестник МГЛУ. Вып. 467. М., 2002.
11. Kaikkonen P. Kultur und Fremdsprachenunterricht – einige Aspekte zur Entwicklung des Kulturbildes der Fremdsprachenlernenden und zur Gestaltung des schulischen Fremdsprachenunterrichts // Konzepte von Landeskunde. Heft 3-Universität-Gesamthochschule Kassel, 1994.
12. The International Encyclopedia of Education. Vol. 7. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 3963.

*Статья поступила 20.12.2011
Принята в печать 21.02.2012*

М.В. Шепелев

СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ХИМИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет
Email: vicount@inbox.ru

В статье изучены методы и приемы активизации учебно-познавательной деятельности одаренных учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии в средней школе и приведены методические рекомендации педагогам общеобразовательных учреждений для интенсификации учебно-познавательной активности их воспитанников.

Ключевые слова: детская одаренность, пропедевтический курс химии, учебно-познавательная активность, работа с одаренными детьми.

Опыт современного образования показывает, что различия между детьми в развитии у них интеллектуальных и творческих способностей действительно существуют, а именно, на «общем фоне» учащихся выделяются дети с более развитым интеллектом, со способностями к творчеству, с умением классифицировать, обобщать, находить взаимосвязи между явлениями и объектами, т.е. одаренные дети. Кроме того, исследования педагогов и психологов в последнее время убедительно свидетельствуют, что детская одаренность является интегральным свойством личности ребенка [4,7]. В теории педагогики выделяют три категории детей, которых принято именовать одаренными: детей, имеющих высокий уровень развития интеллекта; детей, достигших огромных успехов в каком-либо виде деятельности; и детей с высоким уровнем креативности мышления, имеющих «нешаблонные» идеи к решению возникающих проблем [2,5].

Развитие детской одаренности у детей в возрасте 10-14 лет широко проявляется при изучении специальных (общеразвивающих) дисциплин и в первую очередь химии как части естествознания или как самостоятельной дисциплины. В процессе обучения основам таких наук учащиеся постоянно находятся в поиске ответа на интересующие их вопросы, крайне любознательны, самостоятельны и очень активны. Именно поэтому раннее выявление детской одаренности, обучение и воспитание одаренных детей на

пропедевтическом этапе изучения химии и активизация их учебно-познавательной деятельности на уроке и во внеурочное время составляют важную проблему теории и методики обучения химии [3,10].

Цель настоящей работы состоит в изучении способов активизации учебно-познавательной деятельности одаренных учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии в школе и создании методических рекомендаций педагогам общеобразовательных учреждений для интенсификации учебно-познавательной активности их воспитанников.

Анализ научной литературы по данной теме [2-7] показывает, что дети с выраженной одаренностью обладают специфическими индивидуально-психологическими характеристиками деятельности и личностными качествами – наличием особых стратегий деятельности, рефлексивным способом обработки информации, способностью обобщать и интерпретировать, предпочтением парадоксальной информации, высоким уровнем способности к самообучению, высокой требовательностью к результатам своего труда. Тем не менее, очень часто одаренные дети испытывают дискомфорт от преимущественно репродуктивного и неестественного для них характера учебно-познавательной деятельности в школе, что в итоге приводит к возникновению трудностей в учебно-воспитательном процессе таких учащихся. Одной из проблем

в работе с одаренными детьми можно считать «угасание» их одаренности при отсутствии условий, способствующих созданию ситуации успеха со стороны педагога для активизации учебно-познавательных способностей на уроке и во внеурочной деятельности. Именно поэтому возможность и степень развития и дальнейшего сохранения творческих способностей у одаренных детей зависит от степени готовности учителя к такой работе [8].

Рассматривая наиболее существенные подходы известных педагогов-практиков и методистов [2-4], направленные на активизацию творческих способностей учащихся на уроках химии в 5-6 классах, и опираясь на результаты собственных педагогических исследований, проведенных в период 2005-2011 годов на базе некоторых школ Ивановской области, можно отметить, что готовность учителей химии (естествознания) работать с одаренными детьми в раннем возрасте существенно зависит от наличия у педагогов особых психолого-педагогических установок, а также знаний, умений и навыков. Способность учителя работать с одаренными детьми предполагает обязательное соответствие его профессионально значимых личностных качеств, знаний и умений особым требованиям, наиболее важным из которых является понимание сущности одаренности как системного и интегрального свойства личности. Специфика работы учителя с данной категорией школьников на пропедевтическом этапе изучения химии состоит в первую очередь в необходимости выявления их творческих способностей, создания вариативной образовательной среды, способствующей дальнейшему развитию их личностного и интеллектуально-творческого потенциала. Во многом это требует от учителя собственной концепции работы с такими детьми, которая, безусловно, должна базироваться на прогрессивных гуманистических идеях о личности ребенка, бережном отношении к его самобытности, оригинальности и неповторимости по сравнению с другими детьми.

Новые знания, в том числе и по химии на раннем этапе ее изучения, лучше воспринимаются тогда, когда учащиеся хорошо понимают стоящие перед ними задачи и проявляют интерес к предстоящей работе на уроке. Постановка целей и задач всегда должна учитывать потребность учащихся к проявлению самостоятельности, их стремление к самоутверждению и жажде познания нового. Если на уроке есть условия для удовлетворения таких потребностей, то учащиеся с интересом включаются в работу [10].

Развитие учебно-познавательного интереса на уроках химии в 5-6 классах является сложной задачей, от решения которой зависит эффективность усвоения сложного материала по химии в

старших классах. В результате проведенных педагогических исследований в период 2006-2011 годов на базе школ г. Иваново и Ивановской области на основании созданной ранее и апробированной в профессиональном сообществе методической системы с использованием авторского учебника [9] было установлено, что интерес у одаренных учащихся проявляется как к содержанию учебного материала, так и к организации познавательной деятельности. Как утверждают психологи [1], именно активизация учебно-познавательной деятельности способствует развитию познавательного интереса. В то же время типовая образовательная программа по химии, не предусматривающая в большинстве школ Ивановской области пропедевтическое изучение предмета, далеко не всегда способствует развитию творческой мыслительной деятельности учащихся, а всего лишь в значительной степени способствует запоминанию какой-либо информации. Более того, какими бы профессиональными навыками по предмету не обладал учитель, традиционный урок химии как в младших классах, так и в старшей школе мало способствует росту мотивации учащихся на дальнейшее восприятие учебного материала, активизации их мыслительной деятельности, развитию и реализации их потенциальных умственных способностей. Например, молодой учитель химии, начинающий работать в младших классах, часто ставит перед собой цель изложить весь объем материала по данной теме на уроке в строгой последовательности, что в итоге приводит к обратному эффекту и «отторжению» одаренных учащихся от педагога.

Снятию усталости, лучшему усвоению учебного предмета, развитию научного интереса, активизации учебной деятельности учащихся, повышению уровня практической направленности химии способствуют более активные формы, средства и методы обучения. Как показывает практика проведения уроков химии, в каждом ученике живет страсть к открытиям и исследованиям. Даже плохо успевающий ученик обнаруживает интерес к предмету, когда ему удастся что-нибудь «открыть», поэтому для лучшего усвоения материала на уроках химии можно проводить фронтальные опыты. Например, учащиеся 6-х классов на пропедевтическом уроке химии по теме «Химические свойства кислорода» экспериментально выясняют условия наилучшего горения простых и сложных веществ. В этом случае во время урока «продвинутые» ученики сами могут получать информацию, выдвигать гипотезу, ставить эксперимент и создавать теорию. Задания такого характера вызывают у них повышенный интерес, что приводит к осознанному восприятию знаний по предмету.

Итогом работы на «новаторском» уроке становятся результаты, самостоятельно полученные школьниками как ответ на проблемный вопрос учителя в начале урока.

Для активизации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроке химии в 5-6 классах и развития интереса к усвоению основных химических понятий (например, понятий «физическое тело», «физические и химические явления», «молекула», «атом», «химический элемент», «химические реакции» и др.) подходят уроки-соревнования. Такие уроки способствуют повышению мотивации учащихся и вносят существенное разнообразие в процесс обучения, поскольку дети начинают больше читать книг по предмету и тренироваться в решении теоретических и экспериментальных задач, не желая отставать от товарищей и подводить свою группу или класс в целом [8]. Например, урок химии в 6 классе на тему «Традиционные и альтернативные источники энергии: за и против», проведенный в форме дискуссии, позволяет одаренным учащимся проявить не только интеллектуальные, но и лидерские качества и посредством работы в группах сформулировать свою точку зрения по данному вопросу.

Для систематизации знаний можно использовать опорные конспекты. Они позволяют ученику составить план изучения химического явления или закона, а также при необходимости очень быстро выполнить и повторить пройденный материал. Например, при проведении открытого урока «Путешествие в мир химии» для учащихся 5 класса было предложено использовать вместо классных тетрадей опорные конспекты, которые учащиеся с удовольствием заполняли по ходу урока и вклеили потом в тетрадь. При этом «сильные» учащиеся не ждали указаний учителя и самостоятельно двигались вперед в получении знаний.

Огромное значение на уроке химии на предшествующем этапе ее изучения имеет лекция с использованием современного интерактивного оборудования, тесно связанная с практико-ориентированным обучением химии. Лекции можно считать эффективным звеном учебно-познавательной деятельности, находящимся в тесной взаимосвязи с другими занятиями, на которых учащиеся в процессе самостоятельной работы расширяют и углубляют свои знания. При изложении материала педагогу необходимо следить за темпом, ритмом речи, заранее объяснять учащимся, что если педагог говорит медленно, подчеркивая и выделяя каждое слово, значит, это важно и нуждается в конспектировании. В лекциях важно использовать элементы занимательности как средства формирования устойчивого познавательного интереса, который являет-

ся своеобразной, эмоциональной разрядкой на уроке и способствует мобилизации внимания и волевых усилий учащихся. Чтение лекции можно сопровождать необходимыми записями опорных конспектов, рисунками, схемами, знакомить учащихся с противоречиями в химии и смежных с ней дисциплинах, жизнью и деятельностью ученых-химиков.

Важную роль в 5-6 классах имеет как реальный, так и виртуальный химический демонстрационный эксперимент, лабораторный практикум [9]. Он является не только необходимым условием достижения осознанных опорных знаний по химии, но и облегчает понимание сущности физических и химических процессов, способствует развитию наблюдательности, умений объяснять наблюдаемые явления, используя для этого теоретические знания, устанавливая причинно-следственные связи особенно в раннем возрасте. Без использования химического эксперимента невозможно развитие одаренности учащихся и формирование у них важнейшей компетенции – навыка практической работы. Во многих школах Ивановской области учителя-новаторы в работе с одаренными детьми используют электронные образовательные ресурсы, в том числе «Цифровую лабораторию», которая поступила в образовательные учреждения в ходе реализации национального проекта «Образование». Все учащиеся на уроках и во внеурочное время имеют возможность проводить следующие практические и лабораторные работы, использование которых в школьном образовательном процессе несколько лет назад было невозможно:

1. Изучение эндотермических и экзотермических реакций;
2. Изучение электрической проводимости веществ с различным типом связи;
3. Изучение зависимости степени диссоциации слабого электролита от его концентрации;
4. Влияние температуры на растворимость соли;
5. Титрование раствора щелочи раствором кислоты;
6. Определение концентрации растворов фотоколориметрическим методом;
7. Изучение зависимости скорости химической реакции от концентраций реагирующих веществ;
8. Измерение pH бытовых кислот и оснований и др.

Активизация процесса обучения одаренных учащихся также достигается применением самостоятельных работ, организуемых в соответствии с особенностями их интересов и конкретных учебно-воспитательных задач. Самостоятельная работа как форма развития познавательного интереса учащихся на всех этапах

урока и в домашнем задании характеризуется как активная, т.к. позволяет управлять процессом обучения, способствует развитию самостоятельности мышления и стимулирует учебную деятельность. Результативность самостоятельных работ определяется индивидуальным и дифференцированным подходом к учащимся в процессе их обучения. Следовательно, такой подход к учебной деятельности может быть рекомендован педагогам, ведущим занятия в 5-6 классах, поскольку взаимосвязь всех видов самостоятельных работ обуславливает прочные знания.

В раннем возрасте у одаренных детей часто проявляется тяга к научно-исследовательской активности. Поэтому учителю, работающему с такими детьми, очень важно предусмотреть возможность проведения дополнительных занятий во внеурочное время по разделам химии, которые больше всего заинтересуют учащихся. В качестве форм проведения таких занятий могут выступать творческие встречи с учащимися старших классов, которые уже достигли весомых результатов в своей деятельности, показ лабораторного оборудования и химических опытов, экскурсионные мероприятия в лаборатории научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, общение со специалистами в более узких областях химии с презентациями опыта их работы и продуктами их труда, а также, что немаловажно, игровые мероприятия, в которых одаренные дети могут проявить свою активность в качестве организаторов или ведущих.

Способы активизации учебно-познавательной деятельности одаренных учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии многочисленны и многообразны, представляют большой практический интерес в

теории и методики обучения химии, требуют глубокого изучения и совершенствования. Их систематическое использование в урочное и во внеурочное время позволяет учителю существенно разнообразить процесс изучения химии в 5-6 классах, привлечь внимание детей к важным и сложным темам по предмету, заинтересовать и способствовать лучшему усвоению учебного материала, а также развивать творческие способности одаренных учащихся.

Список использованной литературы

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. Лейтес Н.С. О признаках детской одаренности // Вопросы психологии. 2003. №4. С. 13-19.
3. Оржековский П.А. Формирование у учащихся опыта творческой деятельности при обучении химии. М., 1997.
4. Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д.Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997.
5. Психология одаренности детей и подростков / под ред. Н.С. Лейтеса. М.: Академия, 1996.
6. Туник Е.Е., Опутникова В.П. Оценка способностей и личностных качеств школьников и дошкольников. СПб.: Речь, 2005.
7. Тэкакс К., Карне М.М. Одаренные дети. М.: Прогресс, 1991.
8. Ушатикова И.И. Подготовка будущих учителей к работе с одаренными детьми // Высшее образование в России. 2006. № 11.
9. Шепелев М.В., Гуськов И.П. Химия. 5–6 кл. Иваново: Автономное учреждение «Институт развития образования Ивановской области», 2009.
10. Шумакова Н.Б. Психология одаренности: обучение младших школьников. Вып. 3. М.: МИОО, 2005.

Статья поступила 10.02.2012

Принята в печать 03.03.2012

Т.Б. Кудряшова

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Ивановский государственный химико-технологический университет
Email: kudryashovs@mail.ru

Рецензия на книгу «Научные основы развития образования в XXI веке: 105 выступлений членов Российской академии образования в СПбГУП» / сост., ред. А.С. Запесоцкий, О.Е. Лебедев. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 672 с. (ISBN 978-5-7621-0576-7).

Адресованное преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов издание, включающее 105 лекций и выступлений восьмидесяти четырех академиков и членов-корреспондентов Российской академии образования, прочитанных ими за последние полтора десятков лет, является достойным поводом для дальнейшей рефлексии над путями развития образования. Причем, к этой рефлексии могут присоединиться не только преподаватели, аспиранты и студенты гуманитарных вузов, но и представители широкой общественности, профессионально причастные к решению задач обучения, воспитания, развития детей и юношества.

Предметное поле, обозначенное в публикациях, предельно широко: от анализа общего социокультурного контекста, в котором развивается образование, до рассмотрения его конкретных проблем; от общих задач структуризации образовательной системы до задач, решаемых на каждой образовательной ступени; от анализа широкого исторического контекста развития образования, до обращения к актуальным событиям, реформам современного образовательного процесса. В целом вполне согласиться с высказыванием президента РАО, академика Н.Д. Никандрова о том, что данный сборник представляет собой «системный анализ феномена образования в современном обществе»¹. Значимым является также тот факт, что все эти материалы были не просто опубликованы, но прочитаны в аудиториях Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов студентам и преподавателям.

В редакторском вступлении к сборнику ректор СПбГУП, академик РАО А.С. Запесоцкий выделяет ключевые моменты, характеризующие содержание сборника в целом. Это потенциал образования в условиях меняющегося социума

и его обратное влияние на духовный потенциал общества. Это перспективы формирования способностей к обучению в течение всей жизни. Это постановка целей опережающего развития образования как в школьной системе, так и в системе профессионального образования, это формирование профессиональной мотивации к инновационному поведению, а также множество других точек интенсивности, вокруг которых концентрируются идеи, силы современной педагогической науки.

В литературе образование нередко рассматривается как довольно консервативная система, однако в материалах круглого стола, представленных в сборнике, дается иной взгляд на взаимодействие образования с культурным контекстом. Концепция культуроцентризма, как методология основы образования, предложенная А.С. Запесоцким, предполагает существенное изменение стратегии и тактики образования в условиях формирования нового типа культуры, для которой пока нет адекватной педагогической системы (см. С. 30-31). В самом общем виде это изменение подразумевает насыщение образовательной среды «духовными референтами», а тактика решения такого рода задач должна быть гибкой и соответствовать социокультурной ситуации. Именно к этой теме обращается в своем выступлении 2003 года и поэт А.А. Вознесенский, в свойственном ему стиле обозначивший проблему, которую в науке обычно обозначают как проблему «диалога культур». В целом тема диалога культур, рассматриваемая с самых разных позиций, стала красной нитью в данном сборнике.

В таком контексте не мог не возникнуть вопрос о роли отдельных форм культуры и культурной деятельности в формировании образованной личности, развитии образованного человека.

Среди них особая роль отводится философии, и об этом говорится в публикациях В.Г. Кинелева, В.А. Лекторского. Обращение к философии как обязательной составляющей образовательного процесса на каждой из ступеней его развития также подчеркивает специфику потребностей современной культуры.

Конечно, потребности культуры и образования не исчерпываются только философией. Духовная основа образования гораздо шире и именно об этом – статья Ш.А. Амонашвили, который как руководитель Международного центра гуманитарной педагогики, раскрывает тему духовности и гуманности в качестве фундаментальных понятий образования (С. 331-343). Известный педагог и исследователь вновь акцентирует внимание на важнейших ценностях, постулатах педагогической науки и практики, таких как уникальность ребенка, неограниченная энергия его духа, восприятие ребенка как неповторимой частицы целого.

В связи с провозглашением такого рода сильных установок не может не возникнуть вопрос о масштабных механизмах перехода к новой образовательной парадигме, в качестве которых нередко предлагают то, что связано с современными процессами модернизации образования на общегосударственном уровне. Этой тематике посвящены два раздела сборника, включающих около сотни страниц. Причем, рассматриваются, в основном, модернизационные процессы, затрагивающие профессиональное образование, и такое смещение акцентов на высшую школу показательно, поскольку университетская педагогика нуждается в совершенствовании не менее, чем педагогика среднего образования. Разговор о «внутренней мотивации» субъектов высшего

образования (Е.А. Климов), о «новом состоянии сознания», к которому должен приводить университет (А.С. Запесоцкий), об «изоморфности знаковой парадигмы структурам культуры» (А.П. Валицкая) и прочих важных идеях современного образования подкрепляется конкретными предложениями по укреплению качества высшего образования. Этот вопрос рассматривается и с точки зрения акмеологии (Н.В. Кузьмина) как внутреннего антропологического фактора, и с точки зрения влияния вневузовских факторов; и с позиции теории, и с позиции практики. Но в любом случае нельзя не заметить не только угрожающего уровня снижения качества высшего образования, могущего привести к его полной потере (В.Д. Шадриков С. 529-530), но и имеющегося творческого потенциала современной педагогической науки, реализация которого в существенной степени зависит от политики модернизации, проводимой государством в сфере образования. Таким образом, успех или очередная неудача как образовательной политики в целом, так и деятельности конкретного преподавателя, в существенной степени зависят от продуманности, согласованности масштабных реформ и «живой культуры» (В.Л. Матросов, С. 508-510) индивидуальных участников педагогического процесса.

Примечания

1. Научные основы развития образования в XXI веке: 105 выступлений членов Российской академии образования в СПбГУП / сост., ред. А.С. Запесоцкий, О.Е. Лебедев. – СПб.: СПбГУП, 2011. С. 19 (далее ссылки на данное издание будут осуществляться через указание номера страниц в тексте в круглых скобках).

Статья поступила 20.12.2011

Принята в печать 28.12.2011

Contents

History and Culture Studies	5
Komissarov V.V. DEVELOPMENT OF FANTASTIC CINEMA AND FANTASTIC PAINTING IN THE CONTEXT OF HISTORY OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA.....	5
Dokuchaev D.S. “HOMO REGIONALIS”: IDENTITY AND BOUNDARIES OF THE LIFEWORLD OF MODERN RUSSIAN PEOPLE.....	11
Philosophy	17
Kulikov D.V. CERTAIN STRUCTURES OF EVERYDAY THINKING.....	17
Smirnov G.S., Smirnov D.G. HYPOSTASES OF NOOSPHERIC HISTORY.....	21
Petryakov L.J. PERCEPTION AND INTENTION: IMAGE OF A SCIENTIST IN MEDIA AND IDEALIZED OBJECT OF SCIENCE.....	29
Philology and Linguistics	33
Shurygina O.A. ASSOCIATIVE FIELD OF THE EMOTIONAL CONCEPT «JOY» IN LITERARY AND RELIGIOUS DISCOURSES (on the English language material).....	33
Cherkasova A.A. PERCULIARITIES OF CONCEPTUAL METAPHOR USAGE IN POLITICAL DISCOURSE (on the speeches of the U.S. President Barack Obama).....	39
Denisov K.M. DICTIONARY OF PHONETIC TERMS AS LINGUISTIC AND METALINGUISTIC TEACHING AID.....	48
Goryutskaya N.V. EROS AND THANATOS IN A MORTAL LYRIC OF VALERY BRYUSOV....	54
Lelis E.I. THE ROLE OF LEXICAL STRUCTURE OF LITERARY TEXT IN THE SUBTEXT MEANINGS EXPLICATION (on the basis of A.P. Chekhov’s story “ A Lady with a Little Dog”)...59	
Methodology of Teaching	65
Kabanova L.A. POLYCULTURAL EDUCATION AS MEANS OF PREPARING YOUNG PEOPLE FOR LIVING AND SUCCESSFUL ACTIVITY UNDER CONDITIONS OF MULTICULTURAL SOCIETY.....	65
Shepelev M.V. STIMILATION OF THE EDUCATIONAL-COGNITIVE ACTIVITY OF GIFTED CHILDREN DURING INTRODUCTORY STAGE OF CHEMISTRY LEARNING.....	71
Review	75
Kudryashova T.B. EDUCATION IN THE MODERN WORLD: A SCIENTIFIC APPROACH.....	75
Contents	77
Abstracts	79
List of Authors	82
Information for the Contributors	83
Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 2012 3 (1)	77

HISTORY AND CULTURE STUDIES

Komissarov V.V.

DEVELOPMENT OF FANTASTIC CINEMA AND FANTASTIC PAINTING IN THE CONTEXT OF HISTORY OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA

The forms of the participation of the Soviet intellectuals of the 1920-1980s in the development of different types of science fiction: fantastic cinematography and fantastic painting are considered. The article is based on the broad range of sources, first of all, publications in popular periodicals. Interdisciplinary approach and retrospective analysis are applied.

Keywords: intelligentsia, science fiction, fantastic painting, fantastic cinematography.

Dokuchaev D.S.

“HOMO REGIONALIS”: IDENTITY AND BOUNDARIES OF THE LIFEWORLD OF MODERN RUSSIAN PEOPLE.

The article considers the issues of the regional identification of the modern Russian people. The concepts "region" and "regional identity" in the context of social and philosophical knowledge are analysed. The author attempts to answer the questions about the role of the region in the life of the modern Russian, about the limits of this space and the way of their formation and determination, about the ways of the "identity" concept interpretation in the field of regional social studies.

Keywords: region, identity, regional identification, boundaries of the lifeworld, regionalization of space.

PHILOSOPHY

Kulikov D.V.

CERTAIN STRUCTURES OF EVERYDAY THINKING

Certain heuristics of everyday thinking are considered in the article. The conclusion on the existence of everyday rationality as a special type of discourse is made in the article.

Keywords: everyday life, common sense consciousness, common sense thinking, typification

Smirnov G.S., Smirnov D.G.

HYPOSTASES OF NOOSPHERIC HISTORY

In the paper a concept of the noospheric history is revealed through the system of complete philosophical knowledge foundations – ontology, gnoseology, axiology and praxiology. Synthesis of universum-semiotic, system-synergetic and antropo-personalistic approaches allows to consider a perfection of individual and collective world-mind as an integrative indicator for the noospheric history.

Keywords: noospheric history, ontology of the plerom history, polygnosis of history, klientos, kliioptimism, personal-active existentiality, semiosophy

Petryakov L.J.

PERCEPTION AND INTENTION: IMAGE OF A SCIENTIST IN MEDIA AND IDEALIZED OBJECT OF SCIENCE

The problem of image as a form of thinking and means of world researching is considered in the article. Image is regarded as the model of reality: material (perception) and ideal (intention). Both of them can be true (demonstrate significant properties of reality and false, erroneous). Never the less, the summarized image is the abstract essence, inexpressible in the notion, but enough for practical activity of people.

Keywords: image, symbol, thinking, myth, notion, science, imagination, reason.

PHILOLOGY AND LINGUISTICS

Shurygina O.A.

ASSOCIATIVE FIELD OF THE EMOTIONAL CONCEPT «JOY» IN LITERARY AND RELIGIOUS DISCOURSES (on the English language material)

The associative field of the emotional concept «joy» in the two types of discourse (literary and religious) is described in the article. The analysis of language units shows that there are different conceptual systems in the two types of discourse. Joy is interpreted as happiness, pleasure, gaiety, rejoicing, ecstasy in literary discourse, and as God, faith, virtue in religious discourse.

Keywords: emotional concept, literary discourse, religious discourse, associative field, cluster.

Cherkasova A. A.

PERCULIARITIES OF CONCEPTUAL METAPHOR USAGE IN POLITICAL DISCOURSE (on the speeches of the U.S. President Barack Obama)

Some features of political discourse, in particular, the specific cognitive function of metaphors with a focus on the so-called «cognitive interface» and its functional features - manipulative, discourse-forming etc, were researched. The analysis of cognitive metaphors in the speeches of the U.S. President Barack Obama, delivered during the conflict in Egypt (January-February 2011) and during diplomatic contacts with Egypt in 2009, was made. The revealing conceptual metaphor illustrates one of the most important features of the political text - the veiling of the meanings.

Keywords: political discourse, cognitive metaphor, Barack Obama speeches, concept, speech manipulation.

Denisov K.M.

DICTIONARY OF PHONETIC TERMS AS LINGUISTIC AND METALINGUISTIC TEACHING AID

The article highlights basic parameters of the blueprint of the Dictionary of Phonetic Terms - new generation manual aimed at formation, development and enhancement of linguistic and metalinguistic competences of potential users. One of the main objectives of the reference book under compiling is a more effective foreign sound speech acquisition.

Keywords: dictionary of phonetic terms, terminological system, dictionary user, language competence level.

Goryutskaya N.V.

EROS AND THANATOS IN A MORTAL LYRIC OF VALERY BRYUSOV

The reasons of interest in death issues in Valery Bryusov's creative work are considered. The analysis of lyric texts allows to make a conclusion that in love poetry Bryusov creates the image of femme fatale leading the lyric hero to death. Only tandem of Eros and Thanatos makes possible for the poet to penetrate into the mystery of entity.

Keywords: Eros, Thanatos, Mortal Passion, Chthonic Being, Mortal Lyric Poetry.

Lelis E.I.

THE ROLE OF LEXICAL STRUCTURE OF LITERARY TEXT IN THE SUBTEXT MEANINGS EXPLICATION (on the basis of A.P. Chekhov's story "A Lady with a Little Dog")

The role of a lexical structure of a literary text in the subtext meanings explication is studied. It is shown that esthetically important, thematic, key and conceptually loaded words form the basis of the development of words – images (slovoobraz) which stimulate the creation of subtext meanings.

Keywords: lexical structure of a literary text, esthetically important word, thematic word, key word, conceptually loaded word, subtext, idiosyncrasy (individual style of a writer).

METHODOLOGY OF TEACHING

Kabanova L.A.

POLYCULTURAL EDUCATION AS MEANS OF PREPARING YOUNG PEOPLE FOR LIVING AND SUCCESSFUL ACTIVITY UNDER CONDITIONS OF MULTICULTURAL SOCIETY

The article is devoted to the role of polycultural education under modern conditions. Conceptual and historical foundations, aims and technologies of this important component of education are considered. Special attention is paid to the dialogical approach to teaching and development.

Keywords: polyculturalism, intercultural communication, ethnos, mobility, globalization, intercultural dialogue, tolerance, sociocultural identification of personality.

Shepelev M.V.

STIMULATION OF THE EDUCATIONAL-COGNITIVE ACTIVITY OF GIFTED CHILDREN DURING INTRODUCTORY STAGE OF CHEMISTRY LEARNING

Methods and techniques of educational-cognitive activity stimulation of gifted children during propaedeutic stage of chemistry learning in secondary school were studied in the article, and methodical recommendations to teachers of secondary schools for the intensification of the educational-cognitive activity of their pupils were given.

Keywords: gifted children, introductory chemistry course, the educational-cognitive activity, work with gifted children.

Список авторов

1. **Горюцкая Наталья Владимировна** – старший преподаватель кафедры культурологии Омского государственного педагогического университета (Email: gorutskaja@mail.ru) 54
2. **Денисов Константин Михайлович** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры английской филологии Ивановского государственного университета (Email: bondin5@yahoo.com) 48
3. **Докучаев Денис Сергеевич** – начальник отдела по взаимодействию со средствами массовой информации (пресс-центр) Администрации города Иванова (Email: den-dokuchaev@mail.ru) 11
4. **Кабанова Людмила Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д.К. Беляева (Email: llasma@mail.ru) 65
5. **Комиссаров Владимир Вячеславович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д.К. Беляева (Email: cosh-kin@mail.ru) 5
6. **Кудряшова Татьяна Борисовна** – доктор философских наук, зав. кафедрой философии Ивановского государственного химико-технологического университета (Email: kudryashovs@mail.ru) 75
7. **Куликов Дмитрий Валерьевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановской государственной текстильной академии Ивановской государственной текстильной академии (Email: dichmail@mail.ru) 17
8. **Лелис Елена Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории Удмуртского государственного университета (Email: elena-lelis@mail.ru) 59
9. **Петряков Леонид Джорджевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ярославского государственного технического университета (Email: petryakovld@ystu.ru) 29
10. **Смирнов Григорий Станиславович** – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии Ивановского государственного университета (Email: gssmirnov@mail.ru) 21
11. **Смирнов Дмитрий Григорьевич** – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета (Email: dissovets_212@mail.ru) 21
12. **Шепелев Максим Владимирович** – кандидат химических наук, старший преподаватель Ивановского государственного химико-технологического университета (Email: vicount@inbox.ru) 71
13. **Шурыгина Ольга Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Email: olga-saiko@mail.ru) 33
14. **Черкасова Антонина Александровна** – аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (Email: ino@isuct.ru) 39

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Представляем Вашему вниманию научный журнал «Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Издатель – ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет». Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные исследования диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Ознакомьтесь с журналом в электронном виде. Вы можете на сайте: <http://www.isuct.ru/e-publ/gum/>. На сайте организована интерактивная регистрация и оформление заявок на публикацию статей. **Редакция принимает к рассмотрению только те статьи, которые направлены через сайт или по электронному адресу: gum-journal@isuct.ru.**

К публикации принимаются статьи (объемом 10 000 – 20 000 печатных знаков) и материалы (до 10 000 печатных знаков) по *отечественной и всеобщей истории, археологии, культурологии и истории искусств, философии, психологии, лингвистике и межкультурной коммуникации, филологии и литературоведению*; информация о научных конференциях с участием вузовских преподавателей.

Направляемые материалы должны иметь несомненную новизну, ярко выраженный исследовательский компонент, теоретическое и практическое значение, четко сформулированные выводы, отражающие основные результаты исследования.

Периодичность издания журнала «*Известия высших учебных заведений. Серия гуманитарные науки*» 4 выпуска в год.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

Статьи должны быть представлены в электронном виде в формате MS WORD/Doc (или RTF) и на бумажном носителе (1 экз.).

Интервал – одинарный, поля – по 2 см со всех сторон, отступ (красная строка) – 1.5 см
Шрифт – 14 (Times New Roman)

Функция «Расстановка переносов» – включена.

Первая страница статьи должна содержать название, фамилии и инициалы авторов, ученую степень, ученое звание, полное наименование должности и места работы; адреса электронной почты, аннотацию и ключевые слова (5-6 ключевых слов или словосочетаний) – **на русском и английском языках**.

Иллюстрации должны иметь порядковый номер и названия. В тексте должна быть ссылка на каждый рисунок, схему или график. Необходимо указывать источник всех использованных при создании графического объекта данных. Схемы, диаграммы, графики, должны быть построены с помощью Microsoft Excel и предоставлены отдельными файлами. Рисунки, выполненные с использованием графических редакторов, должны быть сгруппированы. Растровые изображения должны быть присланы отдельными файлами с расширением tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к иллюстрациям в тексте статьи должны выполняться в местах их расположения полужирным шрифтом.

Таблицы должны располагаться в тексте статьи и их ширина не должна превышать

текстового поля страницы. На каждую таблицу в тексте должна быть ссылка, т.е. в скобках указывается номер таблицы и используется сокращение слова «таблица» (табл. 1). Оформление таблиц должно соответствовать следующим нормам: слово «Таблица» располагается справа и ставится ее порядковый номер. На следующей строке по центру полужирным шрифтом приводится название таблицы. Каждая строка и столбец таблицы должны иметь название.

Сноски с последовательной нумерацией указываются **только в конце статьи**, перед списком литературы.

Список литературы – в конце статьи, с нумерацией по алфавиту (ГОСТ 7.05-2008).

В ссылках на электронный ресурс обязательно указание режима доступа и времени обращения.

Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Ответственный секретарь журнала – доц. кафедры иностранных языков ИГХТУ С.В. Мошчева (89109938845).

Главный редактор – профессор Н.К. Иванова (89023188971).